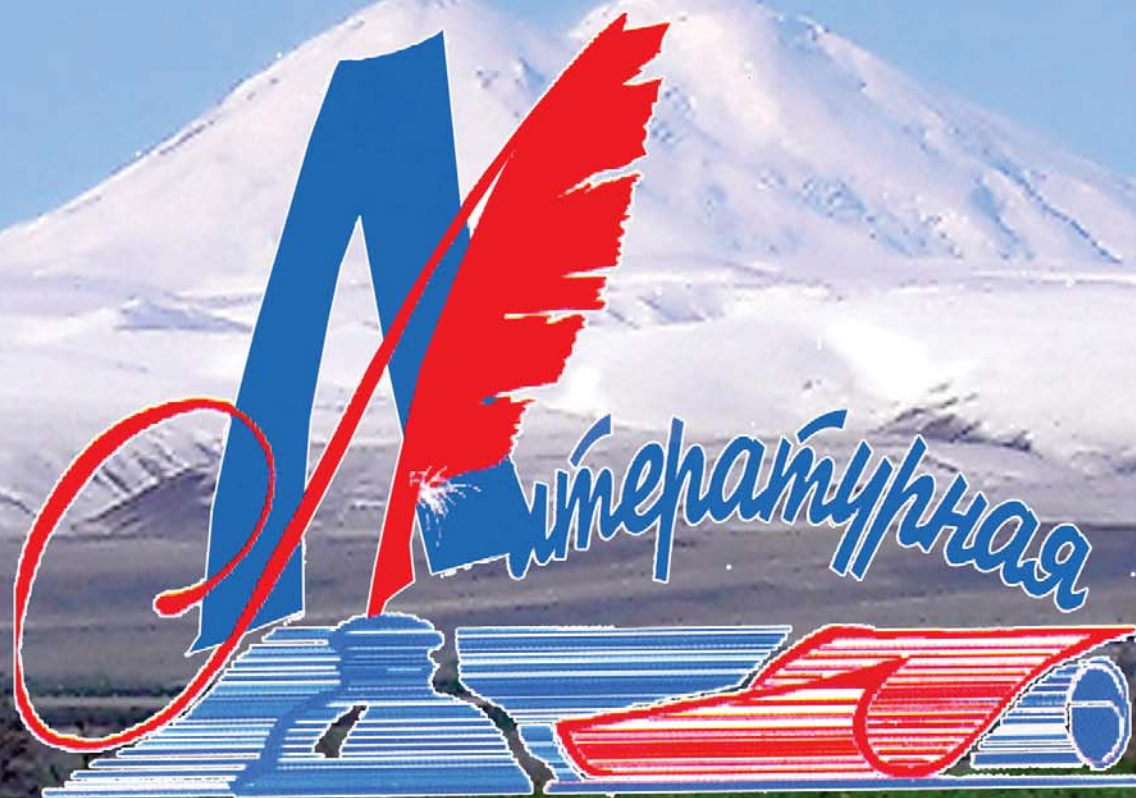

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

5. 2020

4 сентября 2020 года в Нальчике состоялась торжественная церемония открытия сквера и памятника-бюста имени адмирала Арсения Григорьевича Головки.

В мероприятии приняли участие Глава КБР Казбек Коков, дочь адмирала Наталья Головки и внука Александра, руководство Парламента и Правительства КБР, ветераны, представители общественности и жители города.

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

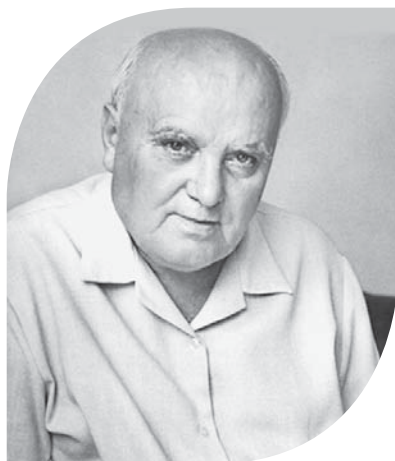
Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

5. 2020 СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ

Аскерби ШОРТАНОВ

От переводчика

Тетралогия Аскерби Шортанова «Горцы» можно без преувеличения назвать самым значительным событием в кабардинской литературе. Она охватывает целую эпоху – с юношеских лет Шоры Ногма до завершения русско-кавказской войны и трагического исхода адыгов с родной земли.

В основе произведения – огромный фактический и исторический материал, что делает его абсолютно достоверным и ценным.

Первая книга на родном языке вышла в 1954 году, через два года был издан и перевод. Четвертая часть романа была опубликована в 1988 году. И если автор счастливым образом смог увидеть выход в свет первых трех книг в переводе на русский язык, то четвертую Аскерби Тахирович успел издать только в оригинале.

У перевода заключительной части – особая и в чем-то мистическая история. Автор этих строк переводила ее дважды. Первый вариант исчез непонятным образом. Спустя много лет по заказу книжного издательства я сделала работу во второй раз. С тех пор опять прошло много лет. Экономическая ситуация в книгоиздании растянула время ожидания.

Благодаря журналу «Литературная Кабардино-Балкария» читатель смог шаг за шагом пройти путь героев романа. Мы начали публиковать роман с первого номера 2017 года. И вот перед вами заключительные главы этой великой книги – да, великой, так скажет каждый, кто прочел ее от начала и до конца. У меня чувство, будто я расстаюсь с близким человеком – с этой книгой связано столько лет труда. И, как всегда, терзаюсь вопросом: а что сказал бы автор? Тихо надеюсь, что Аскерби Тахирович остался бы доволен.

До новых встреч в нашей мастерской перевода!

Лариса Маремкулова

¹ Окончание романа (см. 4, 2020 г.).

ГОРЦЫ

Книга четвертая

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Впервые Шамиль выбирался на такой простор. Не то чтобы он никогда не видел полей и равнин, но, рожденный в горах и никогда не доходивший дальше Кизляра, он знал только зажатые в ущельях участки ровных долин и узких наделов, используемых горцами под посевы. А тут – от подножья горного хребта до самого моря – тянется бескрайняя плоскость. «И это они называют российской глубиной?» – раздраженно подумал имам. Ему не по нраву была эта непривычная картина. Вспомнились свои же слова, сказанные когда-то одному пленному полковнику: «Вы, русские, не можете победить нас уже полвека. И не победите никогда. Потому что воюете не с нами, а с нашими крутыми горами, темными теснинами, бурными реками, глухими лесами, с нашим бездорожьем. Вот почему я дни и ночи молюсь Аллаху о том, чтобы Кавказ – наша крепость – хранила нас и дальше».

Не потому ли он, Шамиль, в единственный свой поход в Кабарду быстро развернулся обратно? Ведь там не было так много скал и ущелий, все больше равнины, так что войско было бы здесь в невыгодном положении.

Он ехал в карете генерала Барятинского, которому в награду за пленение Шамиля сам Главнокомандующий присвоил титул «Светлейший князь». Стало душно, и имам пересел в легкую генеральскую пролетку вместе со своим казначеем Хаджио. Теперь он мог окинуть взором всю бескрайнюю степь, прилегающую к Кавказским горам. Она тянулась от края до края, за горизонт, сливаясь вдаль с синим небосводом. Никогда еще Шамиль не видел такого простора.

По пути им встретились несколько хуторов и станиц, и все жители их, кто мог ногу вдеть в обувь, выбегали на дорогу, чтобы поглядеть на «того самого Шамиля». Удивлению имама не было предела. Ведь столько лет воевали. Столько крови друг друга пролили, а эти не показывают никакой враждебности, разве что детское любопытство. Станный все-таки народ эти русские. Другие бы его на части разорвали. Сколько трупов увезли они с Кавказа в Россию, а этим хоть бы что.

В каждой станице везущую имама процессию встречали хлебом-солью. Выносили угощение – арбузы и дыни, хлеб и сыр. Зная мусульманские традиции, ничего мясного не подносили. Всюду на-

рядные парни, девушки с цветами в волосах, музыка, танцы. Люди праздновали окончание войны. В станичных церквях неустанно звонили в колокола. От села к селу, от станицы к станице выезжали группы всадников, чтобы сопровождать почетного пленника. Были среди всадников старые вояки с орденами и медалями на груди за отличия в турецкой кампании в армии Румянцева и Суворова.

Не доезжая до станицы Георгиевской, встретили большую группу людей, человек двести, не меньше. Огромное стадо крупного скота – верблюдов, волов, лошадей – гнали вслед за крикливой толпой, и вся эта живая масса не уместилась на самом широком почтовом тракте. На запряженных волами и верблюдами полозьях из железного бруса тащили два громадных паровых котла. Их везли на открытое в Ардонском ущелье близ Садона свинцовое месторождение, принадлежащее Воронцову. Волон и верблюдов в двойных упряжках время от времени меняли и тянули груз с новой силой.

Котлы эти тащили из Новороссийска, куда они морем прибыли из Германии. Уже два месяца люди и животные были в пути, а до Садона пути было еще дней двадцать, не меньше. Горцы стягивались сюда отовсюду, чтобы поглазеть на невиданное чудо, а тут еще проезд Шамиля пришлось кстати, так что от любопытных не было отбоя.

Когда приблизилась процессия Шамиля, везущие груз сделали остановку, чтобы пропустить знатного горца, да и увидеть его своими глазами. Хаджио спрыгнул с медленной пролетки и вскочил на паровой котел, горой высившийся на железных полозьях.

– Погляди, мой имам, что это!

Пролетка остановилась, и Шамиль вышел и подошел к колонне.

– И что это будет? – спросил он у главного колонны, видимо, инженера.

– Эти котлы силой пара будут приводить в движение машины.

– Силой пара? – переспросил Шамиль.

– Да, имам, именно так.

Шамиль удивленно покачал головой, хотя и не понял ничего. Вдруг где-то рядом зазвучала аварская песня, но так, будто шла она из-под земли или утробы этой железной махины. Шамиль нагнулся и заглянул внутрь котла. Там отплясывал лезгинку и пел Хаджио.

– Мой имам, ты видел, чтобы кто-нибудь плясал на железе?

– Выбирайся оттуда, что ты делаешь? – Шамилю стало неудобно.

– Постой, имам, дай покажу еще, каковы аварские ноги в плясе!

Шамиль отошел в сторону, затем с трудом пробрался сквозь осаждавшую его толпу и сел в карету Барятинского. Горцы кричали ему вслед: «Да здравствует имам! Счастливой дороги, Шамиль!» Но он не слышал ничего, оглушенный всеобщим шумом и своими тяжелыми думами: «Железо свое притащили. Значит, решили осесть

надолго. Что несут они моему бедному горскому народу? Счастье? Беду? Кто знает...»

Они все дальше удалялись от Кавказских гор, и вот уже хребет накрылся легкой дымкой и оттого казался еще дальше. Снежные кряжи казались белыми орлиными крыльями. Еще немного – и они растворятся в воздухе. Подумав об этом, Шамиль позвонил в висевший над дверью колокольчик и остановил карету.

– Сделаем намаз, – сказал он, – помолимся за наши горы, за людей, которых мы оставляем там. Думается мне, больше мы их никогда не увидим...

Хаджио достал из кареты бархатный намазлык, маленький медный таз и кумган кубачинской работы. Завершив омовение, Шамиль вытерся и встал на намазлык лицом к горам. Его суровое лицо с отметинами минувших лет стало каменным, глаза сузились, словно у калмыка. Жесткие губы шептали что-то. Хаджио не различал слов молитвы, но видел, как по лицу Шамиля непрерывно стекали два ручейка... Имам Кавказа прощался со своей родиной.

По приказу военного министра России по пути следования Шамилю во всех городах устраивали пышный прием. На подходе к Ставрополю его встретили выстроенные парадом военные во главе с генералами и старшими офицерами. На городской окраине, на мягкой траве в тени грушевой рощицы расстелили ковры, ломившиеся от всякой снеди. Специально для Шамиля готовили повара-мусульмане, привезенные из Пятигорска и Нартсаны.

Когда Шамиль в сопровождении уланского эскадрона приблизился к параду, грянул оркестр, военные вытянулись по приказу «Смирррно!», и генералы пошли навстречу почетному гостю. Многократное «ура!» сотрясало окрестности. Солдаты радовались от души, встречая вчерашнего заклятого врага, тысячу раз проклятого ими за кровь братьев. Но сегодня они забыли все и были благодарны Шамилю за то, что он сдался. Значит, конец войне, не будет больше смертей, впереди долгая и мирная жизнь! Солдаты смотрели на почетного пленника, не в силах скрыть восхищения его мужеством.

Вечером в честь Шамиля устроили бал в гостином дворе Найтаки. Предводитель дворянства Ставропольской губернии подошел к сидевшему в кресле имаму и представил ему свою супругу. Они сидели рядом и беседовали, когда жена предводителя достала из сумочки нарядный портсигар, открыла его небрежно, достала оттуда что-то и втянула носом, так же небрежно захлопнула портсигар и опустила его в сумочку. Шамиль был удивлен и спросил у своего толмача:

– Что это она делает?

– Табак нюхает, – ответил тот. – Русские женщины так курят.

– Мужчина, у которого жена курит, – не мужчина! – нахмурил брови Шамиль. В самый разгар бала, распихивая танцующих, ворвался в зал Хаджи-Исмел. Он с ходу упал на колени перед Шамилем и трижды поцеловал подол его абы.

– Наш великий имам, мой имам, – заплакал он, – как же это могло случиться? Лучше бы тебе в саван завернуться, мой имам! Ты погубил нас, разбил нам сердце, мой имам! На тебя лишь надежда была, что сохраним себя от гяуров, отстоим свою честь. О Аллах, ты видишь все, сохрани нас и спаси, сбереги нашего имама. Одна была у нас надежда – наш имам, и того ты отнял у нас, дозволил гяурам забрать его!

Когда до Хаджи-Исмела дошел слух, что русские захватили Шамиля и увозят в Россию, он вмиг оседлал коня и поскакал в Шанткале – Ставрополь. Ему на этот раз удалось то, что не удавалось никогда в жизни. По приказу генерала Барятинского велено было не подпускать горцев к Шамилю, но удержать Хаджи-Исмела не смогли. Сейчас он причитал и плакал без всякого притворства, то вздымая руки вверх, то падая ниц и касаясь ноговиц имама.

– На кого же ты нас оставляешь, сирот! – продолжал причитать Хаджи-Исмел. – Наш иман, наш имам, ты был и впереди, и за спиной у нас, ты был защитой и надеждой. А теперь ты бросаешь нас! О Аллах!

Вдруг Хаджи-Исмел вскочил на ноги, выбежал в круг, дамы испуганно отбежали и прижались к стенкам.

– Вы ликуете, звоните в колокола, да? Что ж, Шамиль у вас в руках, ваше счастье. Что ж, играйте, скоты, ликуйте, пляшите, но знайте: есть на Кавказе и другие люди, кроме Шамиля... – Изловчившись, он выхватил шашку из ножен стоявшего рядом ротмистра и, размахивая ею, стал метаться по кругу. – Вот, что еще есть, смотрите! Мы есть!

Дальше он ничего не успел сказать. Один из знатных горцев подкрался к нему со спины и накинул ему на голову бурку. На подмогу подоспели другие, и Хаджи-Исмела вынесли из зала.

2

Остались позади плодородные поля, прилегающие к горам Кавказа, растянулась на много верст вперед калмыцкая степь. Карета неслась по хорошо утоптанному почтовому тракту. Вжавшись в угол кареты, Шамиль то ли дремал, то ли всем существом погрузился в свои думы. А у него было о чем думать, и было довольно времени на бесконечное копание в том, что было в жизни, зачем это было, и было ли нужно кому-то все, что произошло за последние двадцать пять лет. Двадцать пять лет! Этот последний отрезок жизни занимал его мысли больше всего. Прав ли он был?

Оправдала ли себя бесконечная война с великой державой, заранее обреченная на провал?

Он хотел видеть смысл в своей войне, и в такие минуты говорил себе: война за свободу и веру не может быть бесцельной! Но какой ценой, ценой скольких жизней! На душе становилось муторно, он закрывал глаза и тяжело вздыхал. Перед глазами вставали картины и образы людей – Казий-Мухамед, Махти, Хаджи-Мурат, даргинское сражение. И снова – был ли смысл в том, что двадцать пять лет лилась кровь? Разве он, Шамиль, не ведал о том, что еще со времен Петра Первого Россия шаг за шагом приближалась к Кавказу? Перешла сначала Дон, потом Кубань, а там и Терек. Для чего ей это нужно было? Своей земли мало? Вот она, тянется без конца и края. А может, русские хотели свою веру утвердить по всей земле? Раньше Шамиль был уверен, что в этом главная цель России. Но нет, он заблуждался...

Сожалеет ли он о том, что было за два с половиной десятилетия? Нет, не сожалеет. Путь гибли люди, пусть русские победили, зато его пример останется в веках. А как же грех за множество загубленных жизней? Что ж, это война, а на войне жертвы с обеих сторон, и Аллах пусть поделит тот грех пополам. За свою долю он ответит сам на том свете, когда попадет в ад или в рай. Если пустят...

Дорога нырнула в маленький овражек с мутным ручейком и наискосок выбралась на ровный тракт. Вскоре впереди показалась большая группа пеших, человек пятьдесят-шестьдесят, сопровождаемых конным конвоем. До сих пор все встречные расступались перед кортежем Шамиля. Но тут, похоже, им не собирались уступать дорогу, а может, не могли. Карета слегка подалась в сторону, объезжая толпу. И вдруг в окошке кареты показалось заросшее лицо, показавшееся Шамилю знакомым. Человек бежал за повозкой, припав к окошку и всем своим изможденным лицом излучая радость.

– Батоко! Ты ли это? – встрепнулся Шамиль.

– Я, мой имам, Батоко! – радостно ответил тот.

Шамиль велел остановиться и вышел из кареты. Батоко бросился к нему, простирая вперед руки. Раздался лязг цепей, и только теперь Шамиль заметил, что руки и ноги у него в кандалах. Присмотревшись, имам увидел, что все остальные люди тоже закованы в цепи.

– Что это, почему, куда? – спросил он упавшим голосом.

– В Сибирь, мой имам, на каторгу.

– Да за что же, как же тебя угораздило?

– Не угораздило, имам, я долг свой выполнил.

– Какой долг?

– Я человека убил...

После того как Батоко перешел к Шамилю, он показал себя героем, не раз шел на смерть по воле имама. Но не все ему нравилось в

деяниях мюридов. Он возражал, когда сожгли Умар-юрт, осуждал их, когда они напали на Цинандали и угнали в плен благородных княгинь из рода Чавчавадзе. И много чего было еще. А больше всего Батоко удручало то, что мюриды распустились и грабили мирных горцев, таких же простых людей. Раньше Шамиль не позволял им этого, добыча могла доставаться только в походе, в бою. Но день за днем власть имама ослабевала. И мюриды стали творить что хотят, как разбойники.

В то время к Батоко каждую ночь являлся во сне отец. Его окровавленное лицо с выжженным крестом на лбу было страшным. Он вопрошал: «Отомстил ли ты за меня, сын?» – «Нет, отец, не отомстил, но и не простил», – отвечал Батоко во сне. «Эх, мне бы не сына такого породить, а собаку – пусть бы не загрызла врага моего, так хоть облаяла бы. Разве не видишь ты крест на моем лбу, не видишь кровь мою и сожженное мясо мое? Каждый день я спрашиваю у всего сущего: отомстил ли за мою смерть мой сын? Нет, отвечают мне птицы и травы, не отомстил. И тогда кости мои переворачиваются в земле, я встать пытаюсь, но крепко держит меня земля...»

И в одну из ночей Батоко сел на коня и покинул лагерь Шамиля. Никто не знал, куда он делся. А он поехал напрямик к дому князя Асланджерия, вызвал его и сказал:

– Годы наши подходят, боюсь, что один из нас покинет этот мир, и я не успею отплатить тебе за кровь отца. Меня никто не осудит, если я пристрелю тебя из-за угла. Но я адыг, а адыгу не подобает прятаться. Вызываю тебя, князь, на честный поединок. Если твоя возьмет, значит, такова судьба моя. Если же я убью тебя – можно с чистой совестью на тот свет уходить.

– Мы не можем с тобой встать на одну бурку, – возразил насмерть перепуганный Асланджерий.

– Почему же? Из-за того, что ты князь, а я слуга? Разница лишь в богатстве – у кого лошадь под седлом пожирнее, тот и князь!

– Неправда, мы князя по крови, по рождению!

– А мы, значит, рождены вам служить?

– Выходит, так.

– А хоть бы и так. Если ты мужчина, завтра на рассвете жду тебя у холма, что назван в память о моем отце Боте. Кто испугается, тот богоотступник.

Всю ночь Асланджерий не смыкал глаз. По закону князь может отказаться от поединка с человеком низкого сословия. Но что скажут люди? Не прослывет ли он трусом? А адыгскому князю тем более не пристало такое прозвище. Он не моргнет глазом, даже если ему выбьют второй глаз. Разве нарты прятались, когда их призывали на правый суд на Хараме-горе? А разве князь Кетуко счел ниже своего достоинства принять вызов и ступить на край бурки вместе с вы-

ходцем из сословия тума Андемирканом? Нет, не счел. Княжеская честь ему позволила сделать такой шаг.

На рассвете князь Асланджерий направился к условленному месту в сопровождении своего бейголя Мыко. Когда они приблизились к холму, Батоко, лежавший возле родника на бурке, вскочил и приветствовал их, не протягивая руки.

– На чем будем драться, на кинжалах или шашках?

– Выбор за тобой.

– Ладно. Тогда считаю шашку достойным мужчины оружием.

– Согласен.

Князь передал поводья своей лошади Мыко и своими руками расстелил на траве бурку. Впритык к белоснежной бурке князя Батоко разложил свою черную бурку. Затем оба скинули черкески и остались в одних рубахах. Противники закатали рукава и с оружием в руках ступили каждый на край своей бурки.

Поединок начался.

Мыко, будь его воля, не допустил бы этой схватки, да и сейчас остановил бы, покуда не случилось беды. Душу его переполняли смешанные чувства. Он больше был при князе и должен держать его сторону, но и Батоко ему не чужой, они с ним одной крови, одной кости...

Клинки перекрещивались, между ними сыпались искры и гасли, не долетая до земли. А Мыко казалось, будто они попадают ему в самое сердце. Эти двое, казалось, не дрались, а играли, так степенны и ловки были оба. И по лицам нельзя было прочесть, что каждый желает смерти другого.

Нога Батоко ненароком соскользнула с бурки – а по закону бой происходил только на бурках, – и князь кинул, словно шутя:

– Не сходи с бурки, слабак.

Видно, это разозлило Батоко, и бой стал жестче. Противники бились теперь изо всех сил. Вот князь поднял шашку и с силой обрушил ее вниз, и Мыко от страха зажмурился: все кончено! Но, открыв глаза, увидел другую картину. Батоко успел пырнуть князя в подреберье и повернуть клинок. Князь держался за раненый живот, и между пальцев у него побежали окровавленные кишки.

– Кажется, это конец, – сказал Асланджерий. – Мыко, коня!

Оттянув край рубахи, он завернул в нее выпятившиеся кишки, вставил ногу в стремя и рывком сел в седло. Однако, не проехав и десяти шагов, пошатнулся и уткнулся головой в гриву коня. Мыко кинулся было, но его остановил окрик Батоко:

– Не трогай!

Он сам снял раненого с лошади и положил на траву, выпрямил ему руки и ноги, закрыл глаза, накрыл буркой...

– Да удостоит его Аллах светлого ахрата в своем царстве, – сказал Шамиль, – я знал князя. В мой приезд в Кабарду он навещал меня, подарил лошадь под седлом...

Садясь в карету, Шамиль обернулся:

– А к этим ты как попал?

– В Мазуре меня поймали, осудили на пожизненную каторгу в Сибири.

– Хаджио, – позвал Шамиль своего казначея, – раздай этим несчастным деньги.

– И мусульманам, и христианам?

– Всем. Перед бедой все равны.

3

Карета с вензелем императора пересекала российские города и веси, за ней скакал полуэскадрон улан. Поперек одной из узких улочек имам увидел белое полотнище с надписью «Привет Шамилю!». С трудом разобрав буквы, он спросил сидевшего рядом полковника:

– Что это значит? – И показал пальцем на полотнище.

– Это русское приветствие вам, Шамиль.

– Э-э, зачем было полотно из-за этого марать. Отдали бы лучше какому-нибудь бедняку на портки.

По прибытии в Москву его первым делом спросили, что бы он хотел увидеть.

– Сына Ермола, – ответил Шамиль.

Карета подкатила к двухэтажному особняку из красного кирпича. Неподалеку от парадного входа росло могучее дерево, и Шамиль отметил про себя: «Огромное. Как он сам».

Сам Ермолов встречал его на пороге, одетый по-домашнему в суконный длинный кафтан-чуйку. Он пошел навстречу Шамилю и обнял его, как дорогого гостя:

– Рад видеть вас, уважаемый Шамиль, спасибо, что вспомнили старика.

– И я уже не молод, сардар.

– Да какой из меня теперь сардар... Добро пожаловать в мой дом.

В просторной зале был накрыт длинный стол. На стене висели два больших портрета, на которые Шамиль сразу обратил внимание.

– Это кто будет? Твой отец?

– Можно и так сказать. Это Суворов.

– А-а, слышал про такого. А второй?

– Кутузов.

– Что с глазом у него?

– Турки выбили.

– Уж эти мне турки. Нейдется им, не живется на белом свете. Накличут они на себя беду. У горцев, сардар, так говорят: если орел много крылом бьет, крыло ломается.

– Что же вы, Шамиль, не вспомнили об этом раньше?

– Я что, я бы давно войну прекратил. Если бы не ты. Турки идут куда-то и войну затевают, персы-кажары то же самое. А я никуда не ходил, я воевал с теми, кто приходил на мою землю. С теми, кто приходил, – повторил он с нажимом. – Вот Россия – она большая, земли у нее – конца и края нет. А вам все мало, все заритесь на чужое, все деретесь. Разве я пришел к тебе с обнаженным мечом, или это сделал ты?

– Ну, будет, будет, имам, – примирительно сказал Ермолов, беря его под локоть и ведя к столу. – Чего отведать пожелаете? Любое блюдо кавказское назовите, все приготовят.

– Благодарствуй, сардар.

Слуги начали подавать угощение.

– Для вас специально зарезали барана, имам. Можете не сомневаться, резал мусульманин, один из моих черкесов.

– Спасибо.

Шамиль цепким глазом наблюдал за генералом. Куда подевалась его стать, его удаль? Двойной подбородок, одутловатое лицо, седые, хотя по-прежнему грозные кустистые брови, скорбно опущенные уголки некогда надменных губ. Больше всего вызывали жалость у имама старческие опущенные плечи и согбенная спина, из-за которой рост Ермолова казался куда ниже. Что делает с человеком старость...

С шумом распахнув дверь, в гостиную влетел верхом на хворостине мальчонка лет пяти-шести, размахивая деревянным мечом. С разбегу бросился в распростертые руки гостя.

– Это тебя солдаты называют Шмель? Ты тот самый?

– Тот самый, – улыбнулся Шамиль и кивнул Ермолову. – Твой?

– Внук, – с нежностью ответил старый генерал. И вздохнул: – Единственная отрада.

Шамиль знал, что то время, что Ермолов был на Кавказе, у него было четыре жены, которых называли «чабын», временные жены. Мужчина имел на это право. Он обязан был содержать, кормить, одевать своих жен. Рожденных во временном браке детей он мог признать, а мог и не признавать. Если муж умирал, такой жене не полагалось никакого наследства, разве что по доброте душевной он отписывал ей что-нибудь в завещании. Это было очень удобно и выгодно, мужчина не обязан был нести никаких трат, разве что платил небольшую сумму за обряд сочтения браком. Шамиль знал всех горских жен генерала по именам, и потому спросил с некоторым лукавством:

– А как бабушку его звали? Сюйда? Татай? Или Султанум?

– Хитрый вы человек, имам. Я их имена давно забыл.

– А ведь это грех, сардар.

– Эх, был бы это самый большой наш грех.

Мальчонка сидел на коленях Шамиля, дергая и поглаживая ручонками его бороду. Ему явно был по душе этот странного вида пришелец. Шамиль хлопнул в ладоши, и тут же в дверях появился Хаджио.

– Принеси-ка тот кинжал.

Хаджио без слов внес турецкую саблю в ножнах, блистающих золотым и серебряным покрытием. Шамиль стал опоясывать малыша этим нешуточным оружием.

– Владей на память обо мне, мужчина. Без нужды не доставай, а доставши, бесславно не клади в ножны.

Ошалевший от такого неслыханного подарка мальчик пулей вылетел из гостиной. Шамиль грустно посмотрел ему вслед и покачал головой.

– Сдается мне, наши дети еще более привержены будут оружию, чем мы.

– Мужчина должен иметь при себе оружие, – возразил Ермолов.

– Оружие – это война, сардар, а уж что такое война – этого я навидался за двадцать пять лет.

– Пока есть на земле отдельные государства и народы, войны неизбежны, имам. Вот вы на себя посмотрите. Двадцать пять лет в войне против России. Сколько сирот, вдов, разбитых семей вы оставили после себя?

– А ты, сардар, сколько аулов наших ты предал огню, сколько душ загубил невинных?! – Лицо Шамиля так и вспыхнуло. – До сих пор матери в своих колыбельных твоим именем детей пугают: спи, мол, а то проклятый инарал Ермол придет за тобой.

Ермолов понял, что завел не тот разговор и не с тем человеком, и тут же поспешил сменить тему:

– Что интересного показали вам в Москве?

– Много чего, сардар. Я вырос среди камней, в местах, где аулы, дома, крепости, конюшни, курятники – все из камня. Но не поверил бы, что из камня можно строить такие дворцы, члисы до небес. Видел я и место, где ваши цари сидят, Кремль ваш. И пушку видел, вот уж действительно царь-пушка. Я-то ведь тоже пушки делал. Но этой они не ровня. В эту может Хаджи-Мурат пролезть со всем снаряжением, отару овец сквозь нее прогнать можно!

Имам и вправду был поражен размерами могучего орудия. Он едва не подпрыгнул от изумления, подобно ребенку, он хлопал в ладони и приговаривал:

– Вы только посмотрите, какая громадина! Клянусь, если из такой махины пальнуть разок по самой высокой нашей скале – ничего от гор не останется! Наше счастье, что русские не догадались привезти ее на Кавказ. Мне сын говорил, который у вас служил: Россия, отец, это пушка, а ты рядом с ней – пистолет

Затем его отвели в Оружейную палату. Здесь его поразили ботфорты Петра Первого.

– Трогать можно? – спросил он.

– Конечно, имам, вам можно и в руки взять.

Он повертел в руках огромные сапожищи и покачал головой:

– В один такой сапог мой наиб Кебит может уместиться. А что, сардар, ваш царь и вправду имел такие большие ноги.

– Не только ноги, имам, у него и голова была большая.

– Он был больше тебя?

– Намного, имам.

Шамиль покрутил головой:

– Подумать только. Все у России большое – и земля, и народ... Большой народ и забирает много... Чем народ больше, тем больше ему счастья дается...

Ермолов верил, что «почетный пленник» искренне удивляется всем диковинам, увиденным у русских. Не верил он только, что он не таит в сердце зла против России, и что, будь его воля, он вновь не обнажил бы свой меч. Генерал был убежден: в том, что эта война так затянулась, виноват, с одной стороны, Шамиль, а с другой – русское офицерство. Вот этим-то как раз невыгодно было, чтобы война на Кавказе заканчивалась – еще бы, из этой бесконечной бойни, из крови они получали чины и деньги. Служба на Кавказе оплачивалась вдвойне, и год считался за два.

Не меньше винил Ермолов и царское правительство. Он считал, что покорить Кавказ раньше не удалось лишь потому, что не был исполнен его, Ермолова, первоначальный план, который он назвал «Штыком и топором». Русская армия, считал он, просто завозилась с горцами, гоняла их с места на место, не имея четкого плана. И еще он думал про себя: если бы Николай не снял его с поста – он бы за пятнадцать лет призвал Кавказ к порядку с помощью штыка и топора...

В очередной раз распахнулась дверь, и в зале появился человек в одежде горца, с лихо закрученными усами и медалью на груди. Шамиль встал ему навстречу и первым делом спросил, указывая на медаль:

– Что это?

Капитан стал навтытяжку и выпятил грудь:

– Это, ваше высокопревосходительство, медаль за пленение вашего наиба Ахверди в бою под Ахульго.

– Неправда! – повысил голос Шамиль. – Ахверди был убит в бою, а покойника нельзя взять в плен! Вот так-то, сардар, много врут твои люди ради вот этих железок и чинов. Аллах их накажет за это.

Ермолов не стал возражать. Капитан поспешил удалиться, понурив голову.

– Шамиль, – сказал генерал, – вы вот вроде бы в плену у нас, однако Кавказ так и остался незамирным. Говорят, чеченцы снова поднялись, не желают сдавать оружие. Почему бы вам не вмешаться?

– Как?

– Написать им, посыльного отправить, так и так, мол, пора успокоиться...

– Нет, сардар, – покачал головой имам. – Там уже нет моего слова. Ну, напишу я им, они меня слушать не захотят, еще и обидятся на меня, скажут, от него все зло... Нет, сардар.

– А вот если бы вам позволено было – вернулись бы снова на Кавказ?

– Вернулся бы.

– Для чего? Чтобы новую войну начать?

– Нет. Чтобы грызть камни наших ущелий и пить воду наших родников...

Ермолов не ответил, но про себя подумал: вряд ли можно доверять такому человеку. Будь его воля... Хотя что он теперь может? От того Ермолова, бравого генерала, упрямого и несгибаемого, с которого писал некогда портрет Джордж Доу, остался разве что недюжинный рост. С тех пор, как его изгнали с Кавказа – а он именно так понимал свое положение, – он сильно сдал, что внешне, что внутренне. И точила его не болезнь какая-то, а бездействие. Со времени отставки ему не было предложено ни одного поста. А все потому, что царь Николай его ненавидел.

Шамиль не ведал о том, что творилось в сердце Ермолова, и разглядывал его с интересом, даже с невольной симпатией. Но тут же перед глазами вставали сожженные и разграбленные аулы. Женщины с детьми на руках, со слезами горя покидавшие родную землю. Горские девушки, которых солдаты хватили грязными руками и штыками рвали на них одежду. Поля с созревшим урожаем, преданные огню... Много, много чего представало перед затуманенным взором Шамиля. В такие минуты взгляд его становился колючим и враждебным, кустистые брови смыкались на переносице.

Словно читая его мысли, помрачнел и Ермолов. Ухмыльнувшись недобро, он спросил:

– Вы помните тот день, Шамиль, когда мы впервые встретились с вами и Казий-Мухамедом?

– Как не помнить, при Герчебиле то было.

– И сколько лет минуло с тех пор?

– Более тридцати, пожалуй.

– Давно это было, давно... – Ермолов призадумался на минуту, потом вдруг лицо его стало злым, и он бросил: – Вот тогда, когда я разбил вас при Герчебиле, попадись вы мне тогда! Повесил бы обоих, и делу конец! Не затянулась бы война на столько лет! Эх, не вышло, а жаль!

Шамиль вспыхнул, но тут же подавил свой гнев. Однако от ответного выпада не удержался:

– Да, вешать были мастера твои инаралы. Черкесы мне рассказывали, что был у них такой инарал, то ли Хассель, то ли Дзассель. Говорят, не мог есть, если в день кого-нибудь не повесит или голову не отрубит. Возле всех кубанских переправ велел врыть столбы, а на каждом столбе висело по три головы. А срубленные головы, говорят, этот немец к себе в неметчину отправлял, чтобы изучали по ним строение черепа. Вот такие зверства, сардар, не меньше затянули войну.

Ермолов уже пожалел, что затеял этот болезненный разговор. Он видел, что Шамиль пытается скрыть свою ярость, но внутри у него все кипит, и неосторожные слова ранили его до глубины души. Генерал попытался перевести разговор в другое русло, стал спрашивать о здоровье домочадцев. Завели речь и о Хаджи-Мурате, и Шамиль не преминул сказать, что, не потеряй он этого героя, еще лет десять мог бы перетираться с русскими. Не обошли стороной и день встречи с императором при Чугуеве, вспомнили и Паскевича, и Воронцова.

Шамиль собрался уезжать уже на закате дня. Ермолов вышел проводить гостя. Перед взорами открывались залитые золотистыми лучами Воробьевы горы. Конечно, этой возвышенности далеко было до гор Кавказа, и все же взору Шамиля была приятна эта красота. Он стоял, вдыхая чужой воздух и пребывая в своих думах.

– Что-то смотрите невесело, имам. Или плен не сладок?

– Ты тоже в плену побывал у франджей, сардар, – тут же ответил уколом Шамиль.

– Я был у французов в плену всего несколько минут.

– Зато я, видно, до конца жизни у вас останусь. Только Аллах знает, сколько... – Шамиль уронил голову и тяжело вздохнул.

Затем направился к карете с императорским вензелем. Возле самых ступенек резко обернулся, улыбнулся и произнес:

– Я бы тоже повесил тебя вниз головой, попадись ты мне, сын Ермола!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Пощелкивая длинным хлыстом, Евдокимов двигался между рядами шатров, наспех собранных для солдат. Рядом с ним вышагивали два денщика с чадящими факелами. Запахом дыма и горящего мазута они отгоняли от генерала комаров и оводов, которых в этих местах было великое множество. Замыкал процессию солдат с мешком в руке. Евдокимов по обыкновению громогласно призывал угоститься его табаком:

– Берите моего табачку, солдатушки-братушки, сам растил, сам поливал!

При этом он придирчиво осматривал шатры и камышовые шалаши, заглядывал внутрь и, заметив какой непорядок, громко щелкал хлыстом. Майкопская низменность была определена местом сбора войск, и один за другим сюда подтягивались полки. С Шамилем было покончено, и теперь русские части перебрасывали в направлении Западного Кавказа, к адыгским землям. Перед ними ставилась цель в короткие сроки покорить черкесов, и особо важной была задача очистить морское побережье от адыгского населения, чтобы Причерноморье навеки стало русским.

Ударные силы для наступления собирали в районе Майкопа. На смотр войск ожидали самого императора. Приезд государя должен был воодушевить солдат, и ждали его со дня на день. Потому и спешили, наводя порядок в частях и разбивая военный лагерь. Командовать этой ударной армией государь доверил потомственному солдату Николаю Ивановичу Евдокимову.

Он был жилист и плечист, сухощавое лицо изрезано, будто шрамами, глубокими морщинами – следами многих бдений и дум. Хотя один настоящий шрам на его лице все же был – безобразный след от пули под левым глазом, который придавал его облику жестокости, и впечатление это усиливали всегда сжатые в тонкую линию сухие губы без единой кровинки. Веяло от этого человека лютостью, предвестием беды.

По должности Евдокимов значился командующим войсками левого крыла, но влияние его простиралось гораздо дальше, если не сказать везде. Кавказские генералы безропотно мирились с подобным превышением полномочий, зная особое расположение к нему самого государя. И не без основания опасались они, что Евдокимов, подобно Барятинскому, имеет виды на наместничество на Кавказе, а значит, на безраздельную власть. Да и сам генерал, прозванный горцами «Трехглазым», не иначе как примерял на себя эту должность в недалеком будущем.

А вот простые вояки в нем души не чаяли. Сам солдатский сын, он всегда по-отечески относился к солдатам и запрещал рукоприкладство. Бытовавшую в русской армии традицию – наказывать провинившихся прогоном сквозь строй и ста ударами палками или плетьюми – он не допускал во вверенных ему частях. Говаривал, бывало: «У нас в армии трех солдат нужно забить насмерть, дабы одного стоящего получить. Такое нам не годится!»

В тени повозки, на которой перевозили пушку, лежал на охапке сырых камышей солдат, его била жестокая лихорадка. Его трясло, лицо было усыпано горошинами холодного пота. При виде генерала он попытался встать, но обессилено рухнул на подстилку. Евдокимов нагнулся к нему и сочувственно спросил:

– Что, брат, худо тебе? Вот тебе сейчас столбуху поднесут, всё легче будет.

– Мне бы ничего... ваше... ваше...

– Ничего, браток, потерпи.

– Я потерплю... курицу только... жалко... Мучается ведь...

– Какую еще курицу?

Солдат слабой рукой указал на курицу, сидящую на стволе орудия. Птицу тоже трясло в ознобе, она то сжималась в комок, то хохлилась, то вытягивала ножки по одной, словно их сводила судорога. Генерал выхватил кинжал из ножен и быстрым ударом снес голову птице. Обезглавленная курица пробежалась еще по траве, разбрызгивая кровь, и затихла. Большой солдат перекрестился.

– Всего-то делов. Будет тебе суп. Поправляйся, браток, – генерал вытер лопухом клинок и пошел дальше, к берегу реки Белой, которую адыги называли по-своему – Шхагуаше.

Здесь было многолюдно. Отбирали солдат, которым выпадет честь предстать перед государем императором. Не абы кто попадал в их число, смотрели, чтобы они ростом были равны, лицом приятны, одеты одинаково. Это была не такая уж сложная задача. От каждого полка выставляли один батальон с хорошим обмундированием и снаряжением, от батальона – роту, выбирали самых отборных, как на смотрины, а остальных прятали подальше с глаз долой. И сейчас в суматохе каждому подбирали подходящие случаю сапоги. То и дело слышались переделки:

– Сема, эй, оглох, что ли, кинь сюда свои сапоги!

– Коли живот пустой, так и ухо тугое!

– Тебе за что Георгиевский крест пожаловали?

– Да он собаку полкового кормил, вот и наградили, ха-ха!

– Эх, думали, со Шмелем покончили с грехом пополам, а эти еще откуда взялись?

– Да ладно, в скалах сумели его взять, а с этими попроще будет.

- Говорят, ими истинный бес верховодит, Эмином кличут!
- Не-е, про Даут-Бея говорят.
- Это еще кто?
- Бают, будто он сын самого английского короля.
- Кой черт его сюда занес!
- Слышал, будто горцы сами его о помощи попросили.
- По мне что Амин, что Даут-Бей – подавай его сюда скорее, давно я на штык никого не насаживал!
- Ребята, а правду говорят, что солдатам, что на Кавказе воюют, срок службы скосят до десятка лет?
- Не десять, а пятнадцать.
- Тоже бы неплохо.
- А еще слух есть, будто женатым землю дадут.
- Может, и дадут. Вон ее здесь сколько, куда девать?
- Небось, без нас найдут...

До слуха Евдокимова долетали обрывки этих незатейливых солдатских пересудов. Он неспешно ходил по зеленому берегу Шхагуаше, краем глаза наблюдая за хлопотами солдат: кто-то варит в котле ваку для сапог, кто-то стирает белье, повсюду на кустах сушатся штаны да рубахи. Генералу нравилась эта суета. Он понимал показушность всех движений и нисколько не смущался. Что с того? Вся жизнь в России – показуха. Все на лжи, притворстве, на подкупе. Даже ребенок знает, что любой суд на десять рублей можно выиграть, только положи в карман судье в пять раз больше. А уж он-то...

Ему часто вспоминался случай, когда в Петербурге он был вызван к императору. Вопрос был прямой:

– Правду ли говорят, Николай Иванович, будто полковые Кавказской армии берут взятки?

– Берут, ваше величество, – отважно ответил Евдокимов. – В России мзду не берут лишь в одном месте.

– И где же?

– В уборной, ваше величество! Потому как руки заняты – мусульмане кумган держат, русские – бумажку!

Царю пришлась по душе эта дерзость, однако он не преминул окинуть наглеца суровым взглядом. И Евдокимов понял в ту минуту: на земле одной правдой не проживешь...

Из-за пригорка вынырнула кучка солдат, они что-то катили перед собой.

– Что это у вас! Из-за чего сыр-бор?

– Это пушка, ваше превосходительство!

– Вижу, что пушка. Откуда?

– У горцев отбили! Аглицкая!

Евдокимов знал, что недавно Даут-Бей привез горцам шесть английских пушек, гораздо лучше по скорострельности и дальности, чем русские. И теперь вот одна – в их руках! Генерал от радости пустился в пляс:

– Сколько всего английских пушек у горцев, кто знает?

– Шесть, ваше превосходительство!

– А теперь уже пять. У русской армии на Кавказе до сих пор не было ни одного нарезного орудия. Так?

– Так, так!

– А теперь будет! Мы и остальные у них отберем. Отберем, братки?

– Отберем, отберем! – Солдаты, воодушевленные ликованием генерала, плясали вместе с ним гопака, вздымая песчаную пыль.

– Будут у нас аглицкие пушки!

– В Англии сделанные, у горцев отбитые!

– Из глотки у них вырвем!

Евдокимов остановил свистопляску и отряхнулся, завидя приближающегося Карлсгофа. Тот нес что-то подмышкой.

– С чем это вы хорошим пожаловали, Иннокентий Карлович?

– Да вот решил и от себя малость внести в общий котел. Это карта поселений причерноморских народов.

– А на что она мне?

– Кто знает, может сгодиться. Вы же вот делаете отбор среди солдат, из сотни одного вылепливаете, чтобы взор государя усладить.

– А что прикажете делать? Вывести на парад оборванцев в лаптях?

– Почему нет? Пусть видит, в каком состоянии армия.

– Думаете, я не пытался?

– Что же вам помешало?

– Главнокомандующий не дозволил.

– А... Вот так всегда, пыль в глаза – и все дела.

– Не стану спорить. Будь моя воля – увидел бы его величество и рваные мундиры, и набитые соломой лапти...

– Да, Александр Иванович точно бы не обрадовался. Более того, он бы даже не простил вам. Да и государю бы это вряд ли понравилось.

– Нет на свете государей, которых не обманывают. Как ни прискорбно, это известная истина.

– И я о том же...

Иннокентий Карлович Карлсгоф был вновь призван на службу совсем недавно. Увольняли его в чине подполковника, а причиной тому стала немилость Вельяминова. Генерал славился своей жестокостью, он с великим удовольствием отдавал команды нападать на

мирные аулы и выжигать их дотла. И однажды Карлсгоф дерзнул высказаться: «Вы готовы истреблять целые народы, лишь бы ваше имя прозвучало в Петербурге!» Ответ последовал незамедлительно: «Соблаговолите подать прошение об отставке, милейший!».

Он подчинился генеральской воле. Согласно воинскому уставу, военнотружашего при увольнении полагалось повысить в звании. Подполковник Карлсгоф должен был выйти в отставку в чине полковника, однако о повышении не было и речи. Прошло почти двадцать лет, и его, отставника в годах, вновь призвали на службу. Петербургу понадобилась карта причерноморских поселений, а где найти картографа лучше Карлсгофа? А карту затребовал не кто иной, как сам император Александр II.

И вот работа готова к представлению Его Величеству. В палатке командующего Карлсгоф расстелил на дощатом столе свою карту и бережно разгладил ее ладонью. Дотошный немец изобразил на бумаге ландшафт и расположение населенных пунктов всех народностей – бжедугов, абазехов, шапсугов, камергоев, натухайцев и других адыгских ветвей.

– И зачем они мне все нужны? – Евдокимов небрежно постучал пальцем по карте.

– Не понял вас.

– Я не намерен оставить на побережье ни одного живого черкеса. Теперь поняли?

– Николай Петрович! – только и выдохнул Карлсгоф.

– Все беды от них! Крымская компания из-за кого так затянулась? Из-за них, проклятых. Вы вспомните, что они с нашими фортами вытворяли. Новороссийск, Михайловск, Вильяминовск, Туапсе, Геленджик, Раевский – везде наследили, разве не так? Вот потому, любезный Иннокентий, я постараюсь очистить побережье от проклятых черкесов.

– И куда вы денете столько народу?

– Россия велика, есть просторы Сибири, а нет – пускай отправляются за море, к своим братьям по вере в сарыках. На крайний случай, у нас на каждого найдется штык или пуля.

– Но это негуманно, генерал!

– Негуманно, говорите? Гуманизмом пусть маются бумагомаратели в Петербурге. А по мне гуманизм – служить интересам моего народа, моей России. – Евдокимов продолжал постукивать волосатым пальцем по карте в знак крайнего раздражения. – Вы бы лучше, Иннокентий Карлович, нарисовали карту-схему городов и деревень, которые мы обустроим на этой земле.

– Я сделал, что велено...

– А вам лучше подумать над моими словами.

– Что ни говорите, генерал, а мне жалко несчастных черкесов.

– Вот как! – Генерал нахмурился еще больше.

– Они могут исчезнуть как народ, подобно библейским филистимлянам или скифам, потерять идентичность свою, язык, веру!

– А вам-то что?

Карлсгоф, безусловно, знал, что Евдокимов не тот человек, с которым можно говорить по душам, и все же не мог сдержаться:

– Как бы там ни было, это люди, нация со своей культурой, традицией, языком, и мне их искренне жаль. Грех великий – пытаться стереть целый народ с лица земли.

– Этот грех я беру на себя.

– Воля ваша, генерал.

Евдокимов отошел от стола, потянулся, хрустнув суставами, показывая, что спорить далее не намерен. И сказал в завершение разговора:

– Очистить от них эту землю, вот и весь сказ. Иначе не будет нам покоя. Они на нас то англичан, то французов, то турок будут натравливать. – Он подошел вплотную к Карлсгофу, злобным прищуром взгляделся в испещренное морщинами лицо и прошипел: – Я желаю, милейший Иннокентий Карлович, чтобы волны морские плескались у моего порога. Ясно вам?

– Ясно, – кротко ответил тот.

2

Давно так не вздымалась пыль над иссохшими придорожными травами. Сегодня стоит она столбом до небес, колыхаясь в такт шествию многолюдной толпы. Народ валит и валит в том направлении, где, казалось бы, уготована ему великая милость и торжество, равных которому не было сроду. Едва осядет пыль – вновь гудит земля под ногами следующей толпы, и этому, кажется, нет конца. Впереди шествия неспешно выступает откормленный вол, на спине его – атласная попона, длинные рога украшены атласными же лентами. Шея вола повязана нарядным гульмадыном – шелковой шалью, и концы его с двух сторон поддерживают две девушки в наряде адыгских княжон. Досталось почета и хвосту животного – из него сплели перехваченную атласными полосками косу из трех прядей, к ним привязаны ягнята, бережно подгоняемые девочками-подростками.

Такая торжественная встреча не означает, что от важного лица ждут чего-то особенного. Церемония эта – всего лишь дань извечному обычаю гостеприимства, и не по принуждению, а по зову души. Поэтому веселы люди, и нет на их лицах ни усталости, ни раздражения.

Но более всего гостя впечатляли не многолюдье и не подарки, а два прирученных орла, восседавших на рогах разукрашенного вола.

По неприметному знаку один из них взмывал вверх, описывал круг над головой почетного гостя, затем по свисту возвращался и занимал свое место на роге. Затем поднимался в воздух другой, описывал тот же круг и возвращался на место. А тем временем на земле всадники состязались в джигитовке, в меткости и искусстве владения шашкой. Гость восседал в седле, горделивый и прямой, губы его расплывались в довольной улыбке. Его лошадь держали под уздцы двое молодцов в нарядных черкесках. По правую и левую руку от гостя расположились почтенные белобородые старцы, так же верхом. Следом – три юные всадницы, которые высоко поднимали герб России – сплетенного из орехов двуглавого орла. Орешки были искусно разукрашены, и каждый из них казался каплей жидкого золота. А впереди церемонии изощрялись в мастерстве ряженные-ажагафа: то на голове ходят, то упадут за-мертво, то воскреснут, одним словом, стараются что есть силы. Перед ними расчищали путь шествию несколько хатхао, юноши с длинными шестами в руках, которыми они усердно хлестали землю прямо под ногами толпы – чтобы чересчур любопытные черту не переходили.

За группой высокого гостя следовали стройными рядами до пяти сотен всадников с высоко поднятыми знаменами, на каждом знамени – герб какого-то рода. Эти не выказывали особой радости, шли с достоинством, попросту исполняя свою роль.

А самый главный человек, из-за которого и происходила вся круговерть, невозмутимо высился в седле своим могучим торсом. Это был мужчина в самой поре, лет сорока на вид. Скулы слегка выделялись на холеном лице, обрамленном густыми бакенбардами и красивыми усами. Серые глаза выдавали человека рассудительного и жесткого.

Император Александр Второй не был так наивен, чтобы верить в искренние чувства людей, устроивших ему столь торжественную встречу. Да и сам он не питал к ним особой приязни, хотя внешне обе стороны придерживались положенных норм.

Не впервой ему было приезжать на Кавказ. Он уже бывал здесь двадцать три года назад вместе с отцом.

Евдокимов и Адлерберг шаг в шаг следовали за государем. Адлербергу тоже доводилось сопровождать царя Николая Первого в его первый и единственный приезд на Кавказ, и теперь он с интересом следил за происходящим, вслух делаясь своими наблюдениями по поводу тех или иных перемен. Однако Евдокимов его не слушал.

Мысли генерала были заняты другим. Его вовсе не радовало это напыщенное представление, названное горцами «царской встречей». Он боялся, что горцы могут задобрить императора. А как иначе объяснить необыкновенно теплое приветствие друг друга в момент встречи?

– В прошлый приезд я видел вас белобородым старцем, теперь снова гляжу – вы все такой же! – Так пошутил Александр II, обращаясь к Берзеджу, предводителю встречавших его всадников.

– Лицом я, может, все тот же, но сердцем переменялся, Ваше Величество, – ответил Берзедж, выразительно кладя руку на сердце. – Добро пожаловать!

– Я все не могу забыть птицу, которую вы подарили моему отцу. – Продолжал царь в том же шутовском тоне. – Может, вы и мне птичку приготовили?

– Зависит от того, что вы нам приготовили.

Тут Александр ничего не ответил, и Берзедж поспешил сгладить неловкость:

– Дражайший наш гость государь император, в день Вашего коронавания мы направили к Вам послов с поздравлениями и наилучшими пожеланиями...

– Я этого не забыл. Благодарю.

– Теперь Вы лично пожаловали к нам, как высокочтимый гость. Это большая честь для нас. Мы много лет ведем войну. Мы воюем, потому что вы против нас воюете. Но Вы решили перешагнуть через это и приехали на нашу землю. Мы высоко ценим это, низкий поклон Вам. Человек, ступивший на краешек нашей земли – наш гость, и ни один волос не упадет с его головы, иначе позор нам и нашим потомкам. Мы выставили пять сотен верховых, чтобы препроводить Вас к нашему народу. Просим возглавить шествие.

Император немало был осведомлен о нравах горцев, и о том, что нельзя отказывать им в просьбе, тоже знал. Его сопровождала гусарская конница, но остаться с ними и отказаться ехать в колонне горцев означало бы, с одной стороны, неуважение, а с другой – трусость.

Как ни отговаривали его Евдокимов и другие приближенные, Александр Второй отъехал и стал во главе горской колонны. С этой минуты Евдокимов и встревожился: не иначе как горцы хотят растопить сердце императора. Он должен найти способ разрушить это начавшееся перемирие.

Во что бы то ни стало – разрушить.

3

– Сами видите, как благоволит вам русский царь. Не то что его отец – у того при виде горцев волосы дыбом вставали. Посмотрите на меня, я сам надел генеральские погоны. Конечно, это честь для меня, но я горец и горцем останусь до конца дней моих. Что с нами будет завтра, ждет нас лихо или добро – мы должны решить сами, на этой хасе. Вы знаете, что я прибыл к вам в царской свите. Но сказать, что знаю все его намерения – это неправда. Сдается мне, царь и сам

до конца не решил, как быть дальше. Потому и приехал, чтобы на месте разобраться. Теперь от вас зависит, в какую сторону качнутся весы. Нельзя показывать, что вы сколько-нибудь испугались и готовы отступить. Думаете, император глупец? Он все видит, он с одним только Шамилем двадцать пять лет войну вел. Хотя у Шамиля были только Дагестан да Чечня. А вас-то не в пример больше! И это еще не все – у вас есть море! Значит, русские никак не смогут помешать вашей связи с иноземными державами. Там Турция, там французы с англичанами, тут грузины с абхазами... а все вместе – один мощный кулак! Укрепляйтесь, держитесь друг друга!..

Пламенную речь перед горцами держал Кубатий. Его хорошо знали и на Кавказе, и при дворе русского императора. Слава вместе с генеральскими погонами пришла к нему в крымскую кампанию. Тогда поручено было ему набрать две сотни для сопровождения обоза Кавказской армии. Набрал их Кубатий из кабардинцев и осетин, сплошь из отъявленных вояк. По пути примыкали к ним аварцы, ингуши, чеченцы, и вскоре набрался под началом Кубатия целый полк. Обоз был доставлен в целости и сохранности в распоряжение русских частей, воюющих на территории турок. Случилось это аккуратно перед готовящимся штурмом Карса. Теперь горский полк можно было распустить по домам. Но какой горец, почуяв запах боя, устоит перед соблазном помахать шашкой! И Кубатий проявил смекалку, пошел к командующему Кавказской армии Муравьеву и попросил допустить его полк к атаке на Карс. Командующему стало приятно такое рвение, он сразу дал свое согласие. И горцы в означенный час ринулись в бой без оглядки с одной только мыслью: или мы, или нас! А после взятия крепости многие получили кресты, а Кубатий – благоволение самого императора и генеральские погоны, о которых мечтал всю жизнь. Но вот незадача, к тому времени Александр II отменил пышные золоченые эполеты и ввел обычные плоские погоны. «И откуда такие взялись, – сетовал он часто, – не погоны генеральские, а лепешка, прямо как хатлама ногайская...» Кубатия очень это огорчало, он даже не удержался и написал прошение на высочайшее имя, чтобы разрешили ему носить эполеты по прежней форме. На что ему пришел сдержанный, при этом весьма жесткий ответ, из которого следовало: носи что дают.

Вскоре вышло новое продвижение в судьбе Кубатия. На Кавказе беспрерывно шли земельные тяжбы. Тягались между собой все – владельцы и наследники, роды, фамилии, аулы. Для упорядочения споров императорским указом была создана Комиссия по разбору тяжбы по земельной собственности. Председателем той комиссии назначили Кубатия. И это сильно возвысило его в глазах соплеменников, да и в собственных тоже.

На торжественную встречу государя он не был зван, однако явился по собственной воле. Евдокимову это понравилось.

– И пример Шамиля для нас священен, мы не должны забывать его ни на минуту. Кланяясь царю да зарабатывая погоны, мы не сумеем сохранить себя. Давайте же, братья, будем печься о своей судьбе, о своей свободе, о чести своей!

Горцы терялись в догадках: отчего это царский генерал Кубатий заделался рьяным защитником их интересов? Куда метит? Прямо не призывает продолжать войну с русскими, но каждое его слово о том и говорит. Что значит упоминание Шамиля? Видно, под формой царского служивого сохранил он сердце горца, не иначе!

– Шамиль один продержался двадцать пять лет, – повторил он. – Он наш герой, герой из героев! – все больше распалялся Кубатий. Но его пламенные призывы оборвал Берзедж:

– Шамиль продержался благодаря крутым скалам, быстрым рекам да непроходимым теснинам! Попробовал бы он в чистом поле сразиться с русскими, и что бы от него осталось!

– Верно толкует Берзедж! – раздались одобрительные возгласы.

– Ну да, – немного присмирел Кубатий, – не спорю, нет у вас скал и теснин, как в Чечне или Дагестане, зато лесов густых и у вас довольно. Да и сами вы духом не слабее, не так ли?

– Что ж ты, генерал, – подал свой голос Инароко, – думаешь, наши клинки тупее чеченских?!

– Вовсе не думаю, брат, – поднял руки Кубатий.

– Оно и лучше, – чуть сбавил тон Инароко.

Хаса проходила на махкаме, некогда сооруженной стараниями Эмина. Большая площадь была обнесена высоким частоколом. Идущие в ряд строения имели каждое свое предназначение, как это было у Шамиля. В одном располагался шариатский суд, в другом принимали пожертвования – бытыр, саджит и прочее, в третьем было что-то вроде военной управы, где отвечали за сбор воинства. Были помещения, куда свозилось добытое в боях добро, далее следовали хачеши-гостиные, сараи для разного скарба, конюшни и загоны для скота.

Венчал картину большой орех в середине, его размашистые ветви давали тень на половину площади. Под ним были устроены вытесанные из бревен сиденья. Неподалеку бесшумно крался прозрачный родник. Верхушка дерева была обрезана, над ней колыхался большой флаг с вышитыми по дуге серебром двенадцатью звездами – по количеству адыгских народностей – и тремя скрещенными стрелами, вышитыми золотой нитью. Даут-Бей как-то назвал это место «черкесским парламентом», и оно быстро прижилось, хотя горцы окрестили его по-своему – «парламент Даут-Бея». Да и то горцы не могли привыкнуть к незнакомому

слову и говорили на свой лад – «пэрмэн», что означало на их наречии «смысл». А чаще всего произносилось свое исконное – Хаса. Так что махкама Эмина осталась в прошлом. Да и сам он, хоть и присутствовал на сходе, уже не вел его, незаметно уступив эту почетную обязанность Берзеджу.

Со времени пленения Шамиля Эмин изменился до неузнаваемости, и внешне, и повадками своими. От энергии, готовности хвататься за любое дело и тут же его решать не осталось и следа. Казалось, Шамиль забрал с собой его дух. Вот и сейчас сидел он, понутив голову и, казалось, безучастный к происходящему. Его гордые плечи и спина казались согбенными тяжким грузом прожитых лет. И редко когда он вмешивался в разговор.

– Я согласен с вашим сородичем-генералом, – встал Даут-Бей. – Нет ничего страшнее, чем разрозненный народ. Если нет в нем единства, считай, это и не народ уже. Страх, сомнение ведут к гибели. Уходит сила, дух слабеет. Но, слава Аллаху, не таковы черкесы. Вы всегда умели постоять за свою честь. А еще – Аллах дал вам великое благо, вы живете у моря, и весь мир открыт перед вами. Без помощи не останетесь.

– И помощи особой мы не видим, – подал голос Сафар. – Не приведи бог остаться одному...

– Мне понятно это, Сафар, только выхода другого нет, если, конечно, вы не решили покориться русским, отдать им свою землю. Я отбываю скоро в Лондон, и могу пообещать: английский парламент будет оповещен о ваших бедствиях, и помощь будет оказана всевозможная. А если вы отправите со мной своего посланника – еще лучше...

– Недосуг нам думать о всяких посланниках-засланниках! – снова не удержался Сафар. – Пока мы тут языками чешем, русские нас со всех сторон обложили!

– А что прикажешь делать, Сафар? – Это Зан вступил в спор.

– Как что? Драться, воевать, вот что! – раздался выкрик Инароко Большеусого.

– А я не воюю, по-твоему? Не дерусь?

Тут не выдержал Эмин. Он вскочил с места, сорвал с себя сарык, его так и трясло, казалось, еще миг – и кинется в кулачный бой:

– Кто воюет? Это ты воюешь? – Зан от неожиданности не успел встать и весь сжался перед напирющим Эмином. – Так напомни, когда ты воевал и где. Когда я штурмовал русские форты и крепости, разносил в пух и прах казачьи станицы, где ты был? То в Абхазию сбегал, то в Турцию очутился! Думаешь, мне неизвестно, что ты за человек? Ты ведь намаз делаешь без омовения. Ночью прелюбодействуешь с русскими матушками, утром, не смывая скверны, идешь в

мечеть! Утром ты мусульманин, в обед христианин, вечером язычник – лишь нечистый поймет, кто ты таков!

Зан полулежал, опершись локтем на бревно, и насмешливо глядел на распинающегося Эмина. Казалось, его нисколько не трогала вылитая на него брань. Тот же держал руку на рукояти кинжала, готовый пустить его в ход.

– Ну, неправда разве? Кто ты такой, скажи? С мусульманами ложишься, с гяурами встаешь!

– Уймись подобру-поздорову, дагестанский пастух, – сказал, наконец, Зан, не меняя позы. – Ко всем грехам моим добавить и те, которых отец мой не совершал – и то не будет десятой доли того, чем ты запятнал себя. Я хотя бы не замуровал в камень своего тестя и не оставил умирать, и потом не лег под одно одеяло с его дочерью.

Эмин все больше наступал, все больше выдвигался клинок из его ножен.

– Уймись лучше, – повторил Зан, кладя перед собой двуствольный обрез. – Не то разнесу тебя в дым!

– Это еще кто кого разнесет! Ты у меня через плетни будешь улепетывать, клянусь вот этим знаком султана! – И он по привычке тронул орден на своей груди.

– Прекратите оба! – крикнул Кубатий.

– Генерал, – заартачился Зан, – у меня тоже есть звание и турецкого паши, и генерала.

– В том и беда наша, – сказал Берзедж, огорченный происходящим, – все решаем, кто главнее и важнее. Мы друг с другом грыземся, забывая про врага, который пришел к нашему порогу и только и ждет, чтобы живьем нас проглотить.

– Это наша беда и наш позор, – согласился Сафар своим тонким голосом. – Стыдно мне.

Хаса одобрительно загудела, все согласно закивали головами.

– У всех у нас сегодня один враг, тот самый, что подобрался к нашему порогу, – снова заговорил Берзедж. – Пора принимать решение. Мне русский царь сказал, что завтра пригласит к себе депутацию адыгов. Мы не каждый день можем говорить с царем, а если так, нужно сообща подумать, как и с какими просьбами мы к нему подойдем. И как подойти к нему, как разговаривать? А главное – что делать нам? Покориться его воле? Или продолжать борьбу? Следовать чужой воле или нет, сдаваться или воевать дальше?

За лесистым хребтом на том берегу Шхагуаше пылала огнем вечерняя заря. Край уходящего солнца зацепился за верхушки деревьев, расцветившая их красным. Лучи прорывались сквозь листву орехового дерева, под которым спорила и шумела хаса, окрашивали кровавым цветом адыгский флаг с вышитыми звездами и стрелами.

Вечерний ветерок колыхал флаг, казалось, красные звезды вот-вот осыпятся с полотнища, подобно огромным каплям крови.

В конце концов, хаса выбрала депутацию, которой надлежало предстать перед Александром II, и возглавил ее Берзедж.

4

Ставка Александра II расположилась на краю леса. Двадцать офицерских палаток, в том числе предназначенных для императорской свиты, были выставлены полукругом, защищая большую, семи саженой в длину, трех саженой в ширину и двух в высоту, белую палатку государя. Над ставкой развевался трехцветный имперский флаг. Внутри большая зала с тремя окнами, с деревянным полом и дорогими коврами, и еще несколько комнат поменьше. Стены везде были обшиты шелком и бархатом, по углам – канделябры из ружейных шомполов, вдоль стен – кенкетные лампы также из оружейных частей. Невдалеке устроена столовая для полусотни едоков. И повсюду разноцветные фонари.

В ставке готовились к встрече государя с адыгской депутацией. Император обсуждал это важное событие с Евдокимовым. Он стоял посреди залы, держа за ошейник своего любимого пса. Время от времени он выпускал ошейник и почесывал собачью холку, отчего питомец получал невероятное удовольствие, потом вновь брал ремешок цепкими пальцами. Одет был государь в белую черкеску, опоясанную черкесским ремешком с серебряными подвесками и оружием. Белоснежная папаха нависала над вытянутыми бровями и придавала лицу мужественный вид.

На груди поверх газырей красовался единственный орден Георгия третьей степени. То ли подражая своему отцу, то ли считая эту награду самой важной и заслуженной – ведь она была получена за кавказскую кампанию, Александр Второй сегодня именно на ней остановил свой выбор.

Евдокимов едва скрывал досаду из-за горского одеяния государя. «Подыгрывает им, – думал он со злостью, – как есть подыгрывает. Того и гляди, порушит все наши планы, дабы этих дикарей задобрить».

– Ваше величество, наши brave солдаты одолели крутые скалы Шамиля, – сказал он торжественно, – а уж эти горы и долины им и вовсе не преграда. Нет такой силы, Ваше величество, что способна остановить русского солдата.

– Это ладно, – ответил император, почесывая за ухом у пса, – но хотелось бы мне знать, когда вы собираетесь покончить с замирением здешних народов. Я внимательно прочитал ваш план, но там ничего не сказано о сроках.

– Пять лет, не более, государь!

Александр отпустил собачий ошейник, схватился за голову обеими руками и нервно зашагал по комнате:

– Пять лет! Да вы что!

– Но, Ваше величество, это черкесы, они пашут подковами, сеют свинцом, жнут кинжалами. Они рождаются для войны. Раньше никак...

– Но это слишком долго! Станет Европа ждать меня пять лет? Поляки подыматься начали. Вокруг нас сплошь немирные народы. Гляньте, что мадьяры творят, и англичане все ближе подползают, вон Кабул уже заняли. А вы тут топчетесь на Кавказе.

– Наши с ними поля битвы никак не схожи, Ваше величество.

– Не вижу особой разницы. Здесь горы – там горы. А сколько военной мощи вам дано – англичанам столько не снилось. Вам ли не знать, генерал, что кавказская армия на сегодня – это более трехсот тысяч штыков. Да сам Кутузов не видел такой силы!

– Дело не в том, Ваше величество, чтобы взять их, нужно еще и удержать.

– Так держите.

– Может, прав Ермолов: нужно вырезать половину кавказцев, чтобы вторую половину усмирить.

– Генерал, не забывайте, на всякого Ермолова найдется свой Шамиль. Мне вскоре понадобятся войска, повторяю, англичане не дремлют.

Император подошел к окну, постоял с минуту молча, потом резко повернулся к Евдокимову.

– Генерал, надеюсь, вы понимаете, что сейчас для России нет ничего важнее Кавказа.

– Понимаю, Ваше Императорское Величество.

– Значит, нужно скорее заканчивать эту войну, и притом нужно меньше крови – больше ума.

– Сделаем все возможное, Ваше величество.

– Я рассчитываю на вас, генерал. И рассчитываю в скором времени наградить вас титулом графа и чином генерал-адъютанта.

– Сил своих не пожалею, Ваше величество, – Евдокимов хотел было припасть к руке государя, но тот его остановил:

– Что вы, Николай Иванович. – Он убрал руку и сменил тему разговора: – Полки из Закавказья подоспели?

– Так точно, Ваше величество, прибыли. Только я возле Сухума развернул обратно полк грузинской милиции.

– Отчего же?

Евдокимову не хотелось, чтобы история эта дошла до царских ушей, но ведь кто-нибудь обязательно доложит. И он решил, что лучше самому выложить все начистоту:

– Неблагонадежен тот полк, Ваше величество.

– Что так? – нахмурился Александр II.

И генерал рассказал все как на духу. Он подтянул большие силы к Черкесии. План был таков: окружить и со всех сторон теснить адыгские племена по направлению к морю. Затем он намеревался отправить их морем в Турцию, кто не доплывет, тех утопить, оставшихся разбросать по просторам Сибири. Он не раз заявлял: «Чтобы Черное море стало нашим, нужно очистить побережье от черкесских племен».

Со стороны Анапы осаду держал генерал Гейман, с противной стороны стояли части генерала Горшкова. Сам же Евдокимов с превосходящими силами подошел с третьей стороны. Гейман и Горшков должны были теснить обитателей мирных аулов с двух сторон и понемногу согнать их в одну массу, по направлению к расположению Евдокимова, а он, в свою очередь, собрать их воедино на побережье.

В помощь русским войскам к Сухуму подтянули грузинский полк, который пока стоял в резерве и готовился к активным действиям. Но среди солдат началось брожение, когда они узнали, что их заставят идти войной на черкесов. В один прекрасный день прибыла в полк группа горцев, в основном убыхов и шапсугов, во главе со старым армянином Суреном Меликянцем. Он хорошо владел и адыгским, и грузинским языками. Долгие годы этот торговый человек странствовал между Баку и Ереваном. Прослышав, что у армян, живущих среди адыгов, очень хорошо идет торговля, не преминул перебраться к ним. Прижился, выучил их язык, и даже женился на местной женщине. И вот теперь он, взобравшись на копну сена, держал речь перед грузинскими солдатами от имени адыгов:

– Братья, говорят, вас привели на войну с нами. Воля ваша, но знайте, что мы против вас оружие не повернем. Мы с вами братья, соседи, наши земли рядом, мы испокон веков делили кусок хлеба и никогда не воевали друг с другом. Среди ваших царей были рожденные адыгской матерью. Выходит, мы и по крови братья. Вспомните тот день, когда на защиту одной грузинской семьи оседлало коней целое войско адыгов. Если вы это забыли – стреляйте в нас. А наше оружие не будет запятнано вашей кровью.

Не всем пришлись по душе слова Сурена, несколько офицеров попытались припугнуть его, даже пару выстрелов сделали в воздух, но старый армянин не сдавался:

– Вы видите, меня пытаются заткнуть. Пусть бьют, убивают, но помните, что вы с адыгами братья...

Его стащили с копны, а он продолжал кричать:

– Братья мои, я старый человек, я свое пожил. Но вам никогда не отмыться от позора братоубийства. Наш бог един, грузины, братья мои!..

Туго пришлось бы старому Меликянцу, но грузинские солдаты навалились гурьбой и отбили его у офицеров. Поднялся крик: «Для чего нас привели сюда? Чтобы мы против соседей воевали? Расходитесь, уйдем по домам!»

И все грузинские роты перевернули свои котлы с варящимся мясом, что означало одно: конец войне.

О беспорядках тут же доложили кавказскому военному начальству. Чтобы не стало хуже, грузинский иррегулярный полк стремительно отвели в сторону Поти. Весть о подвиге грузинских солдат разлетелась по всем ущельям, горцы ликовали и удивлялись: вот это настоящие мужчины, рожденные настоящей матерью!

– Это все, – не убавив и не прибавив, поведал государю Евдокимов.

– Не нужно было вмешивать в кампанию грузин, не стоило! – покачал головой Александр.

– Да кто же знал, государь. Эти мусульмане, те – христиане...

– Здесь так бывает, что дружба крепче веры.

Зашел флигель-адъютант:

– Ваше императорское величество, прибыла горская депутация.

– Приглашай! – велел Александр II.

В залу вошли пятеро мужчин во главе с Берзеджем. Император приветствовал вошедших, слегка склонив голову, и указал им на стулья, обтянутые бархатом:

– Присаживайтесь, господа.

– Не извольте беспокоиться, мы постоим из уважения к себе и к России.

– Благодарю вас, – вежливо ответил царь, – и все же прошу садиться.

Горцы сели лицом к квадратному столику на золотых ножках, что стоял посреди залы. Говорили, что это был походный столик прабабушки Александра II государыни Екатерины Второй. Император стал за ним и молча оглядел гостей, переводя взгляд с одного на другого. По его лицу трудно было сказать, о чем он думает. Пышные русые усы красиво перетекали в холеную бородку. Все лицо его было воплощением благородства и хороших манер. Глаза смотрели испытующе и в то же время дружелюбно.

– Чем порадуете, господа, с чем пожаловали? – спросил, наконец, Александр II.

Ответа не последовало, горцы лишь переглянулись. По общему решению, говорить с царем должен только Берзедж, а он пока не проронил ни слова.

– Как вам будет угодно, – сказал император. – Тогда спрошу я. Был уговор, что вы привезете с собой изменника родины Хромовицкого. Отчего же не привезли?

– Оттого, солнцеподобный царь, – поднялся с места Кубатий, – что это было поспешное обещание. Вы ведь говорите про нашего бомбардира?

– Именно, про перебежчика Хромовицкого, – вставил Евдокимов. – И вы дали слово. А горец должен держать слово.

– Бывает, что честь превышает слова. Для вас он перебежчик, для нас – гость, посланник Аллаха. А выдать гостя – это бесчестие. Вы тоже наш гость, Ваше величество, просите о чем пожелаете, но только не этого.

Все обещало пойти так, как хотелось Евдокимову. А желал он лишь одного: рассорить горцев с императором, чтобы не нашли общего языка. Он кинул быстрый взгляд на Кубатия, тот – на него. Они хорошо понимали друг друга. По стовору Кубатий должен был подстрекать горцев, что никак не могло понравиться императору. Если он рассорит своих земляков с царем, Евдокимов обещал ему немалый куш: тридцать тысяч рублей и тысячу восемьсот десятин земли. Конечно же, после того, как с этих земель будут выселены адыги. Для полноты картины Кубатий всячески подыгрывал горцам: он, царский генерал, теперь стал истовым мусульманином. Если раньше он был более чем равнодушен к вопросам религии, то теперь не пропускал ни одной молитвы в мечети, за что его даже прозвали «генералом на намазлыке». Он даже готов был следовать за своим народом в Турцию. Такая жертва также сулила ему большие выгоды.

И вот теперь все складывалось как нельзя лучше для уговорщиков. Обстановка накалялась, царь злился, а Берзедж, по адыгской поговорке, был той курицей, что откапывает нож, которым будут ее резать.

– Государь, с того часа, как мы услышали, что вы пожалуете к нам, мы что ни день собираемся на своей хасе и обдумываем, с какими словами предстать перед Вашим величеством. – Это говорил Берзедж, глядя в лицо императора прямо и смело и держа скрещенные руки на рукояти кинжала. – Государь, нет в нас сомнения в вашем величии и силе. Нас мало, но никто до сих пор не сумел согнуть нас. Ни турки, ни татары. И отец ваш, да будет светлым его ахрат, понимал это. Мы живем своей жизнью, по своим хабза, говорим на своем языке. Многим можем служить примером для подражания. Вот и вы, Ваше величество, нашу одежду носите. И потому выражаю единое пожелание и просьбу от народа: мы хотим жить своим умом, чтобы никто не вмешивался в наши дела и не учил, где нам ступить и как сказать. Пусть никто нас не трогает, и мы никого трогать не станем.

– Не могли бы вы выразаться яснее? – нахмурился император, который и без того все понял.

– Можно и яснее, – Берзедж гордо вскинул голову. – Немедленно уведите свои войска за Кубань и уберите с нашей земли ваши форты и крепости. – В знак того, что сказано все, Берзедж поклонился царю.

– А мое слово такое, – ответил Александр II ледяным голосом. – Ни один, ни единый солдат не будет выведен за Кубань. Все наши крепости и форты останутся там, где мы их поставили. Надеюсь, это понятно?!

– И что будет с нами?

– А вам предписываю всем до единого аула и дома сняться с места и покинуть побережье.

– Куда же нам идти прикажете?

– Россия велика, найдется и для вас место.

– Но мы живем здесь с сотворения мира! Здесь могилы наших предков, их плач расколется тело земли!

– Вы не можете удержать море, – холеный круглый подбородок императора затрясся от нарастающего гнева. – Пока вы здесь, на побережье, не будет России ни жизни, ни покоя.

– Это значит одно, как я понимаю: война? – Побелевшие пальцы Берзеджа стиснули рукоять шашки. – Царь, вы ищете войны – и получите войну. Адыги никогда не сдавались, даже под страхом смерти. И мы будем воевать с вами, покуда живы. Не станет нас – против вас выйдут на бой дети, что пока еще находятся в утробах матерей!

– Генерал! – громко скомандовал Александр II. – Начинайте!

– Слушаюсь, Ваше величество! – радостным выкриком ответил Евдокимов.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

– Я же поклялся из-под земли тебя достать, будь ты хоть под семью слоями подземелья! Как же вырвался ты из моих рук, как смог обойти меня! Оставить меня ни с чем, сделать клятвопреступником! Не дать мне оправдать надежд людей моих! Ты же свет застил в наших глазах, пока по земле ходил, ты же все тайное и явное наше до русских доносишь, да хоть бы труп твой до кладбища не донесли, проклятый! Как же сумел ты провести меня! – Батырбек Лоов причитал над могильной плитой. Он был безутешен. Обезумев, разрывал ногтями землю, словно пытаясь добраться до того, кто упокоился под этим холмиком. – Зачем ушел ты в землю, не получив моего удара, не ответив мне за все свои злодеяния? Думаешь, тебе рай уготован? Да тебе даже ада мало... На куски бы тебя порезать и собакам скормить!..

Батырбек понимал, что ведет себя не так, как подобает мужчине, а слова его больше похожи на проклятия женщины, но гнев и тоска его были настолько велики, что он напрочь забыл о приличиях. И он не просто был в гневе сейчас, человек в гневе помнит хотя бы, с какой стороны находится рукоять шашки. А он, кажется, и это позабыл.

– Псом поганым был при жизни, хоть и при погонах генеральских. Всякому продавался, кто сильнее окажется. По трупам сородичей ты шел ради единой похвалы своих благодетелей. Только бы по головке погладили! За одну улыбку русского царя ты бы с ног на голову поставил свой народ! Чристан с русскими, мусульманин с адыгами – до чего же подлый ты был человек! Как же ускользнул ты от меня, будь ты проклят на том и этом свете! Лютой смертью должен был умереть ты!

Он все не мог уняться, то бился головой о мягкую насыпь могильного холма, то вновь начинал разрывать землю, и разметались вокруг комья земли и мелкие камушки. Но вдруг он застыл на месте. Его недвижный взгляд остановился на надгробии. Это был большой чугунный крест, на нем железными прутьями была сделана надпись: «Генерал-майор А. Ф. Бекович-Черкасский».

Батырбек вскочил на ноги, выхватил кинжал и изо всех сил ударил по кресту. Он продолжал наносить удары, высекая искры, бил и бил по холодному чугуну, вымещая на нем всю боль и злобу, которую не удалось обрушить на того, кто лежал в могиле. Но в железном звоне слышался ему надменный смех: «Что, не достать? Руки коротки? Я всегда был хозяином жизни, и даже смертью своей я тебя опередил!»

– Куда дел ты мою Жану, свет моей жизни? Где она, ответь! – продолжал лупить по кресту Батырбек. – Верни мне ее, изверг проклятый!

Он кричал охрипшим голосом, хотя знал, что нет больше Жаны на свете, умерла от тоски. Что сделал ее Бекович своей любовницей, затем подарил Ермолову в наложницы. Он знал все это, и все же не мог остановиться:

– Где она, свет моих глаз, моя маленькая Жана? Верни ее, слышишь?!

Батырбек нанес еще один удар с размахом, клинок не выдержал и обломился, в руках его осталась рукоять. Он глядел на нее с минуту, ничего не понимая, потом отшвырнул с отвращением и навалился на чугунный крест, пытаясь свалить его. Ничего не вышло. Тогда он свалился в изножье креста, рыча, как раненый медведь. Он безудержно плакал сухими мужскими слезами, о чем говорило лишь подрагивание его плеч.

Понемногу Батырбек успокоился, встал и на подкашивающихся ногах пошел прочь с городского кладбища. Отвязал дождавшуюся

у ограды лошадь и потянул ее за поводья, забыв, что она стреножена. Потом обратил внимание, что она идет поскоком, и снял путы. Заткнул поводья за пояс и побрел без цели.

Город разросся в последнее время, похорошел. Новые дома в три, а то и пять этажей выстроились в ряд по улице, что раньше звалась Бульварной. Улицу делил надвое земляной вал, засаженный липами, молодые деревья были теперь в самой поре и довершали картину обновленного города.

Только Батырбек не видел ни красоты этой, ни зелени, ни цветов, все для него смешалось в один кроваво-бурый цвет. Дома смешивались в сплошную серую массу. Лошадь покорно шла за хозяином, нервно поцокивая подковами по мостовой, высоко подхватывая ноги с непривычки, и словно недоумевала, почему ее заставляют вышагивать по этим каменным дорогам, вместо того чтобы пустить вскачь на вольном ветру.

Стемнело, настала пора, когда, по определению адыгов, нельзя было отличить белую нитку от черной. А Батырбек все брел, сам не зная куда. Вскоре улица расступилась, как бы выпуская в круг приземистое нарядное здание. Батырбек с трудом собрал все свои познания и прочитал «на казацком» языке: «Театр». Он не ведал, что это значит, но по тому, как освещалась площадь, по широким ступеням понял: это место, где собирается много народу. Любопытство заставило отвлечься от досаждавших мыслей и повело дальше, вверх по ступеням, в большую дверь. Послышалась печальная мелодия, миготом отозвавшаяся в его израненном сердце. Похоже, кто-то играл на шикапшине. Или на ином инструменте, похожем на шикапшину. Музыка была такая грустная, такая красивая, что влекла его, ему хотелось увидеть, кто же так искусно играет. Открыв еще одну дверь, он вошел в зал, битком набитый людьми...

Театр на самом деле открылся недавно, и сегодня здесь собрался цвет культурного общества горцев. Музыку Шопена, которая завлекла сюда Батырбека, играл сейчас молодой скрипач Султанбек Абаев, только что окончивший Петербургскую консерваторию. Сидящие слушали игру обычного балкарского юноши, затаив дыхание.

В глубине сцены за длинным столом сидели члены Горской хасы. По центру – председатель правления Степан Игнатьевич, дальше – чеченский этнограф Лахриев, писатель из осетинского рода Боттиевых, инженер-карачаевец Алиев, ученый из Дагестана Омаров. Рядом со Степаном Игнатьевичем сидел Лоов Харун, сын Батырбека и ученик Шоры Ногма. Он окончил Петербургский университет и теперь работал в газете «Кавказ», кроме того, бесплатно работал заместителем председателя Горской Хасы.

Совет Хасы выпускал ежегодно «Сборник сведений о кавказских горцах», к изданию которого Харун приложил немало сил. А поскольку книга печаталась в Тифлисе, ему приходилось частенько туда ездить, к тому же за свой счет.

Сейчас Харун сидел, подперев ладонью подбородок, и вслушивался в нежные звуки скрипки. Взгляд его скользил по залу, выхватывая знакомые лица. Вот на втором ряду сидит Наталья Степановна, учительница Ставропольской гимназии по рисованию, рядом с ней – Зулий, держа на коленях сына лет семи-восьми, дальше – Ерустам, старший сын Шоры, на нем форма кадетского корпуса. Он очень похож на отца и внешне, и степенностью своей.

Перед глазами Харуна встает доброе лицо учителя, он словно слышит его голос. Не о таком ли дне мечтал Шора?..

В самом конце зала он заметил отца, притаившегося в углу. Тот, не отрываясь, тоже наблюдал за сыном. Затем переводил взгляд на зал, на людей, заполнивших его. Что они все тут делают? Земля горит под ногами, а они собрались тут и слушают пиликанье на шикапшине. Рушится мир, рушится. Там Шамиль врагу сдался. Эти все и подавно сдались и попеременялись. И ведь большинство горцы! Что им здесь нужно? И что делает здесь мой единственный сын? Чей удж он танцует? Я стар, жизнь моя закончилась, я не смог отомстить ни тому, кто сжег мой аул, ни тому, кто отобрал у меня жену. А тот, кому надлежит отомстить вместо меня, – он вот, сидит среди бездельников. Кто же отомстит за меня? Видно, сын мой и не помышляет о мести.

Так сидел он в углу, исходя злостью на сына и на всех, кто занимался тут неподобающим делом.

Музыка стихла, печальная и волнующая. Зал наполнился аплодисментами. Степан Игнатьевич встал и поднял руку, прося тишины:

– Господа, от своего и вашего имени хочу от души поздравить Абаева, исполнившего сейчас прекрасную музыку Шопена, с успешным завершением учебы в Петербургской консерватории. Давайте поблагодарим его за то, что он пришел сегодня к нам и показал свое искусство.

Снова аплодисменты.

– А теперь, – продолжал Степан Игнатьевич, – поговорим о том, ради чего собрался сегодня Совет горцев. Передаю слово Лоову Харуну Батырбековичу.

Услышав свое имя, Батырбек вздрогнул.

Теперь вышел красивый юноша в черном фраке, в белой рубашке со стоячим воротом и в галстук

– Господа, уважаемые братья и сестры, – начал он слегка смущенно, – посмотрите на это. – Он поднял вверх книгу. – Это книга

Шоры Ногма «История адыгского народа». Впервые книгу об истории адыгов написал адыг! Впервые, господа! Было бы великим счастьем, если бы до этого дожил сам Шора. Но сегодня с нами здесь наставник и учитель Шоры Ногма, истинный друг горцев Степан Игнатьевич.

Привстав, Степан Игнатьевич степенно поклонился. Это был человек почтенного возраста, сохранивший бодрость и живость ума.

– С нами сегодня и ученики Шоры, которые, можно не сомневаться, радуются больше всех. Все они начинали простыми пастухами и доросли до университетов... – продолжал Харун. – Да, сегодня нет с нами того, чьими стараниями случилось это событие. Он умер на ступенях Академии наук России. И именно он первым сказал: «Кавказ надо просвещать, а не укрощать». Господа, возможно, в «Истории адыгского народа» кто-то найдет погрешности, но не в этом дело. Главное в том, что история адыгов написалась и родилась здесь, на нашей земле. Греки недаром говорят: «Сделавший первым сделал вдвойне».

Господа, я не могу сегодня без слез читать пророческие слова Шоры Бекмурзина: «Придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство – светильник жизни – любовь к знанию, ударит и для нас час, когда мы примемся за грамоту, книги, письмо. Для этого-то времени составлен этот труд, труд многих лет, забытый, быть может, преображенный, он некогда пробудит благодарное воспоминание потомства учащегося... Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей просвещенных, когда обратится она к добру и познанию! О! Тогда как много душа моя почувствует сладостных ощущений!...»

Господа, близок тот час, о котором мечтал Шора Ногма. И все, что здесь происходит, и этот вечер, и мы с вами тому свидетельство...

– Постой, послушай сюда! – раздался громкий возглас с конца зала, и все обернулись на голос. Между рядами пробирался пожилой горец с длинной берданкой на плече. – То, что ты говоришь, это не дело. Дело совсем в другом. – Батырбек дошел до сцены и встал рядом с сыном, снял с плеча винтовку, поставил на пол дулом кверху и оперся на нее. – Этот говорун – мой сын. Мой единственный. И то, что я слышу сейчас здесь, мне сильно не по нраву. Вот, сын, ты говоришь: наше время, наша история. А что, у нас осталась история? Или время? Или аулы, которые не сжег проклятый сын Ермола? Жены, которых не забрал себе в наложницы трижды проклятый сын Бека? Я тебя спрашиваю, сын, кто ответит за все злодеяния? Кто спросит с них за все наши беды?

Харун, пытаясь остановить отца, тронул отца за плечо.

– Отец, погоди, не надо сейчас...

Батырбек стряхнул руку сына с плеча.

– Нет, это ты погоди! Чем тут разговоры разговаривать, пойди и отплати за свою кровь. Отомсти за аул свой, за мать! Аллах отвернулся от меня, забрал сына Ермола и сына Бека раньше, чем я смог нанести свой удар. Врагов моих уж нет, но есть их дети. Я стар, времени не осталось. Но ты можешь отомстить нашим кровникам. Иди и отплати их детям, пусть они кровью воздадут за кровь! Ступай, и пусть не будет им прощения! – Батырбек протянул сыну винтовку.

– Нет, отец, – возразил Харун, – прошли те времена...

– Да, прошло мое время. Но теперь наступил твой черед. Иди и отомсти детям наших кровных врагов!

– Дети сами как-нибудь договорятся, отец...

Батырбек потряс в воздухе ружьем, его горестный крик раздался в притихшем зале:

– Рушится мир, рассыпается! – Старый горец покинул зал, согнувшись и волоча по полу приклад своей берданки.

2

С заходивших в Цемесскую бухту англо-французских кораблей выгружали тюки ткани, домашнюю утварь – посуду, котлы, соль... и пушки, бочки с порохом, ружья. Все эти щедрые дары Даут-Бей не впервые привозил на Кавказ, и их тут же распределяли между горцами.

Но был среди прочего по-настоящему королевский подарок – английский жеребец. По слухам, его доставили прямо из конюшен самой английской королевы в знак дружбы и поддержки горскому народу. Его со всеми предосторожностями спустили по сходням и удерживали за концы веревки, привязанной к недоуздку. Жеребец был настолько хорош, что горцы так и ходили за ним по пятам.

– И в чей же табун запустят такого красавца? – спросил кто-то.

– Говорят, будто табун общий будет, по две-три кобылы от каждого рода.

– Да ну, виданное ли дело!

Все любовались вороным красавцем и бурно обсуждали его статный, словно литой корпус, гордую тонкую голову – что и говорить, ни отнять, ни прибавить, не конь, а само совершенство. Жеребец будто чувствовал на себе восхищенные взгляды и стрелял глазами, по его лоснящимся бокам иной раз пробегала пугливая дрожь, если кто-то подходил слишком близко.

– Еще бы не был хорош, королевский конь, на коврах вырос.

– Да, ни единого изъяна, что и сказать.

– Нет, изъян все же есть, в груди узковат.

- Сказали, английской породы, но произошел от арабской лошади.
- Ты еще скажи, что он лошадыю Пророка рожден!
- У Пророка жеребец Альборак был, умник!
- И то верно!

Жеребец вдруг взвился, да так, что мужчины едва удержали узду, казалось, искры сыпались из его огненных глаз. Он потрянул точеной головой, роскошная грива развевалась на ветру. Новый вздох восхищения разнесся по толпе горцев:

- Хорош, что и говорить! Холеный и горячий.
- Одно слово, по коврам ходил!

Зачрей изо всех сил пытался обратить ярого безбожника Инароко к истинной вере. Для него это было делом очень важным, поскольку в Коране сказано: кто обратит троих в мусульманскую веру, либо убьет трех жидов, перед тем распахнутся райские врата. Зачрей не слыл искусным охотником, да и вообще с оружием ладил плохо, так что о трех убиенных не могло быть и речи. А вот обратить троих в свою веру – почему бы и нет. А особо широко откроются ворота в рай для того, кто сумеет убедить уверовать в Аллаха бывшего мунафика – вот такого неверного безбожника, как Инароко. Потому Зачрей так и старался.

– Вера делает человека чище, – говорил он своим зычным голосом, по обыкновению размахивая руками. – Чище и лучше.

– Да, вот Сафара она сделала таким чистым, что два арапчонка едва справляются, – расхохотался Инароко над своей шуткой. То, что два арапчонка были приставлены к толстяку Сафару только лишь затем, чтобы носить за ним кумган и помогать ему подмываться, знали все, и это было предметом насмешек. – Да я, Зачрей, не в истинности веры сомневаюсь, а в людях, священнослужителях. Все они нечисты на руку, жадные не в меру, завистливые, и обжоры к тому же, все как один! Представь, на празднике дня рождения Пророка аульский эфенди, говорят, так объелся, что едва не лопнул. Лежит, еле дух переводит, а мимо идет человек и говорит: «Вот, эфенди, хотел тебя индюшкой угостить». А эфенди в ответ: «Положи мне в рот, не съем, так хоть откушу!»

Сказал Инароко и захохотал во все горло.

Они сидели в тени дерева, откуда просматривалась пристань. Там из кораблей все еще выгружали привезенные подарки, и рядом было много народу.

– Вера ваша делает человека корыстным, портит его, – продолжал Инароко. Ему доставляло удовольствие измываться над Зачреем, которого узнал совсем недавно. – Вот хотя бы пророка взять, у него, говорят, семь жен было!

– Четыре, – возразил Зачрей, замахав руками, – мусульманину дозволено четырех жен иметь.

– Да хоть и четырех, – продолжать смеяться Инароко. – Это мало? Четыре жены вместо одной! Вот оно, что поганит народ!

Чуть поодаль, под другим деревом, появился мужчина, одетый в белые холщовые штаны, широкую рубаху, дважды опоясанную ремнем с полумесяцем на бляхе, и в красную феску. Через плечи спущены два кожаных ремня. Не иначе как турецкий солдат. Он отстегнул притороченный к левому боку коврик и начал делать вечерний намаз. Странно, что вызывало в нем любопытство у людей? Они постепенно окружали его, и Инароко, жадный до всяких свар и склок, бросился к собиравшейся толпе.

– Что там происходит?

В образовавшемся кругу он увидел двух мужчин. Один – тот самый турецкий солдат. К запястью его была привязана толстая веревка, на веревке на небольшом расстоянии друг от друга – три девочки лет по двенадцать-тринадцать. Турок по виду был крепкий детина. А напротив него стоял Хромовицкий, небольшого роста, худощавый, но не знающий страха Хромовицкий.

– Вы не имеете права здесь покупать и продавать людей!

– А здесь что – твоя земля, или земля твоего отца?

– Российская земля!

– Погляди туда, – турок вытянул руку в сторону пристани. В порт заходили новые корабли. – Мое судно должно возвращаться в Стамбул, уйди с дороги подобру-поздорову!

– Не уйду! Это беззаконие!

– О каком законе ты говоришь? Одну из этих девочек продал мне вот этот человек, спроси у него.

– Который?

– Я, – из толпы раздался голос изможденного человека в старой войлочной шляпе, изношенной черкеске и дырявых чувяках.

– Да как же можно, – взревел Инароко, – где видано, чтобы адыг продавал своих детей!

– Не от хорошей жизни! – взвизгнул дрожащим голосом мужчина. – У меня пять дочерей, пять! И мне нечем кормить их, одеть не во что. Вот я и продал одну из них, вторую после старшей, а на вырученные деньги одену остальных, чтобы голыми не ходили!

– И все же это не по закону чести, – раздался другой голос.

Несчастный отец рванулся с места в круг, рывком сорвал с плеч черкеску – и под ней обнажилось тощее тело, посыпались ключья травы, которой он обернул тело. Ветер подхватил сухую траву, покружил в воздухе и рассыпал окрест.

– Видит Аллах, не было у меня иного выхода. Думал, одну продам – и других спасу, чем все погибнут. Поймите же меня, мусульмане! О Аллах, ты видишь меня, пощади! – Мужчина стоял на коленях, уткнувшись лицом в землю, и рыдал в голос, его обнаженные худые плечи вздрагивали.

Турок невозмутимо свернул свой коврик, натянул веревку и потащил за собой девочек:

– А ну, расступись!

Мужчина продолжал рыдать, не поднимая головы. Хромовицкий снял с себя офицерскую шинель и накинул на лежащего.

– Возьми, брат, все, что могу на сегодня.

По толпе прошел одобрителный ропот: не иначе как мусульманская кровь есть у этого русского офицера.

– Смотрите, наш имам едет, он пусть и разрешит спор!

Подъехал Эмин, за ним Даут-Бей. Оба спешили и не были расположены задерживаться. Услышав о случившемся, Эмин сказал лишь:

– По Корану у любого есть право продавать и покупать людей.

– Но ты же сам говорил, что мусульманин не может делать рабом мусульманина, – раздались выкрики.

– Я говорю о том, что написано в Коране, – коротко отрезал он и пришпорил коня. Даут-Бей неодобрительно покачал головой:

– Это позор, торговать живыми людьми, – и тоже последовал за Эмином.

Теперь турок смело дернул веревку и потащил пленных девочек за собой. Дети дико озирались, ища защиты в глазах горцев.

– Видит Аллах, не желал я к трем отрезанным ушам прибавлять и четвертое, – закричал вдруг Инароко, прыжком догнал турецкого солдата и рубанул шашкой по его шее. Тот мешком рухнул на землю. Инароко вытер клинок о полу своей одежды:

– Летите по домам, голубки!

3

Восстановленный после пожара Мариинский театр давно не видел такого столпотворения. Государственные сановники, министры, главы департаментов, иностранные послы, генералы – все стремились попасть сюда в этот вечер. А посвящался вечер не кому иному, как Шамилю. В его честь в театре давали балет Дидло «Кавказский пленник».

Ожидалось прибытие всего двора во главе с государем. Приглашенные были горды – сам государь вспомнил! А уж тем, про кого забыли, оставалось лишь завидовать и исходить желчью.

Собравшиеся изнывали от нетерпения и вертели головами в надежде первыми увидеть появление Шамиля. Будет ли он сидеть в

царской ложе, или ему выбрали иное место? Все споры и разговоры были только о нем. И чего только не говорили!

К примеру, шел такой слух. Когда везли пленного Шамиля, он уже возле Шанткале – Ставрополя – вспомнил, что забыл свою любимую кошечку. Пришлось посылать за ней в Гимры фельдъегеря.

Еще говорили про случай в кунсткамере. Шамиль увидел сапоги Петра Первого, пришел в восторг от их громадных размеров и сказал: «Оно и понятно, что три короля не смогли одолеть одного русского царя», – имея в виду Крымскую кампанию.

Все знали, что первая встреча императора с Шамилем произошла в Чугуеве. Здесь как раз проходили армейские маневры, за которыми наблюдал государь, и он решил сам: лучшего места для встречи не найти. А когда к нему привели Шамиля, он встретил его душевно, обнял и даже расцеловал, сопроводив все это словами о том, как счастлив он видеть такого гостя на своей земле.

Этот поступок царя живо обсуждался в народе. Кто-то видел в этом широту души государя, кто-то был куда как недоволен: зачем русскому царю привечать, обнимать да целовать этого дикаря, который три десятка лет кряду проливал христианскую кровь? Да ему самое место на виселице или на сибирской каторге. Уже давно не было секретом, что каждый год на Кавказе гибнут до тридцати тысяч русских солдат от пуль или от болезней.

Шамиль поражался количеству золоченых церковных куполов в Москве. О желании посмотреть, как русские делают свой намаз, сказал губернатору, тот передал просьбу митрополиту Московскому. Митрополит согласие дал, но с условием, что Шамиль войдет в храм с обнаженной головой. Однако гость заупрямился: для мужчины шапка с головой едины, сорвать с него шапку – все равно, что снять голову. После споров Шамилю разрешили войти в церковь в мусульманском сарыке. Он отстоял службу, все ему понравилось. «Вы достойно чтите вашего Аллаха, – похвалил он, – и закиры красиво поете. Это хорошо. Чтя своего Аллаха, вы чтите себя».

Со смехом и удивлением обсуждали сидящие в театре случай, когда Шамиль бегал наперегонки с паровозом. Было это в Твери. Рассказывали, что на станции он вышел из вагона и направился к паровозу. Он и в Москве видел такое чудо, но не нагляделся. Теперь же попросил подвести нескольких хороших скакунов. Шамиль и его спутники сели на коней, подождали, когда поезд тронется и наберет ход, и лишь тогда пришпорили лошадей...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Вот уж без малого три года Евдокимов с рвением исполнял приказ царя, сгоняя адыгов к морю и большими партиями отправляя к турецкому берегу. Генерал не ожидал, что это окажется столь сложной задачей. Еще бы, согнать полмиллиона людей с насиженных мест и переселить на чужбину.

А поскольку выселяемым не позволялось брать с собой никакого имущества, то все побережье от Соша до Туапсе, Геленджика, Новороссийска обратилось в громадный базар. Адыги продавали крупный и мелкий скот за бесценок. Прослышавшие о такой неслыханной удаче грузины, турки, дагестанцы паслись тут целыми днями. Особенно усердствовали хохлы, недавно переселенные на освободившиеся кавказские территории. Они так и расхватывали дешевую живность и без особых трудов обрастали хозяйством.

Среди торговых рядов сновали вездесущие турки, прибывшие на каюках с одной целью – нажать на чужой беде. Они промышляли исключительно наймом прислуги – хотя это было больше похоже на скупку рабов. Ушлые работоторговцы приглядывались к несчастным беженцам и отбирали тех, у кого были крепкие дети, красивые девушки.

Изначально перевозить адыгских переселенцев вызвались Франция, Англия и Турция. Вот только корабли с английскими и французскими флагами пока не спешили в порт, где дожидались их измученные люди. И потому беженцев на берегу не убывало, их с каждым днем становилось все больше. Они ютились в наспех сооруженных шалашах, крытых рогожами, ардженами и разным тряпьем. Как говорится в адыгской поговорке, в лихой час все бжедуги братья. Вот и подтягивались люди – род к роду, семья к семье, чтобы теснее быть друг к другу, словно это могло защитить от беды...

А беда уже нависла над несчастными неотвратимо. Адыгские женщины, выставив перед собой люльки с младенцами, тихо оплакивали своих детей, свою жизнь, свой народ. А чеченские женщины, как они делали это в часы скорби, надели на головы вымазанные сажей котелки и изо всех сил хлестали себя по ляжкам, оглашая побережье причитаниями о злосчастной судьбе и потерянной родине. И даже залезший на дерево и призывавший правоверных к намазу муэдзин не мог перекричать эту многоголосую и многоязычную тьму людей.

Старейшины родов сидели чуть поодаль. Они сохраняли достоинство и старались не показывать своего бессилия, но их выдавал

потерянный вид, тихо шевелящиеся губы, возносящие молитвы Всевышнему о милости. Что-то произошло с этим народом, еще недавно бывшим примером для подражания для всего Кавказа. Трудно сказать, что это было: пали духом, иссякли силы телесные, или все вместе, только был это уже не тот гордый и неустрашимый народ. Сейчас он напоминал испуганный табун лошадей, неудержимо несущийся к пропасти. Да, именно так. Знали ли они, что впереди их ожидает гибель? Кто-то знал и даже предупреждал, но таковых было меньшинство, и большинство их не слышало. И несся табун испуганных лошадей, и остановить его было уже невозможно...

В последние дни море неистовствовало, словно пытаюсь предупредить, удержать людей от рокового шага в пропасть. Вздвигнувшиеся волны не давали кораблям подойти к пирсам, и они дрейфовали вдали от берегов, ожидая погоды. Где-то в середине морских пучин зарождалась гигантская волна и с ревом обрушивалась на каменистый берег, рассыпаясь и обращаясь в мутную пену, и тогда рев ее переходил в тяжелый, протяжный вздох, сливаясь воедино с обреченными вздохами женщин. Они все больше молчали, лишь изредка из глубин измученных душ вырывалось проклятие тем, кто обрек их на такие страдания. Женская доля – повиноваться мужу и во всем полагаться на его волю и защиту. И они покорно ждали.

Затянувшееся ожидание и полная безызначность впереди повергали людей в оцепенение. Порой они забывались и начинали говорить на привычные житейские темы, будто ничего не происходило. Но такой разговор обычно заканчивался где-то на середине, и говорившие будто и не замечали недосказанности.

Между шалашами ходил Зачрей и своим зычным голосом распевал закиры, за ним, подпевая в лад, неотступно следовала Айгюль, ведя за руку глазастого малыша. Они не обходили стороной ни один закуток, ни одну группу, большую или малую, ни одной кучки женщин с младенцами. Горцы слушали, затаив дыхание. Не потому, что они вникали в смысл закира, распеваемого на чужом языке, а потому, что это песнопение напоминало гыбзу и болью отзывалась сейчас в душе каждого горца.

Благостное пение Зачрея вмиг оборвалось, когда путь ему преградил здоровенный плечистый детина с налитыми кровью глазами, с нависшими усищами. Это был не кто иной, как неукротимый Инароко, тот самый богохульник, который грозился покарать самого Аллаха, если кто осмелится сказать, что Аллах сильнее его, Инароко, и того смельчака вослед за ним отправит.

Ручища Инароко стиснула горло Зачрея.

– И где теперь твой святоша, у которого ты в писарях ходил? Где теперь твой дагестанский пастух?!

Тот взмолился, пытаясь высвободиться:

– Ради Аллаха, Инароко, пощади!

И тут случилось невиданное, что заставило Инароко отпрянуть. К нему подскочила Айгюль и приставила острие короткого клинка к его груди.

– Только попробуй! Отпусти его, не то усов недосчитаешься!

Грозный Инароко опешил. Он никогда не видел таких женщин. Зачрей поспешил увести разговор в безопасную сторону и сказал примирительно:

– Ты прав, Инароко, он оказался нелюдем, этот пастух. Сдался русским.

– Да что ты!

– Так и есть. Продался русским за генеральское жалование. Живет, говорят, припеваючи в Петербурге, и семью свою забрал, да еще письма пишет, чтобы все горцы покорились русским.

– Вот оно! – Инароко злобно расхохотался. – Вот недаром же сказано: поставь жука поводырем – в навоз заведет! Вот и завел. А мы-то вожаком всех горцев его сделали, и кого – пастуха дагестанского! Сами виноваты, верим кому попало.

– Аллах воздаст ему за все грехи, за кровь пролитую, – продолжал торопливо лепетать Зачрей. – До чего же несчастный народ адыги. Обманывают его все кому не лень, а он все ума не наберется...

Море понемногу успокаивалось. Волны уже не обрушивались на берег всей своей мощью, а лишь вздыхали, будто приговаривая: «Что ж, вы меня не послушались, поступайте как знаете».

Мыко сидел, прислонившись к прибрежному валуну, до блеска обглоданному волнами. Старик разговаривал с морем:

– Что же ты смолкаешь? Шуми, плачь, кричи! Не пускай этих несчастных в путь погибельный, удержи их, прегради дорогу! Скажи им, что смерти своей они ищут! Вздымай свои волны, не пускай корабли к берегу. Отнеси их подальше, потопи, только к нам не подпускай! Море мое синеглазое, что же ты молчишь? Говори, шуми, чтобы поняли несчастные, на какую зыбкую дорогу ступают. Меня они не слышат, так, может, тебе поверят, что нет в той Турции никакой отрады. Был ведь я там, своими глазами видел, каково моим землякам приходится. Не успеют первую жердь в ограду вбить, как уже могилу пора копать, мрут один за другим! Прежде аула кладбище заселяют. Да кому мы там нужны, на чужбине!

Он говорил и говорил с болью в голосе, говорил о том, что своими глазами видел. Мыко успел побывать в Турции. Когда пришлось совсем туго, отдал двух сыновей в армию, дочь продал торговцу, а сам едва добрался до своего берега. И сидит теперь у кромки воды, причитает.

Море почти стихло, корабли качнулись на воде и тихо поползли к берегу.

– Вот они, – закричал Мыко, – плывут! Море мое синеглазое, образумь неразумных, не допусти беды, удержи их на родном берегу. Несчастные, чем хлеб на чужой земле есть, лучше траву на своей жевать, мхом заедать, лучше своя грязь, чем чужой хлеб, да, лучше! Разгневайся, море великое, не допусти еще большего горя!

Мыко оставался сидеть, припав широкой спиной к холодному валуну. Его голос потонул в шуме волны, и слов его никто не слышал. Его большие покатые плечи то вздымались, то опадали. Старик беззвучно плакал.

Потом он невольно отвлекся, задумался, перед глазами возникли бессвязные картины из прошлой жизни. Вспомнилась давнишняя история, когда и он, и князь Асланджерий, у которого он служил, были юношами шестнадцати-семнадцати лет от роду. У Мыко не было обуви, и он зимой и летом был бос. Потому на подошвах у него вырос толстый, в два пальца толщиной, слой дикого мяса. Была ранняя весна, на улицах все еще держался мокрый снег вперемешку с грязью. Он пробежал мимо княжеской кузницы. Его окликнул Асланджерий.

– Иди сюда, Мыко. Решил я тебя подковать.

Мыко не посмел возразить молодому князю, безропотно встал в ясли, куда ставят лошадей, и согнул ногу. Князь захватил щипцами раскаленную подкову и приложил ее к пятке слуги. Тот и глазом не моргнул. По кузне поплыл тошнотворный запах горелого мяса. Асланджерий сильнее прижал подкову к ступне Мыко, и тот снова не шелохнулся. Тогда князь не выдержал, отбросил железо и порывисто обнял Мыко.

– До чего же ты терпеливый, брат! С этого дня ты будешь бей-голем моим, верным спутником, куда я, туда и ты, что я ем, то и ты будешь есть.

Так и было потом. Выезжает князь удаль свою показать или поохотиться – Мыко с ним рядом, остается князь дома – и он не трогается с места.

Сколько же всего прожито и повидано, с князем и без князя. Сейчас Мыко понимает, что все эти бессвязные, казалось бы, обрывки воспоминаний на самом деле связаны одной нитью – нитью Аллаха. Ничто не происходит помимо Его воли и начертания. Вот вернулся же он на родной берег, сумел же, и не потому, что он особенный или сильный, просто так суждено было Всевышним. Все по Его указанию происходит. Даже невинные чудачества. Мыко усмехнулся, вспомнив, как он пытался воспитывать своих детей. Когда родились близнецы, он построил для них отдельное «жилище», нечто вроде загона для скота. Он, видите ли, хотел, чтобы его дети придумали новый

язык. Годовалые мальчики содержались взаперти, никто с ними не разговаривал, только еду приносили. Разве скроешь такое от любопытных глаз – люди стали приходить поглазеть на малышей, а они только глазами хлопали и лопотали – у-у, муу, дуу, и ничего больше. Дошла весть и до наместника, он прислал комиссию, чтобы изучить диковину, новый язык, придуманный детьми Мыко. Целую неделю они наблюдали, слушали, записывали звуки, издаваемые детьми, но так и не поняли ничего. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не приехал Шора Ногма и не вразумил горе-родителя: так языки не придумывают, и нельзя так измываться над детьми. Пришлось Мыко отказаться от затеи...

Прошлое проходит в памяти чередой, что-то высвечивается и задерживает внимание, вызывая улыбку или печаль, что-то проскакивает мимо и исчезает. А что-то и не забывается вовсе, свербит в памяти. Разве он забудет когда-нибудь, что случилось с несчастным Ботом? И рад бы забыть, да не сможет, потому что видит в том свою вину. Это он выманил Бота из Моздока и привез домой по приказу князя. Потом случилось страшное. Асланджерий выжег крест на лбу Бота. Мыко, конечно, может не винить себя, ведь он не знал о злонамерениях князя. Он был безгранично предан хозяину и не мог даже подумать, что Асланджерий способен на такое зверство. Но ведь мог Мыко сказать, что не нашел Бота, что его нет в Моздоке, что он куда-то в Арасею нанялся сено косить. Значит, он все же виноват?.. И такая круговерть начиналась в его голове всякий раз, когда начинался хоровод воспоминаний...

Перед глазами появился вдруг образ девочки, увиденной им в порту Анапы в один из дней, когда он ожидал отплытия в Турцию. Она стояла в группе людей, купленных турецким работорговцем, худенькая и бледная. Заметив его сочувственный взгляд, девочка спросила: «А в Истамбуле есть чуреки?»

А ведь неспроста обрывки прошлой жизни проходят перед глазами. Пожалуй, он сам не дает своей памяти покоя, пытаюсь понять, где он прав был, где виноват, где грешен, а где сам пострадал безвинно. Мыко верил, что большинство людей на этом свете такие же бесхитростные и добрые, как он сам, и лишь малая часть из них обращена в сторону зла. Вот они-то и портят все, заражая своей злобой и бесчестием все доброе человечество. Про себя он так и полагал, что вот этой заразой и подпортили ему жизнь злые люди...

И что теперь? Теперь, по всему, жизнь на исходе. Потому и сподобил его Всевышний вернуться и лечь в родную землю. Мыко тяжело вздохнул, поднялся и побрел вдоль берега. Возле одной из ожидавших групп он заметил Хаджи-Исмела и остановился. Тот, как водится, громогласно проповедовал:

– Направляемся мы с вами к братьям по вере, туда, где живут чистые мусульмане. Только бы вырваться нам из рук этих проклятых гяуров, от которых житья не стало, поскорее бы уйти в ту обитель, где царит чистое слово Аллаха! Не то отберут у нас с вами и веру нашу, и хабзу, и язык, и саму честь. Вместо мечетей станут загонять нас силком в свои члисы, вместо чистого намаза заставят креститься. Мужчины, женщины – все перемешается, и прелюбодейство открытое будет твориться везде, на сестрах своих жениться начнем – о Аллах, чего только с нами не случится, если мы останемся здесь с гяурами!

Он все больше распалялся, и горцы слушали его молча, покрившись своей безрадостной судьбе, а может, находя в этом призыве утешение.

– Уйдем же, братья, чтобы предстать перед Аллахом чистыми в делах и помыслах. Не надо бояться, ведь мы возвращаемся к себе, в лоно своей веры, к таким же чистым мусульманам, как мы.

– Неправду говоришь, Хажи, – раздался голос Мыко, – вранье это все, как есть! Не верьте, люди! Видел я все это, побывал в том раю. Видел, как увозили адыгов морем, кто на корабль не попал, тех на плотках прицепом поволокли, а как шторм начался, этот плот корабельщики топором обрубали, так и было. Это что, по-мусульмански?

– Не слушайте его, братья! Мунафик он, гяур, вместо мечети в кашевнях пропадал, оттуда его пьяным выволакивали не раз!

– Может, меня и выволакивали из кашевни, – усмехнулся Мыко, – зато полу моей черкески собаки не оборвали, когда я ночью уходил от жены своего друга. А, что скажешь, Хажи?

Хаджи-Исмел растерялся, затем замахал руками.

– Не слушайте его, правоверные! Кого тут слушать? Всякий знает, кто такой Мыко.

Но Мыко не сдавался:

– На тебе, Хажи, и так немало греха. Не сбивай людей с толку, не увози их на чужбину, побойся Аллаха!

– Да разве это я их увожу! – удивился Хаджи-Исмел.

– Нас не увозят, – раздалась возмущенные голоса, – нас изгоняют, ружьями и штыками изгоняют!

Каюки, киргалачи, байраки и прочие большие и малые суденышки, вытасченные во время шторма на сушу, подтягивали поближе к воде. Видя это, люди засуетились, словно тотчас готовились отплыть.

Мыко махнул рукой на Хаджи-Исмела и побрел дальше. Увидел Сафара, сидевшего на возвышении, да и как было не заметить его дородную тушу. Сзади него пристроились два крепостных арапчонка, которые всегда были у него на подхвате, даже кумган за ним носили. Неподалеку расположились женщины, родня и прислуга

Сафара. Была среди них и Вера Даниловна – блаженная не захотела оставаться одна, и Сафар пожалел ее, ведь она стала почти что членом семьи.

Чуть ниже Сафара на пригорке сидел Берзедж в глубокой задумчивости. Сегодня адыгским уоркам и князьям было о чем кручиниться. Их власти на Кавказе пришел конец, и с этим уже никто не спорил. Все разговоры между ними были только об этом. Вот и сейчас мужчины говорили о том же.

– Слыхал, – сказал Берзедж, – в Арасее отпустили крепостных.

– Как не слышать. Скоро и к нам такое поветрие придет.

– То в Арасее, а то у нас, – возразил Берзедж. – Как говорится, ногой умрет – адыг не плачет.

– Э-э, что в Арасее рванет, то в другом месте взорвется. Помяни мое слово...

– Нам бы о своей голове подумать...

– Что Аллахом суждено, то и станется, – вздохнул Сафар. – Нам бы со своими слугами поскорее до Истамбульского берега добраться. Мы еще много кому нужны будем.

– Да кому мы нужны! Кого один раз под зад пнули, того пнут и второй раз, и третий. Русские нас с места согнали – думаешь, турки нам рады будут?

– Отчего же, мы многое еще можем!

– Что могли, то уже смогли... Пропадает, гибнет народ адыгский. Эх, промахнулись мы, промахнулись. Пока Шамиль стеной стоял против врага, мы сидели, вытянув ноги. Думали, русские до нас не дотянутся. Да вот же, сумели они и Шамиля свалить, и к нам на порог явиться!

– Кто же знал, что все так быстро закрутится.

– Мы должны были знать. Россия шутить не любит.

Берзедж встал и отошел. А через какое-то время в свете полной луны горцы увидели на обрывистом берегу всадника. Он был в белой бурке и белой мохнатой папахе. Всадник прищпорил коня, нанес три удара плетью, и скакун рванул с места, присев на миг на задние ноги. Вытянутые передние ноги казались на фоне светлого неба двумя стрелами. Бурка всадника заколыхалась на ветру, подобно крыльям огромной белой птицы. Спустя мгновение их поглотила морская пучина.

– Это Берзедж, – произнес одними губами Сафар. – Да будет светлым его ахрат... если он только существует...

– Слу-у-ушай, – раздавались на побережье переклики солдат, окруживших адыгов, которых силой угоняли в Турцию.

– Слу-у-ушай!

2

В изданной по указу Александра Второго «Высочайшей грамоте» по случаю окончания войны на Кавказе говорилось: «Отныне все племена, нами покоренные, не просто должны быть усмиряемы с помощью штыков, а приведены к новой жизни по законам Российским, к просвещению и обоюдной выгоде».

Вскоре после пленения Шамиль подал прошение императору дозволить ему посетить Мекку. Ему было отказано, и на то были веские причины. Европа осуждала захват Кавказа российскими войсками. В Англии, к слову, прошли манифестации в осуждение своего правительства, лишившего Шамиля своей помощи и тем самым оставившего его один на один с могущественным врагом. Как ни странно, слова осуждения слышались даже от самой королевы Виктории. В Турции силами поляков, венгров, французов было основано «Общество помощи горцам».

На самом Кавказе война считалась законченной, однако обстановка оставалась накаленной. Не потому ли пленного имама на целых десять лет определили на поселение в Калугу.

В 1870 году Шамилю все же пришлось высочайшее разрешение отбыть в хадж. И он не преминул этой возможностью воспользоваться немедленно. Уже находясь в Медине, он своей слабеющей, дрожащей рукой написал брату императора и Кавказскому наместнику Михаилу Николаевичу письмо арабской вязью: «Чувствую я, что близится мой последний час. И потому обращаюсь к Вашему императорскому высочеству с последней просьбой: когда меня не станет, велите собрать воедино мою семью, чтобы они не рассыпались и не потерялись подобно отаре без пастуха».

В 1871 году, 4 февраля, Шамиль тихо умер на руках любимой жены Шуанат. Его похоронили на кладбище в Медине, невдалеке от места упокоения пророка Мухаммеда. Написали на стеле: «Здесь могила шейха Шамиля, сведущего об Аллахе и борца за правое дело, двадцать пять лет ходившего по пути Аллаха и получившего двадцать четыре раны».

3

Приказом Евдокимова густые леса Причерноморья прочесывали вооруженные команды, штыками выковыривая из чащоб всякого, кто пытался укрыться и избежать изгнания в Турцию. Ни одного живого горца не должно было остаться ни в лесах, ни в потаенных жилищах.

Весь день дул буранный ветер с моря, свистя и завывая между деревьями. Рощин со своим полком цепью продвигались сквозь густые заросли, заглядывая под каждый куст. Появился впереди просвет, показалась утоптанная множеством ног поляна, а посре-

ди нее – вековое дерево. На каждой ветке висели то разноцветные лоскуты, то амулеты, зашитые в кусочек кожи, встречались черепа животных, помутневшие от времени клинки, колчаны. Роцин понял, что это ритуальное место – особо почитаемое адыгами Священное дерево, где происходили языческие моления. Он слышал, что после похорон убиенного молнией адыги собирались под этим деревом и танцевали босиком языческий танец Шибле – Грома, и при этом пели песню «Елле-Елле».

Роцин с неким трепетом осматривал это место, которое было когда-то средоточием надежд целого племени. Чуть выше по лесистому склону он увидел сложенные бревна, под ними – вырытую кем-то землянку. Еще дальше взгляд его привлек громадный бук. На его стволе были вырезаны буквы, и видно было, что надпись сделана очень давно. Роцин приблизился и прочитал: «Здесь приняла свою гибель христианская вера. Сын мой, возвращайся в Русь, ибо ты рожден русским».

Он снял свою фуражку и присел на бревно. Кто был тот, что утратил здесь свою веру? Что с ним случилось? Что подвигло его изменить своей религии? Нет сомнения, что это было насилие, ведь такие дела по доброй воле не свершаются. Все на свете происходит из-за насилия. Им были гонимы так называемые «некрасовцы». И сам он, и солдаты его сейчас подчинены насилию и творят насилие. И самое страшное – не участвовать в этом он не имеет права! Потому лишь, что кто-то наверху так решил за него. И почему чью-то волю должны исполнять другие? У него нет ответа. Одно он знает наверняка: есть некая злая сила, которая водит всех и вся хороводом, и никто из этого круга не вырвется, ни люди, ни государства. Что за сила – ему неизвестно, но она есть, и она водит ими, гонит сейчас по этому лесу, заставляя охотиться на живых людей, как на зверей...

«Сын мой, возвращайся в Русь, ибо ты рожден русским», – снова прочитал он надпись на стволе бука, встал и перекрестился. Ветер немного стих. Но он оставил за собой невнятный гул, который пугал больше, чем буран. Может, раскачанные ветром деревья скрипели, распрямляясь, а может, то были отголоски пронесшейся бури. Пора двигаться дальше.

Порой солдаты натыкались на трупы людей, которые умерли в лесной чаще от истощения или были убиты. Тех, кого находили живыми, ожидала не лучшая участь – быть изгнанными или тоже убитыми. У Роцина сжималось сердце: ведь эти люди, даже если останутся жить, уже навсегда лишены своей родины. Как объяснить это по закону Божьему? А может, был иной путь, который стал бы благом для всех? Ему даже показалось, что он знает ответ. Если все на земле творится руками и помыслами людей, все можно было бы

соразмерить, будь среди русских побольше таких мудрых и гуманных людей, как старый его знакомец Степан Игнатьевич, а среди горцев – таких, как Шора Ногма. Не нашлось у сторон тех, кто смог бы привести народы к согласию. Оттого и все беды.

Рошин, сам уже изрядно постаревший, всерьез верил: будь у власти более молодая смена, неиспорченная давними обидами и сче- тами, тогда народы на окраинах России стали бы более покладисты, и они могли бы прийти к миру без оружия. А то ставят полководцами изъеденных злостью и подагрой старцев, в сенаторы определяют тех, кто уж на стуле усидеть не может. Флотоводцем определяют того, кто от качки в обморок падает. В советники берут выживших из ума стариков, которые верят в свои же сны. Кто одной губерни- ей управлять не смог, того прочат послами в иноземные державы. Когда же эта несчастная Россия вырвется из-под гнета дряхлых и никчемных людей?

Он шел по лесу, и ум его целиком был занят философствованиями о судьбах России, но вдруг остановился, будто его ударили. Рошин не сразу понял, что произошло. Прямо перед собой он увидел глядящие на него глаза. Мертвые черные глаза молодой женщины. Она полуси- дела, привалившись спиной к стволу дерева, платье на ее груди было разорвано. В обнаженной груди, чуть выше соска, торчало острие штыка, из раны сочилась кровь и тонкой струйкой стекала вниз к соску. К груди матери припал ребенок и изо всех силенок сосал ее, принимая кровь за молоко. У Рошина похолодело внутри от этой ужасающей картины. Он взял малыша из начинающих твердеть рук женщины. Глаза ее, казалось, ожили и глянули на него с мольбой...

Он вышел из леса с ребенком на руках. Море утихомирилось и с едва слышным вздохом набегало на опустевший берег. Его блики играли в лучах заходящего солнца весело и беззаботно, будто ничего не происходило в мире.

Ни души не осталось на этом берегу. Лишь виднелись там и сям разбросанные, ставшие ненужными вещи. Рошин заметил оди- нокую фигуру и присмотрелся. Это был Хаджи-Исмел, бредущий вдоль берега. Под мышкой его был зажат вечный намазлык из козьей шкуры. А следом все так же понуро брела нагруженная лошадь, ее под уздцы вел верный Чача, слуга Хаджи.

Рошин высоко поднял малыша, и на личике его заиграли лучи закатного солнца:

– Приветствуй этот мир, мой мальчик!

Александр ПРЯЖНИКОВ

Александр Владимирович Пряжников – писатель, поэт, переводчик, публицист. Действительный член Академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа. Член редакционного совета журнала «Литературная Кабардино-Балкария» (г. Нальчик).

С детства учился музыке, английскому языку. Получил высшее техническое, высшее педагогическое и среднее медицинское образование.

Автор нескольких поэтических сборников, многочисленных статей, очерков, эссе, опубликованных как отдельными изданиями, так и в периодической печати. Круг интересов достаточно широк, включает в себя историю, этнографию, культурологию, литературоведение, театральную критику. С 2006 по 2010 год работал редактором журнала «Южный театральный вестник» – единственного издания, подробно освещавшего деятельность национальных театров Юга России. С 2006 по 2019 год был членом редакционного совета журнала «Нана» (г. Грозный).

Профессионально занимается литературным переводом. Опубликовано переводы с английского, чешского, турецкого, чеченского, кабардинского, балкарского, карачаевского, калмыцкого языков. Был членом экспертного совета Антологии современной поэзии народов России. Для этого издания перевел подборку стихов кабардинских поэтов. Сделал переводы с карачаевского языка для Антологии современной поэзии народов России для детей. Автор книги «Россия. Юг, который мы не знаем» (сборник очерков, проиллюстрированный собственными фотоматериалами, о традициях и культуре малочисленных народов региона).

Награжден медалями и почетными грамотами республиканских министерств культуры. Живет в Новочеркасске. В последние годы большую часть времени посвящает прозе.

ОДИН МЕСЯЦ ОДНОЙ ОСЕНИ

Осень – взъерошенная хризантема
 Жметя испуганною блондинкой.
 Снова под утро такая темень,
 Что, просыпаясь, не помнишь имени.

Что не припомнишь, как тебя звали
К чаю и булкам со сливочным маслом,
Как одевали в натопленном зале,
Где «пятисотка» горела – не гасла.

Ветру на радость блестит паутина...
Прошрое мертво, а мертвоe – немо.
Где-то взъерошенная блондинка
Думает вновь, что она – хризантема.

Горы молчат, значит, ждут непогоды.
Камень – не кукла: в нем теплится жизнь.
Он не боится ни ветра, ни лютого холода,
Как подобает мужчине, и молча дрожит.

Горы молчат, значит, зря ты пришел за советом,
Зря ты карабкался вверх, голодал, рисковал.
Тот, кто незрячим рожден, не прозреет от света,
Тот ничего не поймет, кто ничтожен и мал.

Горы молчат, лишь громаде двуглавой нейметсЯ:
Плавится лед понемногу от маленьких бед.
Жаль, нет папахи, и нечего снять перед горцем,
Значит, придется искать молчаливый ответ.

Нежданное цветение под солнцем запоздалым,
Как будто вдохновение у сентября усталого,
Но жмурится проснувшийся не вовремя цветок,
Разглядывая лужицу, в которой он промок.

Ведь ночь была холодная, и все вокруг не чаяли,
Что сгинут тучи плотные, окутавшие дали,
Но утро все устроило: дождь превратился в пар,
И стал хмельной настойкою, тягучей, как нектар.

Глоток достался каждому, и травы захмелели.
То, что зовется жаждою – тоска на самом деле.
А по такому случаю, не к месту и не в срок,
Назло угрюмым тучам рождается цветок.

Время слижет тебя, как с губы шоколадную крошку,
От которой не станет ни слаще, ни горше во рту.
Чем сильнее ты хочешь прожить этот век по-хорошему,
Тем верней на себя и на близких накличешь беду.

Коль случится беда, то хотя б не на льду преждевременном.
Если лед в сентябре, значит, что-то выходит не в лад,
А усталому взору мерещатся отпрыски демонов,
Что кричат во дворах и со смехом грызут шоколад.

Рваное лето дуло в трубу
И прогоняло до срока ласточек,
Жаром слоновьим топтало траву,
Ну а теперь жидким пеплом нас пачкает.

Ранние ветры и ранняя стынь
Глухо бренчат виноградными лозами,
И по утрам в побледневшую синь
Солнце бредет азиаткой раскосою.

После пожара обуглена длань
Старого тополя в пойме у ерика.
Как ни гляди – все прорехи, да рвань,
С правого берега, с левого берега.

Ну что тебе еще? Удобно быть
В чужих губах послушною трубою?
И мнить себя хозяйкою судьбы
С брезгливо оттопыренной губою.

Судьба – труба. В избитой паре слов
Все то, что я твердил тебе напрасно.
Теперь дай Бог побольше сладких снов,
Ведь лишь во сне судьба тебе подвластна.

Дорога прямодушная спешит,
Чтоб каждый, кто желает, вышел в люди,
А переживший собственную жизнь
Не ведает о том, что дальше будет.

Наверно, время лучшее ушло,
Не вовремя и, как всегда, без спроса,
И бросило, конечно же, назло
В компании с бессмысленным вопросом.

Что за скрипка? Дикий хмель
В ключьях северных закатов,
Где несбыточная цель
Бесконечна, как фермата.

Где копытами поля
Отшлифованы до глянца,
Где во славу короля
Пляшут рыжие ирландцы.

Недоступна, далека,
Словно кущи Альбиона,
Словно горная река,
Что струится вниз по склону.

Эти башни и мосты
На тебя глядят устало...
Как узнать, поймешь ли ты,
Что без боли нет начала.

Что за скрипка? Дикий мед,
Над которым пели пчелы, –
То сиреневый восход
С ночью заигрался в поло.

Что отрубленная длань
Пролетела над буруном,
А смычок – лесная лань –
Мчит по струнам, как по рунам.

Как ворох никому не нужных листьев,
Роняет жизнь и то, и то, и то....
А нам дает бесчисленные числа,
Да обнаженных веток решето.
А дерево озябло и охрипло,
И, проклиная страхи и печаль,
Так хочет навязать надсадным скрипом
Побегам запоздалую мораль.

Если старым домам снятся ласточки,
Значит, старость кому-то нужна,
Чтобы утром, природой назначенным,
Начинались тепло и весна.
А пока в синем небе, как в пустоши,
Нет ни росчерка черной строки.
Тот, кто слышит – внимательно слушает,
Что сулит тихим шепотом жизнь.

И, расставшись с дремотной отравой,
И, ломая ангину, как лед,
Старый дом вместе с первыми травами
Встретит ласточек и запоет.

А книги остаются,
Как вешки, или знаки,
Как остается блюдце
На память о собаке,
И утолив желания,
И потеряв запал,
Обходишь странным странником
Края, что прочитал.

За косогором, за речкой, за лугом,
В куще лесной, вдалеке от людей,
Словно бирюк человечьи недуги
Вылечить хочет себе чародей.
Все-то ему, чародею, не в радость,
Все-то дается ему нелегко,
Лишь одиночества малая малость
Только осталась теперь у него.
Где же они, знаменитые чары,
Всякую хворь побеждающий дым...
Чары врачуют недужных задаром,
Дым возвращает здоровье другим.
И ничего изменить он не властен
В душном плену у еловых дружин:
С радостью редкой и частым несчастьем
Он остается один на один.

Вновь грозитя гроза, не заканчивает,
Хоть ненастное лето прошло,
Значит, в мире рождается сказочник,
Значит, будет легко и тепло.
Перед этой горячей былинкою
Неспроста оробеет зима:
Он согреет нас громкими криками,
Что когда-нибудь лягут в тома.

Время приходит, незваное время,
Гостем, который глумится над всеми,
Другом похмельным стучится оно,
Требуя сил, будто это вино.
Можешь бежать в никуда без оглядки,
Можешь часы переставить украдкой,
Можешь разгуливать задом вперед...
Чтоб ты ни выдумал – время придёт.

Мертвое гнить не должно.
Кроме кладбищенской сени,
Там, где тоска, да вино,
Есть в этом мире горение.
Вместо бессмысленных слов
Пусть лучше реет над нами
Вечному мраку назло
Пламени яркое знамя.

Для тебя я стану эльфом, Над которым смерть не властна, Чтобы мы с тобой запели Под луною медно-красной. Так безудержно и просто, Как бывает только в детстве, Если насладился вдосталь Старым сказочным наследством.	Под кипящею смолою Я узнал, что камни стонут. На границе Лихолесья Я изведал шепот неба, Под агатовым навесом Ярким звездам верил слепо. В этот час и в эту пору Ноты кружат резвой стаей, И отринувший опоры Ловит их и побеждает. Проигравшие не смели Одолеть земного плена, Оттого, должно быть, эльфы И мелодии нетленны.
--	---

К чему тебе воспоминаньями Делиться, чтоб на них молиться, С любовью увязав заранее В кусок залатанного ситца.	Потом пойти без направления С узлом ушастым на плече И где-то раствориться тенью Ничьей...
---	---

И снова осень мучает меня
Своею красотой невозможной,
Чтоб в свете умирающего дня
Я прожитое время подытожил.
Она задаром силы отдает
И так же просто отнимает силы,
Чтоб, созерцая серый, скучный лед,
Мы помнили: как было здесь красиво!
Чтоб мы встречали и мороз, и тьму,
Ветров изголодавшуюся стаю...
Мучительно красиво потому,
Что так красиво просто не бывает.

В час безликий, час загадочный
Лей чернила на бумагу,
Ведь под коркой белой прячется
Поле мудрости непаханой.
Стужей зимнею упрятано
От работника прилежного,
Чтобы в колее накатанной
Ехал он по следу снежному.
Чтобы, первачом обласканный,
Он лежал и слушал вьюгу,
Позабыв стихи со сказками,
И перо стального плуга.

Первый холод играет в мячик,
Желтый мячик последнего света.
Стих случайный не мною начат,
И немного обидно от этого.
Впереди нелюбимые ночи,
Так родня может быть не родною.
Обещаю, стих будет закончен,
И не кем-то случайным, а мною.

Как же прозрачен меркнувший свет,
Если солнце зашло,
И за спиной по опавшей листве
Шуршит бестелесное зло.

Желтое зло на волчьей тропе,
Где каждый лист по рублю.
Я много раз признавался тебе:
Золота не люблю.
И презираю грядущий восторг
Даже в рванине до пят.
Вновь за спиной нескончаемый торг,
Снова банкноты шуршат...

Сегодня сумерки с утра
Со снегом дождь, и ветер жуткий...
На остановке у двора
Стоит всего одна маршрутка.
Глупее нету ничего:
За окнами давно не лето,
Пусть лето, ну и что с того?
А вдруг она одна на свете?
Бегу, но не хватает сил,
Водитель жмет на газ с нажимом...
Я опоздал... Я упустил...
Навеки и неудержимо...

Красота – не оправданье	Ну а к детям до восхода
Тем, кому не жить на свете,	Сны приходят чередою.
Ведь не всякий взрослым станет,	Им неведомо: наружу,
Кто родился этим летом.	Словно ведьма из колодца,
Осень листьями закружит,	В это время выйдет стужа,
Словно юбками цыганка,	И кого-нибудь коснется.
Всех утешит, всех подружит,	Сладко спать в морозных путах:
И умчится спозаранку	Сны затейливей и краше,
За прозрачным небосводом,	Только днем не будет чуда,
За начищенной звездой,	И поднимется не каждый.

Считать ли это черной полосой,
Когда тебе не больно и не тошно,
И в койку у окна, и в смерть с косою
Не веришь, как в сценарий невозможный.

И вроде бы не продохнуть от дел,
Но ветки не отбрасывают тени,
И кажется, что воздух загустел,
А стрелкам опротивело движенье.

Замурованный в жидком осеннем стекле,
Ты остался стоять у окна.
От тебя непременно останется след,
Если ночь одолеешь до дна.
Станет перстень венцом твоего бытия:
Небосвод непрогляден, как толь...
В черном камне отныне мерцает твоя
Золотая осенняя боль.

Слово пахнет стариной...
Разве может пахнуть слово?
Может, если за тобой
Прошлое следит сурово.
Все ли сделал, как велят
В необъятных манускриптах,
Их так просто не объять:
Истина от смертных скрыта,
И назло от смертных скрыт
Неприступный магистерий,

А на площади горит
Самый стойкий в нашей вере.
Ну а ты – ищи-свищи,
Что вокруг считают чудом,
И у тающей свечи
Вымоли свою минуту.
Так не просто выбирать
Между адом, между раем...
Ведь, познание – игра.
Этот мир – непознаваем.

В горячке золотой
Раскинул ясьень крылья,
И город, как живой,
Что мы похоронили.
Мы говорили: всё
Иссяк наш старый город,
Но осень пронесет,
Схватив за драный ворот,
И увлечет его
От нас, от маловеров,
Пока про колдовство
Судачат лицемеры.
О чем же им еще

На площадях судачить?
Тому, кто не прощен
Не выписать горячих.
Кто вечно виноват –
Бояться не приучен,
Ведь город, значит – град
На Языке могучем.
А град всего страшней
На языке великом,
И ледяных камней
Его лихое лихо.
Но мы переживем,
Опять прикрывшись златом,

И постоим вдвоем
Под ясенем крылатым.
Гуляй, работный люд,
Что был прилюдно порот
С тобой хозяин лют,
Зато живет мой город.

Идет без проволочек...
Знать это нужно очень,
И тает тьма пока
На радость дуракам.
Не утонул в тумане,
Вскрыл вены в теплой ванне,
С отметиной на ткани,
Бездарный паролье...
Ты будешь опорочен
До истечения ночи,
Став строчкою из точек,
И грязью на белье.

На сиреновом ветру
Старым гнездам нет покоя,
Видно, вырвавшись из рук,
Жизнь пошла сама собою.
Видно оборвали нить
Слабые глазами парки,
Ну а ветер все свистит,
Все ворует листья в парке.
Не сложить с тобой цены:
Гнезда старые бесценны,
Без напасти, без войны
Опустели наши стены.
Кончен день, и завершен
Год, исхлестанный, как осень...
Даже карканья ворон
Небо что-то не приносит.

MOJA URODA¹

Рассказ

Его выпуклый лоснящийся лоб, усыпанный белой крошкой перхоти, напоминал уродливый пасхальный кулич, вывалившийся из печи неумелой хозяйки. Верхняя губа глубоко проваливалась за оттопыренную нижнюю, отчего с лица не сходила гримаса брезгливости. В припухших веках, подвижных и живых, словно грязевые гейзеры, плавали красноватые глаза со зрачками настолько крошечными, что было непонятно, куда именно он смотрит: возможно, сверлит и буравит собеседника, а возможно, изучает горбинку на собственном носу.

Да, Васпас Петрович Дробов был уродлив и придумывал все возможное, чтобы свое уродство оттенить, сделать выпуклым и нарочитым. Он, например, до крови выбривал впалые щеки, оставляя рыжие заросли на кончике подбородка.

Эта карикатура на бороду вызывала у его студентов еще большее отвращение, чем брызгающая во все стороны слюна, когда он объяснял тонкости правильной английской артикуляции.

Старательно уворачиваясь от желтых, густых капель, они ненавидели и английский язык, и Васпаса Петровича, и его родителей, давших своему единственному сыну столь странное имя. Студентам было невдомек, что бедная мама слюнявого преподавателя не виновата, а имя вписали в метрику по настоянию его отца, бывшего орловского дьякона, который скинув рясу, мечтал организовать Всесоюзную Ассоциацию Советских Партийных Апологетов Социализма, да так и не успел, поскольку начал отчетливо слышать голос Ленина и умер в психушке.

Он ненавидел свое детство. А как могло быть иначе, если оно приходило в утренней полудреме, раз в неделю, аккуратно с пятницы на субботу. Вот он, семилетний мальчик мечется в жару, скрипит железной сеткой допотопной кровати, которую родители таскали за собой, переезжая с одной квартиры на другую, пока был жив отец. А теперь он здесь, в этом подвале, и на свет ему не выбраться. А он боится темноты, и поэтому где-то наверху тлеет желто-зеленная лампочка под абажуром, вырезанным из бумаги. Но разве это свет? От такого света его тошнит. Блики падают на никелированные шарики, которыми украшена его кровать, шарики двоятся, троятся. От этого тошнит еще сильнее. Он еле успевает свеситься над цинковым тазиком и его начинает громко

¹ *Moja uroda* – моя красота (польск.).

рвать. К нему никто не подходит. Мать не может вынести запаха, который стоит в комнате, и боится заразиться. По соседству уже умерло двое детей...

Но он выжил и выздоровел. Когда пришло время первый раз встать с постели, мать подала ему пару костылей, коротеньких, по росту. Вначале он удивился, потом понял, что не чувствует своей левой ноги. Тут он пожалел, что не захлебнулся в желто-зеленой жиже, которая сочилась из лампочки и стояла в тазу.

Пришлось стать взрослым, то есть много читать, делать выписки в толстый блокнот, оставшийся от отца, и говорить со всеми надменным, брезгливым тоном.

Потом началась большая война, город почти без боя заняла вражеская армия, и несколько месяцев его прятали в таких гадких, таких отвратительных чуланах, куда бы даже не подумал сунуть носа самый дотошный полицай. Эти прагматичные победители не жаловали искалеченных болезнями подростков. Но была еще одна причина слушать шуршание мышей и задыхаться от гнилого сперттого воздуха. Когда Веспасу было восемь дней отроду, бабушка втайне от родителей отнесла любимого внука к своим единоверцам, и те одним движением ритуального ножа определили его дальнейшую жизнь. В том числе жизнь в чулане, где и они, и предки их спасались от погромов. Этих нескольких месяцев ужаса и отчаянья, пока не вернулись свои, он бабушке не простил.

Война закончилась, спустя год мать Веспаса неожиданно собралась в дорогу и поехала в то самое местечко, где произвела его на свет. Через неделю вернулась назад, опухшая от слез, растерянная настолько, что даже не пыталась заправить под шляпку выбивающиеся наружу белые пряди. В то самое время пока Веспас прятался по чуланам, его бабушку вместе с единоверцами закопали живьем в выгребной яме. Услышав об этом, он проковылял вон из комнаты. Мать не догадалась, какое сильное чувство радости он хотел от нее скрыть.

Веспас подрастал, молча и терпеливо сносил издевательства и насмешки своих здоровых, туповатых сверстников и учился с отчаяньем предков, которые, сбежав из ненавистных штетлов и прорвавшись через кордоны процентных норм, попадали на гимназические скамьи. Языки он учил так легко, что это наводило страх на послушных педагогов. Ну, английский, это по программе, ну, немецкий, это куда ни шло. Но старорежимная латынь к чему и зачем? Это настолько пахло неблагонадежностью, что молодая и бойкая учительница географии даже поставила о нем вопрос на педсовете. К счастью для Веспаса директором школы был старый и мудрый человек.

– Оставьте мальчика в покое, – сказал он, – книги и костыли – это все что у него есть.

Директор был прав. Прочитав уйму книг, на костылях и с золотой медалью Васпас пришел поступать в университет. И поразил приемную комиссию своим отвратительным видом и уникальными знаниями.

В университете было много красивых сверстниц. Но они, как по команде, влюблялись в чемпионов факультета по плаванию или боксу, в стройных завсегдаев хореографического кружка, в героев студенческой самодеятельности. На Васпаса они старались даже не смотреть и на лекциях отсаживались как можно дальше. Это вызывало в нем густую зловонную ярость, которая бурлила внутри, словно кишечные газы. Да, он волочил ногу, таскал за собой ненавистные палки, что росли вместе с ним, но во всем остальном он был таким же, как эти румяные безмозглые жеребцы.

Учась на втором курсе, Васпас узнал, что вакцина от болезни, которая сделала его калекой, изобретена. Два дня он никуда не выходил из дому, ничего не ел. Лежал на кровати, отвернувшись к стене лицом, и когда встревоженная мать подходила к нему, не поворачивал головы. Он думал о самоубийстве, пытаясь изобрести способ, чтобы поменьше мучиться самому, но посильнее удивить и напугать других. В конце концов, голод, бессонница и усталость собрали вокруг его кровати армию призраков из прочитанных книг. И в этом воинстве, состоявшем из героев прошлого, он увидел тех, кого хотел увидеть. Прославленные мужи, искалеченные и уродливые, познали все наслаждения, доступные человеку, превратив свои недостатки в достоинства, в часть неповторимого образа. Подумав об этом, он уснул и проснулся после полудня.

Он проснулся после полудня. Спокойный и неторопливый настолько, насколько это может позволить себе сорокапятилетний профессор. Он закурил трубку, подарок немецкого коллеги, и усмехнулся. Как знать, быть может, от папы этого конопатого баварца он прятался по чуланам много лет назад. Да и черт с ним. Трубка великолепна, все смотрят на нее с завистью. Один богатей-армянин предлагал за нее такую сумму, какую ему и за год не заработать, но он отказал.

Васпас так и не стал жадным до денег. Должно быть, имя, данное ему полоумным папой, сыграло свою роль. Апологету социализма негоже копить ничего не значащие банкноты, а вот быть охочим до всяких наслаждений ничуть невозбранно.

До лекции часа два. Можно медленно прогуляться, пройти любимыми, старыми переулками, посидеть на лавочке в сквере.

День уж очень хорош, хрустит неподметенная листва и ветер с набережной гоняет белые паутинки. В легком сером плаще и серой фетровой шляпе он идет, попыхивая трубочкой. Да, идет, медленно и тяжело, опираясь на элегантную трость. А костыли остались в прошлом, как ненавистный подвал, как старый двор с уголовниками и алкашами. В этот двор он не ходит, как, впрочем, и на могилу матери. Уже давно на зависть соседям он перебрался в самую настоящую квартиру, где можно мыться в ванной каждый день. Дом хоть и старый, зато в центре города. Теперь он платит деревенской тетке, чтобы та помогала ему по хозяйству, и надевает поутру свежее белье.

Все было бы прекрасно, если бы не студенты, которых он ненавидит и которые отвечают ему взаимностью. Но доход хорош, значит, нужно терпеть, к тому же терпеть ему приходилось и не такое.

Интересно, что бы сказал директор школы, увидев его теперь? «Костыли и книги», – тоже мне, пророк Исая. Костылей в помине нет, и никогда уже не будет, а книги...

Он не помнил, в каком году это случилось впервые. После войны на барахолке возле старого базара книги продавались за бесценок. С ятями и фитами, с потускневшим тиснением валялись у ног продавщиц, как никому не нужные, обреченные на голодную смерть котята. Однажды он не выдержал, захотел наклониться и полистать, но, потеряв равновесие, упал во весь рост. Ему помогли встать, подали костыли, а торговка отдала книгу даром. Это было прижизненное издание Ивана Бунина. Васпас ковылял домой и дрожал, медленно осознавая, какое сокровище ему досталось.

Он стал регулярно шататься по толкучкам и блошиным рынкам, утоляя пробудившуюся страсть библиомана. При этом бесстыдно конвертировал свое физическое убожество в приобретения по сниженной донельзя цене. Больше всего он любил поэтов Серебряного века, о которых в ту пору почти никто слыхом не слыхивал. Много читал, заучивал наизусть. Пытался декламировать. На третьем курсе упросил руководителя студенческого драмкружка позволить ему выйти на сцену. Веселый паренек так удивился, что принялся крутить привинченный к лацкану пиджака комсомольский значок.

– Что будешь делать? – спросил он.

– Читать стихи.

– Стихи...

Этот коктейль из недоверия и насмешки ударил Васпасу в голову, но он сдержал ярость и прочел несколько строф.

– А что... Здорово, – пробормотал удивленный общественник, – а кто написал?

Стихи в далекой молодости написал запрещенный и ошельмованный Пастернак, и Васпас, недолго думая, присвоил авторство себе.

На сцену его, конечно же, выпустили. Он вышел под громкое гиканье публики, но после первой строфы смешки утихли. Едва он начал читать, зрителям показалось, что его уродство и нелепый вид растворились в каком-то волшебном эликсире, а на сцене появился совсем другой человек.

После концерта девушки стали смотреть на него совсем иначе, и он с восторгом слышал, как его шепотом называют поэтом. Теперь его стали приглашать на все студенческие мероприятия, а он, получив после пережитых страданий иммунитет от звездной болезни, неизменно соглашался.

Однако рисковать, как в первый раз, он не стал, и дабы обман не раскрылся, принялся переиначивать на свой лад стихи великих поэтов и здорово в этом преуспел. Его пару раз напечатали в университетской многотиражке. Сначала он был в ужасе от самой возможности разоблачения, потом привык, а потом и вовсе поверил в то, что может писать стихи.

Едва поверив в свой талант, он поверил и в собственную мужскую привлекательность, а помогла ему в этом веселая и жизнерадостная аспирантка, помешанная на поэзии и очарованная его голосом. Быстро обучив его премудростям этого нехитрого, как оказалось, дела, она обставляла их встречи просто и однообразно. Выключала свет и в самый волнующий момент свидания просила, чтобы он прочел что-нибудь, скажем, из Блока. Видимо, ей казалось, что она совокупляется с автором «Скифов». В следующий раз заказывался Северянин или Саша Черный. Переспав со всеми поэтическими титанами первой половины двадцатого века, аспирантка потеряла к Васпасу интерес, а он измучился от такого сочетания секса и декламации. В общем, они расстались друзьями. И дружба эта длится по сей день.

Васпас медленно поднялся с лавочки, усыпанной липовыми листьями, похожими на золотистую фольгу, и с удовольствием подумал о том, как ему предстоит провести сегодняшний вечер.

В его квартире, пропахшей табаком, «Агдамом» и книжной пылью сегодня снова соберутся люди. Молодые и не очень, болтливые, молчаливые, любопытные, скучающие. Соберутся все, потому что лишь рядом с ним могут почувствовать себя избранными. Лишь только раз пожав его вялую длиннопалую ладонь, они смогут сказать своим знакомым: «Я тут ходил в гости к профессору... – и после убедительной паузы добавить, – такой любопытный человек. Семь языков. Представляешь? А еще он поэт. Очень известный...»

Да. Он теперь известный поэт. Его печатают и в Москве, и в Ленинграде. Он на короткой ноге с такими людьми, что у гостей

дух захватывает. Ему присылают гонорары и он эффектно тратит их на дружеские попойки с поклонниками. Хотя, впрочем, попойками эти встречи назвать нельзя, поскольку сказанное в стенах его жилья куда важнее выпитого.

Вот и сегодня, разогревшись недорогим, но крепким вином, они будут говорить обо всем, что придет им в голову, никого не стесняясь и не боясь. Начинающие поэты раболепно затаят дыхание, любуясь тем, как он раскуривает свою трубку. А еще они обязательно приведут с собой новых женщин, и одна из них, это уж точно, останется у него на ночь. Быть может, ее сведет с ума знаменитая манера чтения, которую он, Веспас, довел до совершенства, а может быть, закружится голова при виде книги с дарственной надписью обитателя столичного Парнаса, стихи которого старательно переписывает в общую тетрадь. А, может быть, уродство тоже обладает зарядом обаяния, особенно вкуче со скандальной славой.

Последнее Веспас тоже добывал себе сам, причем делал он это старательно и педантично.

Утром, выпроводив за дверь очередную любительницу поэзии, он заваривал крепкий кофе, садился к телефону и накручивал желтым от табачного дыма пальцем номера знакомых и друзей мужского пола. Знакомые и друзья ждали его звонков, а потому хватили телефонные трубки без промедления, словно голодные рыбы примитивную блесну. Веспас очень умело и сочно рассказывал о событиях минувшей ночи. При полном отсутствии эротических фильмов и книг его рассказы доставляли изысканное удовольствие. И слушателей вовсе не смущало, что он частенько переходит все допустимые границы. Он не только описывал физические данные своих подруг, но также озвучивал имена, фамилии, адреса и даже телефоны. Принцип мужской солидарности был совершенно не при чем. Мужчин Веспас в глубине души продолжал ненавидеть. Особенно студентов. Он с легкостью подводил их под отчисление, зная, что парней ждет распахнутая глотка военного комиссариата. Двое, а может быть трое, сгинули на действительной службе, и Веспас, узнавая об этом, радовался той незабытой радостью, что принесло известие о бабушкиной участи.

Другое дело – студентки. Задолжниц он не водил к себе домой, предпочитая дачи своих поклонников. И это еще больше раздувало его непомерно разросшуюся славу. Но слава вечной не бывает.

Но слава вечной не бывает, как не бывают вечные молодость и сила. Он с отвращением посмотрел на костыли, которые снова стояли у его изголовья. Что за черт. Ведь ему всего шестьдесят, а он

уже с трудом садится на постели. Его кто-то проклял. А как иначе? Откуда такая лавина несчастий и неудач. Сначала этот недуг, как траурная телеграмма из детства, которая полвека провалялась на полке, а потом пришла по адресу. Ну да, говорил же ему знакомый доктор, что надо остепениться, успокоиться, поменьше курить и почаще заглядывать в паспорт. Но он лишь брезгливо морщился и брызгал желтой слюной. Когда же немощ коротким и неожиданным приемом положила его на обе лопатки, он умолял доктора помочь, но доктор лишь разводил руками.

А в ректорате, казалось, только этого и ждали, и устроили пышные проводы на пенсию. Настолько пышные, что присутствовавшие не могли сдержать слез. А какой прок от этих слез, если они указали на дверь ему. Ему! Профессору, редкому эрудиту и полиглоту, и, вообще, местной знаменитости. А может, то были слезы радости. Оставалась только слава стихотворца, но печатали теперь его все реже и реже. Он ничего не мог понять. Редакторы, еще два-три года назад восторгавшиеся его талантом, присылали тошнотворно-вежливые письма, с описанием трудностей, которые сейчас претерпевают печатные издания. Хотя о каких трудностях идет речь, если тиражи растут каждый месяц. Причину он понял, выбравшись в книжный магазин и увидев на прилавках в свободной продаже репринтные издания тех самых книг, которые когда-то покупал на барахолках.

А потом какой-то молодой, а значит наглый и бездарный выскочка настроил фельетон о сластолюбивом компиляторе, который всю жизнь морочил людям головы, выдавая себя за настоящего поэта.

В этом компиляторе Васпас узнал себя и потерял сознание.

Он мучился недолго. Усталое тело отказывалось от жизни быстро и легко. В последние дни за ним ухаживали двое самых близких, самых верных поклонников и друзей. Два посредственных рифмоплета, которые благодаря связям и стараниям Васпаса, просочились в литературу.

А он их уже не узнавал. Ему все мерещилась замученная немцами бабушка, которая держала его на руках и все приговаривала: «*Moja uroda*».

После похорон и поминок оба рифмоплета с показным благородством взяли на себя обязанности «по изучению и сохранению архива выдающегося поэта Васпаса Петровича Дробова» и получили соответствующее разрешение.

Они каждый вечер приходили в квартиру, в которую хозяин так никого и не прописал, и трудились до полуночи. Нужно было спешить. Разрешение разрешением, но вчерашнее богемное гнездо

становилось собственностью государства, а государство с предъявлением своих прав медлить не любит.

Привыкшие работать молча, друзья разговорились, наткнувшись на толстую подшивку журнала «Посев».

– Не понимаю, как ему это сходило с рук. Тут каждый листок на семидесятую тянет.

– Да что ты мне тычешь эту ветошь под нос! Какие разговоры здесь были! До сих пор удивляюсь. Другого бы давным-давно закатали. Наверное, покровители были в Москве. Вот местные и смотрели сквозь пальцы и на сборища наши, и на болтовню

– Может быть, везло. Бог помогал.

– А молодых девчонок в постель таскать тоже Бог помогал? Да и не верил он в Бога. И в черта тоже не верил.

Оба почему-то одновременно перекрестились и принялись с интересом читать статьи из «Посева» двадцатилетней давности.

Ответы на свои вопросы они нашли неожиданно и легко дня через три после этого разговора. В комодке оказался закрытый на ключ объемистый ящик. Потратив на поиски ключа несколько часов, друзья переглянулись, и, придумав себе железное оправдание: «А вдруг там неопубликованные стихи» – взломали замок.

В ящике не было ни одного стихотворения, зато лежали толстые папки с копиями отчетов в местное отделение КГБ, написанными от руки и под копирку.

В этих отчетах Васпас с точностью профессионального мнемониста воспроизводил каждую реплику, каждый диалог, прозвучавший когда-либо в его квартире. Он перечислял имена и фамилии говоривших, места их работы, должности и адреса. А в конце каждого отчета подписывался оперативным псевдонимом: «Поэт».

10 ноября 2016 года

Алим АЛАФАЕВ

*От редакции
Предлагаем читателям подборку стихов
балкарского поэта. Он пишет о самом важ-
ном и дорогом – дружбе между людьми и
народами, о любви к малой и большой Родине.*

ПЕСНЯ О НАЛЬЧИКЕ

А. Х. Борову

Пою снега Эльбруса
И двух вершин союз,
Любя сыновним чувством
Республику свою.

Светла моя столица
Улыбкой встречных лиц.
Кто видел эти лица,
Забудет сто столиц!

Подковою единства,
Создав земной уют,
Балкарцы, кабардинцы
И русские живут.

Здесь мудрые мужчины
И нежен женский взор,
Здесь горные долины
Сплелись с долиной гор.

Язык сроднил их русский,
Открыв сердца и взор.
Степь не бывает узкой,
В горах всегда простор.

Звенит подковой Нальчик,
Ценя по-братски Русь.
И солнце светит ярче
Тебе, седой Эльбрус!

СЫНОВЬЯ ЭЛЬБРУСА

Х. М. Тхазеплову

Кабардинцы и балкарцы,
Над горами – синева.
Говорят седые старцы:
Мы – Эльбруса сыновья.

Изумлённо замер Запад,
Под другим крылом – Восток.
Осознав родство внезапно,
Не скрывают свой восторг.

Славлю дружбы символ главный,
Что, как солнце, светит нам.
Он парит орлом двуглавым
И глядит по сторонам.

От Баксана до Черёка,
От Эльбруса до степей
Льётся песня век от века
Повзрослевших сыновей.

Горделивы горцев лица
И горянок нежен взор.
Нальчик – светлая столица,
От улыбок снежных гор.

Мы – орлы и россияне,
В нас великих нартов стать.
Скоро дети к марсианам
Будут в гости улетать.

В братской дружбе – свет и сила,
Это должен каждый знать.
Мы живём, любя Россию,
Нашу Родину и Мать.

Кабардинцы и балкарцы,
Машет нам Эльбрус крылом.
Говорят седые старцы:
Вся Вселенная – наш дом.

ПЕСНЯ О ДРУЖБЕ НАРОДОВ

Совершил я восхожденье
На божественный Эльбрус.
Родилось стихотворенье
От избытка горних чувств.

Славлю дружбу всех народов,
Что в одну семью слились.
Смотрит солнце с небосвода,
Озарив земную жизнь.

Шлю вам, братья-россияне,
Поэтический привет.
Пусть не гаснет, а сияет
Веры и надежды свет!

Пусть белеет символ главный
Счастья в синих небесах,
И живёт Эльбрус двуглавый
В наших душах и сердцах!

Пусть уйдут, как день вчерашний,
Слёзы, горести и боль
И царят в кругу домашнем
Смех и радость, и любовь!

Нет нигде страны красивей, –
Я пою, паря душой
Над любимую Россией
И Балкарией родной.

НА РОДИНЕ КАЙСЫНА

*Поклонникам поэта,
прошедшим по священной тропе
«Сто шагов к Кайсыну»*

Любимец солнца и земли, Кайсын,
Ты родом из Чегемского ущелья,
Иду путём паломников, как сын,
На праздник и народное веселье.

Иду на день рожденья в край орлов,
Любуясь водопадами в дороге,

Туда, где горцы испокон веков,
Трудясь, служили истине и Богу.

Один из них, теолог и поэт,
Даут-Хаджи Шаваев – гений света.
В Балкарии оставил яркий след,
Но жаль, был запрещён в стране Советов.

Поклон тебе, небесный Эль-Тюбю,
Тропа любви к поэтам не остынет!
Строителей тропы благодарю
За славный подвиг – «Сто шагов к Кайсыну».

Глаголет стих на горском языке
И рядом с ним – на камне – переводы.
А сколько песен в звонком ручейке,
Что с гор несёт серебряные воды!

Я захожу в живой балкарский двор:
Нависли скалы каменным колодцем,
А над колодцем неба синий взор,
Парят орлы, а вместе с ними – солнце.

Глядит с улыбкой Золотой Дебет
На саклю, сохранённую Всевышним.
Здесь был рождён Балкарии поэт,
Чей голос всей планетою услышан.

Он славил хлеб, вершины снежных гор
И свято чтит законы горской чести,
Стихами покори́л земной простор
И сам остался песнею чудесной!

Изгнанник тосковал в чужих краях,
С родным народом в горе неразлучен.
Он был поэтом – в жизни и стихах –
И гражданином, лучшим был из лучших!

Стою у сакли, в сердце боль тоски:
И оживает «Горская поэма»
И кузница, звенящая в Шики,
И голос сына Верхнего Чегема.

О, баловень божественных стихов,
Снега – амброзия, а в речке – вкус нектара,
Твой клёкот выше солнца и орлов,
Как звон Шики с его кузнечным жаром!

Я счастлив, что увидел рай земной:
Стихи читают взрослые и дети,
Их слушает Чегем, что был душой
И песнею великого поэта.

Любимец солнца и земли, Кайсын,
Твой дух витает в праздничном ущелье.
Пока стоит Эльбрус, пронзая синь,
Пусть не смолкает горское веселье!

Пусть славится аланская земля,
А вместе с ней народы всей России,
Взмывает к солнцу родина моя
И множатся поклонники Кайсына!

УЧИТЕЛЬ ТАНЦЕВ

Мухтару Кудаяву

Танец – это песня тела,
Что натянутой струной
С древних пор, играя, пело
И под солнцем, и луной.

А душа орлом летела,
И ручьём звенела кровь:
Танец – это страсти тела,
Чьи движения – любовь.

О, учитель древних танцев
Скифов, половцев, алан,
До утра, горя румянцем,
Пляшут все, кто трезв и пьян!

Танец – это вдохновенье
И души, и рук, и ног.

Передать богов движенья
Ты, как мастер, горцам смог.

Горе видел в жизни много,
Пил, как все, святой айран.
О, изгнания дорога
И следы кровавых ран!

Но Творец тебе поведал:
В танце – жизни благодать.
Одолели горцы беды,
Научившись танцевать.

О, богов земных искусство,
Шаг косуль, орлов полёт,
В вихре солнечного чувства
Тело пляшет и поёт!

Имя мастера Мухтара
На устах у горцев всех...
Минги-Тау, танцовщик старый,
Кружит танец «тюз тепсеу».

ОРЁЛ

*Х. Х. Кауфову, автору книги
«Орёл умирает в полёте»*

Воспел ты героя-пилота,
Что рвался к победе вперёд.
Орёл умирает в полёте,
Орёл умирает в полёте,
Но подвиг его не умрёт.

Взяв самую звонкую ноту,
Земля о герое поёт.
Орёл умирает в полёте,
Орёл умирает в полёте,
Но песня о нём не умрёт.

Пилот, покоряя высоты,
Прославил адыгский народ.
Орёл умирает в полёте,
Орёл умирает в полёте,
Но имя его не умрёт.

Потомки алан и меотов
Летят, покорив небосвод!
Орёл умирает в полёте,
Орёл умирает в полёте,
Но вечен последний полёт.

ТАШЛЫ-ТАЛА

Асият Сараккуевой

С амазонкой – мечтою моей,
Был я счастлив в Долине Камней.
Нам журчала река Хызны-суу,
Расплетая девичью косу.

Но судьба оказалась слепой,
Разлучила надолго с мечтой.
Я оставил залог светлых дней –
Своё сердце в Долине Камней.

Я с любимой гулял у реки
И, волнуясь, касался руки.
Золотою зурною звеня,
Пели волны, пленяя меня.

Ташлы-Тала, Ташлы-Тала,
Услышь мою тоску и грусть.
Ташлы-Тала, Ташлы-Тала,
Я за мечтой моей вернусь!

МОЁ СЕРДЦЕ В ГОРАХ

Роберту Бёрнсу

Моё сердце в горах и парит над Чегетом,
Где последний приют и моя Ариука.
Испытал в светлой сакле я счастье поэта,
Слушал нартские песни, что пела река.

Никогда не стрелял в диких коз и оленей,
Пил балкарский айран, как учил Апсаты*.
Пел горянок в стихах в дни весенних волнений,
Осознав всю божественность их красоты.

Моё сердце в горах устремляется к солнцу,
Не могу жить в долине, страдая внизу.
Я на горы печально смотрю из оконца,
Вытирая в больнице скупую слезу.

Так неожиданно упал от укуса инсульта.
Понял таинство смерти, поверив судьбе.
Чтите мать и отца, и детей! Но – без культа!
В мире правит любовь, что с тобой и в тебе!

Моё сердце в горах... Сколько жить остаётся
И парить мне орлом на окрепших крылах
Под печальной луной и сияющим солнцем –
Знает только Аллах.

**Апсаты* – бог-покровитель охоты и животных (балк.).

Фёдор ОШЕВНЕВ

Федор Михайлович Ошевнев – прозаик, публицист, журналист. Родился в 1955 году в г. Усмани Липецкой области. Окончил Воронежский технологический институт (1978) и Литературный институт имени А. М. Горького (1990). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. Майор внутренней службы в отставке, участник боевых действий, ветеран труда. Член Союза журналистов России. Член Союза российских писателей.

Автор девяти книг: семи прозы и двух публицистики, а также более ста журнальных публикаций прозы.

МЕЧТА ДЕСАНТНИКА

Рассказ

Живых фронтовиков сегодня осталось крайне мало. А мой отец, закончивший войну старшим сержантом, помкомвзвода, ушел в мир иной еще в июле 1999-го...

До выхода на пенсию мы чаще озабочены текущим днем и его насущными проблемами, многое иное откладывая «на потом». И как часто потом оказывается, что опоздали, упустили расспросить родителей о важном, главном... Недодали подарившим нам жизнь заботы, внимания, тепла. Недожалели, не уберегли. Увы... Но хоть о чём-то, сугубо значимом, насущном для них, узнать-таки удалось?

Отец мой, Михаил Фёдорович Ошевнев, вырос в селе Девица, в глубинке Центрального Черноземья. Десятилетку окончил в 1942-м, восемнадцать лет ему сравнялось 23 января 1943-го. А назавтра, в сельсовете, парню вручили повестку из райвоенкомата, обязующую прибыть туда через день. На обороте бланка было указано: «Остричься наголо, иметь с собой документы, нательное белье и продукты». Ниже, нелепым пунктом, стояло: «Громоздких вещей с собой не брать».

Отец призывника, до войны колхозный молотобоец, к тому времени более года числился пропавшим без вести где-то под Смоленском. Теперь настал черед сына заменить родителя на защите Родины.

Поначалу новобранец попал в учебные лагеря, развернутые на территории бывшей Троице-Сергиевой лавры. Крупнейший мужской монастырь был закрыт еще в 1920-м, а часть его помещений перестроена под жилье и склады. Но в 1940-м постановлением Совнаркома комплекс зданий в черте крепостных стен объявили государственным

музеем-заповедником, на восстановление памятника старины выделили немалые средства и вскоре начались реставрационные работы. Вот только война сразу внесла жесткие коррективы...

Тесно расквартированная по бывшим монастырским кельям армейская молодежь настойчиво обучалась азам военного ремесла. К сожалению, о деталях первых дней срочной службы отец упоминал мало. Мне запомнились какие-то вовсе не относящиеся к боевой подготовке моменты. Скажем, что по ночам спящих сильно донимали полчища клопов, гнездившихся в старых матрасах.

И еще отложилось в памяти, как отец отмечал, что кормили солдат в тыловой части скудно. Основу рациона составляли ржаной обойный хлеб, крупы и макароны, картофель и овощи. Мяса и рыбы причиталось совсем чуть. Плюс неизменный чай и по три куска сахара на день к нему. (О махорке и мыле речь сейчас не идет.)

Сливочного масла и других молочных продуктов, консервов, печенья и фруктов, а также – замечу особо – яиц рядовому составу не полагалось. Масло, печенье и рыбные консервы выделяли лишь среднему и высшему начальствующему составу – впрочем, совсем в малом количестве, разве что губы помазать.

Усиленный паек тогда получал только летно-технический состав ВВС. Для особой же категории – боевых расчетов экипажей самолетов – предусматривался не только ржаной, но и белый хлеб, по двести граммов свежего молока, двадцать граммов сгущенки, творога и сыра, десять – сметаны и сухофрукты для компота. Летная норма включала еще пол-яйца в сутки; то есть крутое яйцо дополняло завтрак через день.

Отец рос единственным ребенком в семье. Почему так случилось? Слышал, как моя мать говорила, что у ее свекрови были проблемы по женской части. Родители его всегда держали корову, кабанчика, кур, кроликов. Последних – чтобы их мясом рассчитывать перед государством за право иметь в личном хозяйстве буренку. За нее с любого двора взымали по двести пятьдесят литров молока и по восемь кило масла в год, да плюс к натуральному оброку добавлялся денежный, в сумме пятьдесят рублей. Госпоставки включали еще фиксированное количество тех же кроличьих шкурок, картофеля, овощей, яиц и других продуктов, полученных со всякого приусадебного участка. И это – помимо единого сельхозналога! Реальное же состояние хозяйств просто не учитывалось. Порой неподъемные налоги отдавать было нечем, и тогда фининспектора безжалостно отбирали скотину, обрекая семью на нищенство.

Какое-то количество молока семье всё-таки оставалось. По большей части оно шло на переработку с дальнейшей продажей: ведь для животных нужно было покупать корма, да и многие про-

чие расходы накладывались. На трудодни-то деньгами выдавались копейки... Так что если и водились в доме сметана, творог и масло (сыра никогда не варили), то далеко не каждый день. Где уж чтоб досыта ими наесться... То же касалось и яиц.

Ах, какие блинцы творила отцова мать по праздникам! По старинному рецепту, на чугунной сковороде. Из взбитых отдельно яичных белков и желтков с сахаром, в которые, соединенные, добавлялись теплое молоко и масло и затем мука, – так, чтобы тесто вышло жидким. Половником она лила его на край сковороды, ловко вращала ее – и тесто равномерно растекалось по раскаленной поверхности чугунины. Выпеченные блинцы собирались в стопку, промазывались топленным маслом и перекладывались мелко нарубленными крутыми яйцами.

Коронным же блюдом была яичница-глазунья. Непременно из свежих яиц, жаренная на сливочном масле в той же сковороде и украшенная затем зеленью. Такое яство отец предпочитал даже мясной пище. Однако любимым кушаньем его баловали редко, а с началом войны и уходом на фронт кормильца семье и вовсе пришлось как никогда тяжело – впрочем, равно как и другим односельчанам.

И вот теперь, на армейской службе, в темпе поедая в столовой жидкий борщ или суп и перловку-кирзуху либо рис, лишь слегка сдобренный тушенкой, при полном отсутствии богатых белками продуктов, отец не раз вспоминал домашнюю глазунью. И блинцы с сытной прослойкой, и сметану, и масло, и творог... Ему и его сослуживцам, еще растущим парням, урезанной продовольственной нормы военных лет катастрофически не хватало. Столовую они всегда покидали полуголодными.

О счастье сытости им оставалось лишь мечтать. Пусть каждому на свой лад, поскольку призывалась молодежь со всех концов страны. Ведь у всякого народа, в той или иной местности всегда есть свои любимые блюда. Их-то постоянно и рисовало воображение. Голод не покидал воинов, утвердился в сознании особым состоянием, напрямую влиял на чувства и ощущения, по сути, слился с людьми.

Отец в своих «едовых» фантазиях наичаще представлял огромную сковороду с глазуньей из двадцати яиц. Откуда взялось это круглое число, не задумывался. Но в аккурат столько – ни больше, ни меньше! И как он, не спеша, один за одним, с аппетитом навораживает поджаренные желтки, заедая их блинцами и запивая домашним молоком... Ну что еще в те грозные дни могло казаться в жизни прекраснее?

Эх, мечты, мечты... А наяву – начальные признаки истощения: потеря веса, общая слабость, быстрая утомляемость. Среди дня накатывала сонливость. Иные из бойцов легко простужались, кого-то мутило, у самых хилых начинали отекавать ноги.

И ничего нельзя было с этим поделать...

Отдельной темой. Во время войны особое внимание уделялось солдатским письмам – единственной ниточке связи с домом. Послание от родных могло как поднять боевой дух, так и серьезно подкосить воина. Посему любое письмо на фронт и с фронта проходило тотальную цензуру. В целях секретности запрещалось указывать дислокацию части, ее вооружение, имена командиров, иные сведения, по которым можно было бы раскрыть подразделение. Но ведь и посвящать домашних в тяготы службы строжайше не дозволялось! «Никаких уподочных настроений!» – в первый же день указал замполит. Оттого-то, в основном сообщали о погоде, заверяли, что любят дорогих сердцу людей, и что в части «кругом всё хорошо», – с рекомендуемым уточнением: «а кормят сытно, вкусно, лучше, чем дома».

...В непрерывной борьбе с недоеданием прошла зима и часть весны. К маю отца, как окончившего десятилетку, направили на обучение в Моршанское военное стрелково-минометное училище, готовившее младших командиров. Многие его преподаватели уже понюхали пороху и теперь умело передавали подчиненным богатый боевой опыт.

Занимались минометчики по десять часов в сутки плюс два – самоподготовки, совмещая учебу с несением гарнизонной службы и во внутренних нарядах. Осваивали многие виды вооружений: от винтовки Мосина до минометов различных систем. Изучали тактику, инженерное дело, топографию, санитарное дело. Но особое внимание уделялось огневой подготовке. Пулемет «максим» каждый знал до последнего винтика и мог применить его в различных видах боя.

Однако продовольственное обеспечение курсантов оставалось таким же бедным, как и раньше, в военных лагерях. При огромной физической нагрузке будущие командиры питались по той же тыловой норме. Однообразно, малокалорийно, почти впроголодь. (Теперь уже не секрет, что это являлось нормой жизни и для других армейских училищ.) Отсюда извечная тема курсантских разговоров: «Скорей бы на фронт, уж там-то точно получше кормят». Зачастую писали рапорта о досрочной отправке на театр военных действий – мнилось, что в реальной боевой обстановке вся жизнь изменится, а ежедневный смертельный риск горячие головы не брали в расчет. По молодости-то многие убеждены в своей счастливой звезде. Но цифры потерь беспощадны: за 1942–1945 годы только Моршанское военное училище подготовило для Красной Армии более десяти тысяч офицеров, и почти девяносто процентов из них погибли в боях. В те дни «я» стало незначашим, его заменило могучее «мы». Ведь единственным смыслом жизни всех фронтовиков было спасение Родины любой ценой, разгром клятого врага...

При всём при том мечта о вожделенной двухдесяточной глазунье так и не покидала бойца, заявляя о себе – то во время напряженной учебы или на физподготовке, то при несении «нарядной» службы или на хозработках, а порой даже в койке, перед глубоким сном.

Отцу не суждено оказалось окончить курс обучения полностью: фронт настойчиво требовал людей. Вместо погон младшего лейтенанта ему и его однокашникам вручили сержантские, торжественно напутствовали на городском стадионе – и вот уже набирающий скорость состав с необстрелянными бойцами отправился в пекло сражений...

Новоиспеченный сержант Михаил Ошевнев прибыл на 3-й Украинский фронт, в один из моторизированных минометных полков, и там командовал расчетом 122-мм миномета. Вскоре он заслужил свою первую боевую награду – нагрудный знак «Отличный минометчик».

К сожалению, об этом, достаточно длинном – по фронтовым меркам – периоде армейской жизни отца не знаю практически ничего.

Помню только, как он упоминал, что в десантные войска попал осенью 1944-го. Много позднее, призвав на помощь интернет, я узнал, что как раз тогда в составе ВДВ была создана Отдельная гвардейская воздушно-десантная армия. В один из ее корпусов входила 8-я гвардейская Первомайская воздушно-десантная дивизия, прибывшая с Воронежского фронта для доукомплектования. Затем – в связи с расформированием армии в конце декабря – соединение было переименовано в 107-ю гвардейскую Первомайскую стрелковую дивизию. В ее составе был 352-й гвардейский стрелковый полк (гсп), где в минометной роте отец в дальнейшем воевал командиром отделения.

В феврале-марте 1945-го он с боями прошел немалую часть Венгрии. Но так уж вышло, что за те сражения к правительственным наградам представлен не был.

Зато о дальнейшем его боевом пути, уже по Австрии, поведали наградные листы, которые моя дочь нашла в сети (орфография и пунктуация их сохранены):

«Тов. Ошевнев М. Ф. в бою 3 апреля 1945 года за город Винер Нойшдадт проявил смелость и отвагу. Его минометный расчет всё время в бою действовал неотступно со стрелковыми подразделениями. Подавлены 2 вражеские пулеметные точки противника и уничтожена одна немецкая минометная батарея, тем самым было обеспечено дальнейшее продвижение батальона.

Достоин Правительственной награды ордена «Красная Звезда». Командир 352 гсп гвардии подполковник Шутов».

А также:

«Тов. Ошевнев Михаил Фёдорович в боях 10-12 апреля с/г в городе Вена, действовал мужественно и отважно. При форсировании Мало-Дунайского канала, он подавил 3 огневых точки противника,

тем самым обеспечил продвижение наших стрелковых подразделений. При отражении вражеских контратак огнем из миномета уничтожил 2 расчета станковых пулеметов и до 25 немецких солдат и офицеров.

Достоин Правительственной награды ордена «Славы» III степени. Командир 352 гсп гвардии подполковник Шутов».

Сам же отец рассказывал, что перед Венской наступательной операцией, начавшейся 5 апреля, город представлял собой настоящую крепость. На подходе к нему были открыты сплошные противотанковые рвы, улицы пересекали баррикады, каменные дома напичканы огневыми точками, мосты минированы. В ожесточенных боях немцы не раз пытались контратаковать. Бои шли за каждый квартал, за любое здание, не стихая ни днем, ни ночью. И лишь 13 апреля, после решающего штурма, столица Австрии наконец была освобождена полностью.

Позднее учредили медаль «За взятие Вены», и отец был награжден ею – как раз вместе с вручением двух вышеназванных орденов, уже летом 1945-го.

Однажды он упомянул, что незадолго перед Венской операцией у него пропала опасная бритва. Сам потерял либо кто-то под шумок тиснул – случилось на фронте, увы, и такое, – в общем-то, сути не меняло. Щетина у него росла густая и быстро – бриться начал с четырнадцати лет, – а командиры требовали от бойцов, ко всему прочему, и «опрятного внешнего вида». Вот и приходилось одалживать личное средство гигиены то у одного, то у другого сослуживца. «Опаску» давали, но явно нехотя. А магазина мужских принадлежностей поблизости не наблюдалось...

И вот, в один из дней штурма Вены, отец и еще несколько солдат прочесывали богатый двухэтажный дом, ища затаившихся врагов. Ни их, ни хозяев особняка не обнаружили. Зато в ванной отец углядел на полочке под зеркалом две опасные бритвы «Solingen». И еще – станок для бритья: стальной, с тяжелой рукояткой, богато украшенной мелкой резьбой. В самом низу рукоятки, по окружности, шла тончайшая гравировка: «ASAN Patent Colonna». Станок вкладывался в защелкивающуюся металлическую коробочку, выстланную фиолетовым бархатом. Внутри нее имелись два миниатюрных ящичка, открытых с торца, – для хранения безопасных лезвий. И ящички, и коробочка – никелированы.

Бритвы и станок, с коробочкой для переноски, отец забрал в качестве трофеев. Впоследствии, уже на 40-летие Победы станок он подарил мне, как раз приехавшему к родителям в отпуск, – на память о своем фронтовом прошлом.

Нештатный момент меж боями. Перед форсированием Мало-Дунайского канала бойцы минометной роты стали свидетелями зрелища не для слабонервных. На берегу лежала туша убитой и уже разлагаю-

щейся лошади. Из канала на влекущий запах устремились сотни раков. Они едва ли не полностью облепили убоину шевелящимся ковром, а из воды спешили всё новые членистоногие, желающие полакомиться падалью, и бесконечной колонной маршировали к «ароматной» пище.

Лишь малая деталь изнаночной стороны войны, во всей ее омерзительности.

Ни один из солдат тогда на дармовую армию усачей не польстился. Отец после этого случая раков уже не ел, хотя раньше, подростком, с товарищами не раз вылавливал их из деревенской речушки и варил в ведре на костре.

Надо сказать, что к тому времени его личная «едовая» мечта не столь часто уже напоминала о себе. В боевых условиях питались, и верно, лучше, чем в тылу.

Что ж, тогда вся страна работала на фронт и туда же направлялась основная масса продовольствия. Десятки тысяч армейских поваров старались улучшить и разнообразить рацион бойцов. И немало ветеранов с годами уверяли, что вкус военных каш был отменен и несравним ни с каким деликатесом.

Довелось отцу отведать и трофейных продуктов из немецких сухих пайков. Супа из непривычного горохового концентрата, мясных консервов и сардин, консервированной колбасы и голландского сыра, кофе с добавкой цикория и еще – шоколадных батончиков. И вовсе не понравились, горьковаты... А один из батиных сослуживцев, успевший повоевать в Германии и переведенный в минометную роту после ранения, рассказывал, что немцы широко производят маринованные куриные яйца, которые закатывают в банки, и ему однажды выпало попробовать этот причудливый харч. На вкус ненашенский разносол оказался не ахти.

– Какие же фрицы идиоты, добро на говно переводить! – возмутился тогда отец. – Да разве можно яичные консервы – и с глазуньей, с пылу, с жару – сравнить?! К тому же маринад наверняка во многом витамины убивает.

– Каждому – свое, – заметил сослуживец. И не совсем в строку добавил: – Оно ведь что русскому хорошо, то немцу смерть. Вот от русской руки он свою смерть скоро и примет...

Теперь – об особом жизненном событии тех фронтовых лет. Апрельским вечером, накануне боя у подножья Австрийских Альп, отца принимали в члены ВКП(б). Уже взрослым я однажды спросил: как сформулировал он в своем заявлении причину, почему хочет стать коммунистом?

– Странный ты какой-то вопрос задал, сын, – ответил тогда папа. – В то время все бойцы писали одинаково: «Чтобы еще лучше и больше бить фашистов...»

Сам я, отслужив несколько лет командиром взвода в учебном полку, куда попал после гражданского вуза – таких не прошедших военное училище офицеров кадровые армейцы едко именуют «пиджаками», – в КПСС не стремился. Но вот летом 1985-го меня вызвал к себе начальник политического отдела и огорошил вопросом: а до каких еще пор я буду шлангом прикидываться? Так сразу и не понял, куда именно клонит подполковник. Но тут он взял быка за рога:

– Ты почему в партию не вступаешь?

Я стал объяснять, что, мол, пока не созрел носить высокое звание коммуниста... На деле же прекрасно понимал, что в армии в случае проколов всегда отчитывают и наказывают дважды: как по командирской линии, так и по партийной. Да и с беспартийного (из комсомола уже выбыл по возрасту) спрос всегда меньше.

– Вот я и говорю: шланг, да еще гофрированный, – гнул свою линию начпо. – Звание капитана получил, в Литературный институт поступил, а как в партию, так «не созрел»? Ты мне тут ваньку-то не валяй! Авторучка с собой?.. Вот и отлично. Немедля пиши заявление!

– Мне еще подумать надо... – сделал я жалкую попытку вырваться из цепких лап «ставленника ЦК», как кичливо именовал сам себя подполковник.

– Пока не напишешь, из кабинета не выпущу! – зло рявкнул он.

Я сдался и написал. Теперь, через много лет, понимаю: не получи я через год партбилет, меня бы не перевели впоследствии в окружную газету. Вообще никогда бы туда не взяли. Все военные журналисты обязаны были быть партийными!

Согласитесь, абсолютно разные у нас с отцом оказались причины влиться «в первые ряды строителей коммунизма».

Победу отец встретил в Чехословакии...

А 23 июня 1945-го вышел Закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». Согласно ему, в последнюю, шестую очередь из Вооруженных Сил в феврале-марте 1948-го должны были уволить всех бойцов 1925 года рождения. Пока же – поди-ка, старший сержант Михаил Ошевнев, еще послужил. В Звенигородке, Черкасской области, и снова в десантной части.

В первый же свой, после призыва, отпуск на малую родину отец прибыл лишь в конце сентября 1947-го. Со слезами встретившая его, сильно постаревшая за годы расставания мать – а ей не исполнилось тогда еще и сорока пяти – сообщила, что уже дважды ездила в облвоенкомат, в Воронеж, но никаких сведений о пропавшем без вести муже так и нет, – и уткнулась в сыновью широкую грудь, на которой тихо звякнули фронтовые награды...

На следующий день, по случаю приезда отца, состоялось скромное застолье, на которое были приглашены родственники.

На той трапезе виновник торжества и поведал гостям о своем заветном армейском желании. А мать это запомнила. И два дня спустя, усадив сына завтракать, торжественно поставила перед ним большущую сковороду с приготовленной на сливочном масле глазуньей, щедро украшенной петрушкой и луком. Часть яиц ей пришлось занять у соседок, чтобы все утрешние были...

Радость, праздник, эйфория! Отец сидел в родной избе, помнившей его первые шаги, рядом стояла дождавшаяся наконец-то сына с войны счастливая мать, всё крестившаяся на простенькие фольговые иконы в переднем углу – бабушка была истово верующей (увы, она умерла, так и не узнав о судьбе мужа; сведения же о пленении деда и его гибели в концлагере в апреле 1942-го я лишь в третьем тысячелетии разыскал через интернет), а на столе перед ним – воплощение его голодных грёз пороховых лет...

Спасибо тебе, самая лучшая на свете мама...

Есть такой махровый литературный штамп: «Ком подступил к горлу». Это случается при сильном волнении, вызывающем спазм мышц гортани. У отца тогда так и произошло. Чтобы успокоиться, ему пришлось выхлебать кружку колодезной воды. Затем он невольно, почти по-детски, пересчитал цельные желтки. Да, ровно двадцать! И, вооружившись старинной вилкой с деревянной ручкой и большим куском ржаного хлеба домашней выпечки, принялся за явно удавшуюся глазунью, время от времени прихлебывая из стакана свежего молока...

Вот съеден первый желток... третий... пятый... Странное дело – возникшее чувство эйфории угасало с каждым проглоченным яйцом. Шестой желток... седьмой... Зато нарастало душевное опустошение: на глазах исчезало то, что в мыслях так долго желалось получить. А взамен рождалась горечь утраты, потери своеобытного лучика жизни. Восьмой... девятый желток... Мечта по-своему вдохновляла, но ведь совсем не ради того, чтобы в итоге от пуза нажраться любимой пищей, воевал папа сам и канул в небытие его отец, а мать, на пределе сил, пласталась в тылу, внося свой крестьянский вклад в Победу!

Десятый желток был последним, который, принудив себя, одолел папа. Поблагодарил мать, уговаривавшую сына покушать еще: мол, ведь ты так хотел яичницы, съел же лишь половину сковороды...

Но он решительно отказался, оставив «недоеденную мечту» на столе, вышел из избы и присел на лавочку в палисаднике, меж двух берез, которые на следующий день после свадьбы посадили родители. Почти за четверть века белоствольные деревья вымахали метров на пятнадцать, если не выше.

Отец чувствовал себя смятенно, сознание противилось происшедшему.

«Так чтобы убить желаемое, его просто надо целиком исполнить?» – непривычно размышлял он.

До конца разобраться с безрадостным свершением вожделенного он так и не смог. Но это-то как раз было жизненно, обыденно. Никто ведь не обязан постоянно уяснять свои поступки – в данности всё обстоит куда проще. Деревенский парень, пусть и прошедший фронт, отец тогда не догадывался, что в создании «глазуньичной» фантазии участвовала лишь куцая часть его психики, без конца подпитываемая голодом. Это не хорошо и не плохо, подобное случается сплошь и рядом. И над такими ситуациями «непостижения себя самого» нет смысла напрягаться. На лавочке же, под березами, он лишь трудно, надрывно принял, что его давняя армейская мечта умерла и похоронена – мимовольно, тихо, без почестей.

И еще: взамен образовавшейся душевной пустоты непременно следовало искать что-то новое и более значимое. Или, другими словами, активно жить дальше!

Именно в тот день было принято важнейшее решение: после демобилизации поступать в пединститут, на исторический факультет.

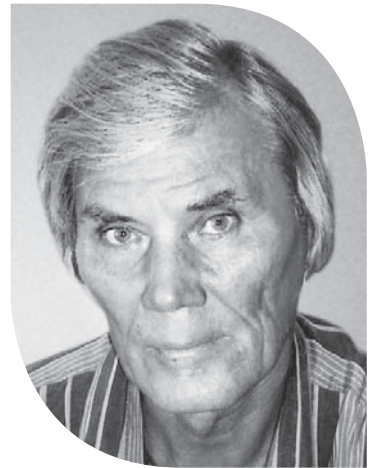
Отец пока не знал, что ему придется отслужить в войсках еще два с половиной года. Командование части никак не желало его отпускать, открыто нарушая сроки демобилизации... Ведь к тому времени он стал лучшим старшиной роты в полку. Вот его всяко и склоняли остаться в армейских рядах на постоянной основе. Так что уволиться на гражданку ему удалось лишь в апреле 1950-го.

Поступить в вуз, с учетом боевого прошлого, оказалось не столь уж и трудно. Зато учиться все годы только на «отлично», вести большую общественную деятельность, участвовать в работе ученого совета – выборным представителем от студенчества, – и на третьем курсе стать Сталинским стипендиатом... Вот это потребовало колоссальных усилий. А дальше предстояло создать семью. Завести детей. Достояно вырастить их. После прохождения военных сборов в 1956-м и присвоения звания лейтенанта, постоянно сотрудничать с райвоенкоматом и, уже числясь в запасе, дорасти до подполковника. Тридцать лет сполна отдать служению учителя в сельскохозяйственном техникуме, в райцентре Усмань Липецкой области. Да и много чего другого сделать в новой, победительной жизни. Впрочем, это уже были именно дела, а не мечты.

А воспоминания о голоде военного лихолетья жили в памяти фронтовиков и тружеников тыла, верно, до конца их дней...

Владимир ЗАРУБИН

Владимир Сергеевич Зарубин родился 12 мая 1938 года в г. Баку. Стихи начал писать еще в Бакинском мореходном училище. Впервые напечатался в газете в 1956 г. С тех пор – регулярно – во всех пяти бакинских газетах, а с 1962 г. – в журнале «Литературный Азербайджан». В молодости много ездил по стране, трудился на стройках Сибири, плавал по Енисею и немного на Дальнем Востоке, где тоже печатался в местной прессе. С 1965 по 2008 гг. работал механиком на Каспийском нефтегазовом флоте. Публиковался в «Комсомольской правде», выступал по московскому радио и неоднократно – по бакинскому. Занимался переводами с азербайджанского. Победитель и лауреат трех бакинских поэтических фестивалей. Соавтор нескольких коллективных сборников. Автор большой (467 страниц) книги стихотворений «Татьянин день», избранного. Член Союза писателей Азербайджана. С 2008 г. живет в г. Майском, откуда родом его супруга. С 2016 года – член Союза писателей России.

Однажды я уехал в никуда,
Из ниоткуда возвратясь обратно,
Потом не раз срывался безоглядно
На страх и риск, что в жизни есть всегда.

Мне объясняли «знающие» люди
Неписанные правила игры,
Но я был против, и до сей поры
Не поддаюсь мерзавцам, как простуде.

Конечно же, я тоже не святой,
Однако должен быть моральный стержень,
Иначе мы разгулы Зла не сдержим,
И власть Добра останется мечтой.

Возможно, оттого, что я южанин,
И многократно солнышком ужален,
Прожарен и просушен до костей,
Люблю, когда, внезапно и могуче,

Вдруг возникают пепельные тучи,
Гася прохладой градусы страстей.

Такие дни напоминают Север,
Где свет неяркий мягок и рассеян
По небосводу, как сквозь решето,
Где даже в полдень нет особой тени,
Не выгорает множество растений
И не перегревается никто.

Зато зимой надоедает холод,
И жгучий снег, как тысячи иголок,
И гололёд – весны на рубеже,
И хорошó, что есть места иные,
Куда попав, мы ходим чуть хмельные,
И жízнь, хоть временами по душе.

Шум дождя за окном монотонный
Навевает сонливость и грусть,
Если мокнет бродяга бездомный,
То укроется где-нибудь пусть.

Пусть вздремнёт, отдохнёт, и, быть может,
Мимолётно приснится ему:
Грет солнце, и голод не гложет –
И уже хорошо потому.

Человеку стало плохо
Посреди толпы –
Так с ним счёт свела эпоха
Тяжестью стопы.

Пробегая, думал каждый
О делах своих,
На других таких же граждан
Груз стыда свалив.

Он о столб опёрся грудью,
Медленно осёл,
А вокруг сновали люди,
Занятые все.

И, в итоге, меньше стало
На Земле большой –
Не ракетой из металла,
А одной душой.

В синеве порхали птицы.
Плыли облака,
А внизу чужие лица –
Целая река.

В российском новом обиходе,
После трагических годин,
Мы как-то всё-таки обходим
Чужое слово – «господин».

Но почему ж тогда, едва лишь
Сменился строй, забыли вдруг
Родное, тёплое «товарищ»
И замечательное – «друг»?!

Весной сошлись, а осенью расстались,
Он – тяжело, и с лёгкостью – она,
И, если живы, то, полвека старясь,
Забыли, в чём и чья была вина.

Нельзя вернуться в прошлое реально,
А мысленно – так больно иногда,
Что сердце сразу бьётся ненормально,
И нервы – как электропровода.

Возможно, Время в самом деле лечит,
И не узнать им нынешних самих,
Но от случайной и ненужной встречи
Рука Судьбы оберегает их.

Вид из окна, какой ни есть –
Не антипод дурной квартиры,
В которой тошно спать и есть,
И силы нет из кожи лезть,
А просто – отдых от рутины.

Вид из окна рождает мысль,
Он, наряду с воображеньем,
Свободно мчащим вверх и ввысь –
Непроизвольный компромисс
Между покоем и движеньем.

Вид из окна необходим,
Как нечто, полное загадок,

И мóжет, вдохновлённый им,
Поэт воспел заветный дым
Отечества, что тák нам сладок.

На золото листвы, чёрнёное дождями,
Предвестником зимы летит небесный пух,
Не выразить всего, что делается с нами
На стыке перемен, между сезонов двух,
Но каждый Кавалер своей Прекрасной Даме
Поёт слова любви, её лаская слух.

Природа чуть вздремнёт, укутавшись снегами,
В короткой тишине, без комаров и мух,
И, отдохнув, опять, в весёлом птичьем гаме,
Вернёт зелёный цвет, а с ним – и бодрый дух,
И каждый Кавалер своей Прекрасной Даме
Споёт слова любви, её лаская слух.

Супруге Татьяне

Уже полвека филигранно
Ты вьёшь семейное гнездо,
В заботах добрых постоянно,
Не уставая, как ни странно,
И зная дело от и до.

Но вот берёшь – и впрямь артистка! –
Гитару или же гармонь –
И голос душу рвёт, без риска
Сорваться, и в глазах не искра,
А вдохновения огонь!

И потому тебе так рады
И просят спеть наперебой,
Хоть, словно в качестве награды,
Все украшенья и наряды
Тускнеют вмиг перед тобой.

Ведь ты – в обыденности пресной –
Как праздник, и не где-то там,

А здесь, с известностью окрестной,
Наперекор судьбе нечестной,
Сопротивлявшейся мечтам.

Зато – жена, хозяйка, мама,
И внукам бабушка, но ты
Ещё и истинная дама,
Приятней многих, что упрямо
Торчат в салонах красоты.

Во что б ты ни была одета –
Все на тебя, когда идёшь,
Засматриваются, и это
Как бы хорошая примета
Для тех, кто хочет быть пригож.

И сам годами обрастая,
Стá лёт тебе желаю я –
Зеленоглазая такáя,
Моя богиня золотая,
Как муза Главная моя!

Сочи. Год семидесятый,
Угол, мной на время снятый,
Южные растения,
Пляжное безделие.

Однодневные романы,
Обещанья и обманы,
И любовь короткая,
Словом – жизнь курортная.

Нó, в ответ на фальшь
и лживость,
Слава богу, не сложилось
Ни с одной из встреченных,
Красотой отмеченных.

Что-то грустное держало,
В глубине души дрожало

Угольком, чуть тлеющим,
Близким прошлым греющим.

И пришла на помощь память,
Стала звáть в ней –
чтоб исправить
Нам ошибку месяца –
Юная прелестница.

С кем на сельском водоёме,
От жары, как в полудрёме,
Мéльком познакомился,
Но не узаконился.

Ктó, не в пóльзу женщин
прочих,
После горных троп и Сочи,
Как в счастливом случае –
Стала сáмой лучшею!

Не пустышкой завалющейся,
А подругой настоящей,
Половинкой истинной,
До конца единственной!

Ну, а дальше всё известно:
Есть жених и есть невеста,
Свадьба, в меру пьяная,
Смена курса явная.

Переход в иную плоскость,
Где открылся целый космос,
Новая вселенная –
Наша жизнь семейная.

Что сперва небезупречна,
Мутновата, словно речка,
Иногда порожиста,
Впрочем, как у множества.

А когда, очистив русло.
Мы управились искусно
С разными помехами –
Чудо, как поехали!

В небо крыльями врезаясь,
Окружающим на зависть
И на удивление –
Без обледенения!

С тех времён, ещё советских,
Но с женой, уже совместных,
Много лет исполнилось,
Вот оно и вспомнилось.

Ведь, столкнувшись в том июле,
Мы судьбу перевернули,
Свив гнездо, доселе в нём –
На Кавказе Северном.

Анна ХАЛИШХОВА

Редактор отдела культуры и исторического наследия газеты «Кабардино-Балкарская правда». Член Союза журналистов России.

ПИСЬМО ИЗ ПРОШЛОГО

«Как бы искренне ты ни плакала, рано или поздно придётся заглянуть в пудреницу...» – так всегда говорила бабушка, если Рита начинала лить слезы. Разбитая коленка, двойка по химии или ссора с подружкой – всё вздор, в этом бабушка была уверена, и её уверенность как-то очень быстро передавалась девочке. Казалось, что эта поддержка будет с Ритой всегда. Но бабушки не вечны. Рано или поздно мы перестаём быть внуками, и с утратой этой частички нашей жизни словно рвётся тонкая нить, связывающая нас с беззаботным детством.

У Риты не было никого, кроме бабушки. Вернее, где-то ходил по земле отец, никогда не интересовавшийся случайной дочерью. А матери она не помнила – девочке было три года, когда молодая женщина умерла. Вот так и остались они вдвоём – бабушка Мария и девочка Рита. А теперь повзрослевшей девочке предстояло справляться с жизнью в одиночку. Ничего особенного – многие взрослеют, становятся самостоятельными гораздо раньше. Но как-то так получилось, что Рита дожила до двадцати трёх лет под крылом у бабушки и жизни-то не знала. И вот некому больше подсказать, помочь, утешить, успокоить. Не хочется даже выходить на улицу – вот магазин, где они всегда вместе покупали продукты, а в том киоске через дорогу – газеты. Киоскёрша наверняка спросит, почему она без бабушки и почему так долго их не было видно, а отвечать на этот вопрос девушка не была готова. Да, уже прошло два месяца, только Рита так и не привыкла к тому, что она теперь одна. А дома – и того хуже. Бабушкино кресло, маленький табурет для ног, чашка, ложка – никаких сил нет видеть всё это. Подруги, конечно, не оставляют. Но у одной семья, муж, дочери – откуда возьмётся время для общения? Другая в одиночку сына растит, вся в нём – школа, секция, вечером уроки, – тоже особо не поболтаешь. Потому и одна. Потому и мысли всякие в голову лезут. И столько их уже, что не вмещаются они в бедную глупую девичью голову.

Главная мысль была о том, как и на что жить дальше. Зарплата библиотекаря, конечно, не дала бы девушке умереть с голода, но и жить на неё было бы очень и очень тоскливо. Или работу другую ис-

кать, или квартиру на меньшую поменять? Кстати, это идея. Очень уж тяжело жить ей в этих комнатах, вспоминая, как вместе с бабушкой они делали генеральную уборку, как клеили обои в Ритиной комнате и белили кухню. Однако такие решения в одночасье не принимаются, и Рита решила отложить вопрос с квартирой. Но до зарплаты еще три недели, прежняя разошлась на долги, скопившиеся после похорон и поминок, а делать новые долги не было желания. Может, продать что-нибудь? Впрочем, кто польстится на её единственное копеечное колечко, хоть и золотое, но совсем уж тоненькое и простенькое. Бабушка подарила его на двадцатилетие, рука не поднимется продать, и не спасёт та смешная сумма, которую можно за него выручить. Сотовый телефон? И того хуже. Ему уже года три, покупала она самый дешёвый, да такие наверняка уже сняли с производства, тоже никто не польстится.

С этими тяжелыми думами Рита устроилась на диване перед телевизором и незаметно уснула. Разбудил её телефонный звонок. «Рита? Это Ольга Антоновна, давняя приятельница вашей бабушки. Я была на похоронах, но вы меня вряд ли запомнили. У меня для вас конверт. Мария просила передать его только после её смерти. Нет, я не знаю, что в нём, просто выполняю поручение».

На следующий день Рита съездила за «письмом из прошлого». Долго боялась открыть. На работе не стала, дождалась вечера, принесла домой и еще какое-то время сидела над ним в нерешительности. Наконец взяла себя в руки и распечатала. Знакомый родной почерк расплылся, слёзы закапали на исписанный лист бумаги.

«... Ритка, не реви, я же всегда говорила, что слёзы тебя не красят! Ты не дурочка, справишься, проживешь. А письмо это я оставила потому, что должна тебе кое-что рассказать. Когда ты родилась, твоя мать была очень зла на отца. Не знаю, что там у них произошло, но только она и имени его слышать не желала. А ведь он хотел тебя видеть, дать свою фамилию, но мать – ни в какую. И тогда он встретился со мной. Я его выслушала, жалеть не стала – очень уж дочка моя страдала. Но мы договорились, что алименты он будет присылать на сберкнижку. Она лежит в этом конверте. Не злись, девочка, постарайся меня понять правильно, ведь твоя мама, умирая, просила меня молчать об отце. Я и перед ней виновата – ведь она так и не узнала о нашем с ним договоре. Одним словом, не держи на меня зла. Надеюсь, содержимое этого конверта хоть ненадолго облегчит тебе жизнь. Поговори с отцом, он будет рад. У него большая семья, ты не останешься одна».

Из конверта выпала сберкнижка на имя Риты. И аккуратный квадратик бумаги с адресом. «Краснодарский край, Темрюкский район, поселок...». Неужели отец? Значит, и правда, не одна...

Ксения ХОХЛОВА

Петербургский поэт и бард, автор нескольких книг. Ксения Хохлова провела детские годы в Нальчике и до сих пор сохраняет теплые воспоминания и поддерживает связь с уроженцами республики. Интересно, что её семья жила в той точке Нальчика, откуда начинался наш город – возле крепостной стены у въезда на Вольноаульский мост.

Работает детским врачом.

Предваряя публикацию своих стихов в «ЛКБ», Ксения написала: «...И хотя я живу в Петербурге ещё с тех пор, как он назывался Ленинградом, самые светлые воспоминания детства у меня связаны с Нальчиком. Он помнит и мою маму, и мою бабушку, и моего дедушку. Помнит, вероятно, и меня. И я благодарна, что из пространственно-временного далека он услышал мои тексты. Спасибо!»

ДОМАШНЕЕ

Когда на грудь бросается встречать
одна лишь тень сомненья ростом с дога,
спасает только вечер и дорога
из дома, где джекпотствует печаль,

где звуки дрели сверху – дарят слоган,
рожденный рано утром сгоряча,
где блики света сыплет по ночам
торшер, торча кумиром одноногим;

где все надежды делятся на сто,
где все черновики – в рабочий стол,
где из окна все та же панорама

на двор и закольцованный сюжет.
...Есть вечер, а дорог не то чтоб нет:
то в чей-то Рим, то в мрак чужого храма.

ОДИЧЕСКОЕ

Еще жевали жадно лагеря
во тьме плоды стукаческой работы,
еще вождем гордились нищebroды,
еще врачи усердствовали зря...

А оттепель уже кропала оду
в остывшие багровые моря
на смерть душелишенного царя,
на жизнь богалишенного народа,

имеющего веру в щит и меч.
С акцентом был финал «До новых встреч,
не плачьте, ненадолго обнищали:

вернется на хребты отцовский кнут,
когда потомки сами призовут:
– На выход, преисподняя... С вещами».

У ВЫВЕСКИ

Меж ярлыками «сволочь» и «простак»
поэт гоняет клевету по вене.
У вывески по «сучьему веленью»
собачий вальс разбил рояль в кустах.

А впрочем, каждой твари – по арене:
друзья в лицо, с досадой на устах,
мне столько раз пророчили не встать,
что в спину нож – почти благословенье.

Пускай враги хоть где-нибудь икнут!
Сгибает брутов ныне быта кнут
(да будет им, что вставить в завещанье).

Зато скулит бездомная вина,
пославших и ушедших имена
из забытья случайно возвращая.

О ГРОЗЕ И ЧЁРТЕ

Одну б грозу! Такую, чтоб в печали
от сорванной подковы чёрт хромал –
бойцовских туч любитель-экстремал,
затертый меж свинцовыми плечами!

Одну б грозу – и шанс не так уж мал
(как девять грамм – непрошен и нечаян)
друг друга приштормить и опричалить,
и то открыть, что в штиле б чёрт не дал!

Лукав стервец: «К чему слова большие?
И так не даст ни форы, ни сфальшивить
из облаков и душ иконостас».

...Одну бы на двоих грозу над нами,
чтоб волю неба чувствовать губами.
Но, нет. Жара. И шрамы – напоказ.

ПОЛЫНЬ. СЕМЕЙСТВО АСТРОВЫХ

Всё, как желали: ни пера, ни пуха,
ни чучела палящим по любви...
Полынь-трава, сестрой меня зови:
мы сорняки, садовникам – непруха.

Когда июнь, неверный визави,
вливает ночью яд бессмертья в ухо,
пахни в окно своим горчащим духом,
от сладкого трезвона отрезви,

пока не отрезвила чья-то проза –
уж лучше ты, дитя семейства звездных.
...Во временно заснеженном раю,

где выюгами испытывают веру,
тобою полный, пусть напомнит вермут
те речи, что нашептывал июнь.

ВИЗАЖНОЕ

...А маятник судьбы на волоске
с короткой стрижки ночи. Амплитуда
невелика. Сюда-туда-оттуда.
По точкам «не с кем», «незачем», «ни с кем».

И в пульсе светофорно-изумрудном,
и ямбом, поднывающим в виске:
«тоска тоски тоскою о тоске» –
за час по десять раз ежеИудно.

Не все ль равно. Меж дней, людей и стран
лишь маятник. И он вгоняет в транс.
И если просьба есть, то только к ночи:

хотя б немного патлы отрастить,
поскольку срок, отпущенный на стих,
и так неимоверно укорочен.

ДАЧНОЕ. БЛЮЗОВОЕ

В какие игры жизнь тебя продела,
шестерка ты на службе или туз,
фазенда – край заштопанных рейтуз,
дух укротит особой позой тела.

Рабу весны своих не сбросить уз –
паши, пока спина не потемнела!
До остеохондроза мало дела,
покуда дачных дел блаженный груз

пригнул к земле с утра и до упада...
Хозяйский блюз цветения – награда,
и музыканты в белом каждый год:

что облака, что яблони, что вишни.
А сотворивший чудо – как бы лишний,
безропотен не менее, чем горд.

ДАЧНОЕ. НЕБЛЮЗОВОЕ

Пора грибов?.. Накрылся карантин,
и дачный дзен озвучен медным тазом.
Накрылось ожидание заразы,
от апокалиптических картин

грядущего, осточертевших глазу,
остался разве только сон один –
о том, что сдуру выживший кретин
за всех кровососущими наказан.

А наяву не жаль любой щеки
подставить. Подзатыльники, шлепки
летят себе же – от себя и щедро.

Природа-мать с любовью в нас глядит:
равны пред нею доктор и бандит...
Но не равны по методам отмщенья.

ДЖОКЕРСКОЕ

В колоде быть любому близнецом –
и никому не быть при этом равным...
Надкол ребра не посчитают раной,
взглянув однажды джокеру в лицо.

И кажется, три ночи слишком рано
для дамы под вуалью и с кольцом...
И, может, повезёт, в конце концов,
случайной гостье тертых ветеранов.

Пройдохе и хитрюге каждый рад:
скачи себе с расклада на расклад,
хоть в полный дом к тузам, хоть третьим к паре.

Лишь не цепляйся за чужой надлом...
Неплох финал игры – но поделом
быть унесённым в сумочке – на память.

СОЮЗНОЕ

Мы столько лет не виделись, что я
не отличу – встречались или снились.
Из всех союзов выживает «или»
да смысловые чаши по краям.

Он из глагола прошлого «люб-или»,
отбитый кирпичом наречья «зря»...
И вот когда за столиками в ряд
богемский люд скучает по промилле,

весы кренятся к «сну». И сон дурной.
Уравновесить можно ерундой
(не новой и которой нет корявей) –

иллюзией всезнанья наперёд.
Союз из окончания замрет,
склониться не осмеливаясь к яви.

БЕССОННОЕ

Уставши доверять дверной подкове,
и в свете белом быть совсем не той,
устраиваю игры с темнотой –
предутренней, как растворимый кофе,

такой же непроглядной и густой,
зовущей бунтовать и леприконить.
...Кому везёт – лафует на приколе,
кто проиграл – тот, преданный фартой,

уходит на фу... в дальние края.
И до сих пор выигрывала я,
нерастворимой оставаясь чаще.

Но нынче мрачный омут кофия
ржет: «В заподковье очередь твоя» –
и скалится из недопитой чашки.

ПАРАФРАЗ. ПОЭТАМ И НЕ ТОЛЬКО

Я из камня и глины.
Если скалится дно,
знаю: имя – Марина
для поэтов – одно.
Не рассмотришь в бинокли
день, что льнет к сентябрю,
где и занят, и проклят
в тьме елабужской крюк.

И ни осы, ни оси
строк – не сняли беду.
Что Вы видели, Осип,
в агональном бреду?
Так уж выпала зара,
не на ход – за края:
в соловецких кошмарах
замерзала не я.

Рок, Иосиф, прохлопан!
Страшный век ослабел...
Лишь судили холопы
не подобных себе.
Что ж, во всем не по росту,
в тайне вымерших трасс
на Васильевский остров
прихожу вместо Вас.

ОСЕННЯЯ ПОРА

В золотом шитье приходит осень.
Осталось лето где-то позади.
Серебряную изморось разносят
По лужам длинноногие дожди.

Осенняя пора – пора печали!
Я в её тихой грусти растворюсь,

И в мыслях, что от суеты устали,
Я с тайной тишины соприкоснусь.

Там в тишине, в огромной синей зале,
Блуждают не приснившиеся сны,
И эхо слов, которых не сказали,
И не осуществлённые мечты.

Цыганка-осень, нагадай как надо,
Уверовать в любовь мне помоги.
Там в тишине, шуршащей листопадом,
Услышу ль я знакомые шаги?

В ПРИРОДЕ ОСЕНЬ, А В ДУШЕ ЗИМА!

И вот опять приходит осень –
По ей лишь ведомой тропе,
И золотая в листьях проседь
Напоминает о тебе.

Твоих волос седая прядка –
Судьбы несдержанной печать.
Не всё в любви бывает гладко,
Но можно снова всё начать.

Как ты когда-то в мою дверь,
Стучится осень ненароком.
Где ты теперь, где ты теперь?
Как без тебя мне одиноко!

А осень бродит в старом парке
И кружит нашу карусель.
В природе, в общем, всё в порядке,
Ну, а в душе метёт метель.

Зима лютует в моём сердце,
И холодно душе моей.
Нет в мире места, где б согреться
Я мог бы без любви твоей.

Как ты когда-то в мою дверь,
Стучится осень ненароком.
Где ты теперь, где ты теперь?
Как без тебя мне одиноко...

ПРОЩАНИЕ С ОСЕНЬЮ

Пейзаж дописан черно-белой тушью,
Иссякло золото в палитре дня.
Деревья голые, как женщины под душем,
Купаются под струями дождя!

На склонах гор туманов влажных просинь
Опавших листьев гасит огоньки.
И так печально угасает осень,
Сгорая в серых всполохах тоски!

Всё опустело, холод дышит в лица,
Дожди-танцоры выстроились в круг.
Спешу домой, чтоб с головой укрыться
В объятьях тёплых вечно ждущих рук.

Чтобы не видеть, как уходит осень
Из старых улочек, из памяти людской.
Как будто мы и не встречались вовсе
С волшебницей в накидке золотой!

Как будто бы не ей, золотокудрой,
Писались оды кистью и в стихах!
Не ей ли, столь таинственной и мудрой,
Мы исповедовались в собственных грехах?!

Мне говорят: «Что за беда такая?
В свой срок вернётся осень, как всегда».
Да нет же, нет! Придёт совсем другая,
А с этой мы простимся навсегда!

Неповторима осень, как и люди,
Как лес, звенящий в полдень птичьей трелью,
И Мона Лиза, и лохматый пудель,
И голос милый за заветной дверью!

*Юрий ТХАГАЗИТОВ,
доктор филологических наук*

АЛИ ШОГЕНЦУКОВ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС XX ВЕКА: ШТРИХИ К НАУЧНО-КРИТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Светлой памяти Н. С. Надъярных

*Опусти оружие, дай мне сказать,
Я тоже сын человеческий...*

Али Шогенцуков

А. А. Шогенцуков

Творчество Али Шогенцукова всегда являлось объектом пристального внимания литературоведов и критиков. Пожалуй, нет ни одного адыгского автора, чьи тексты анализировались бы так же часто, ни одного автора, цитаты которого служили аргументами в столь широком диапазоне научно-гуманитарного поиска.

Доподлинно мы не знаем реального статуса Али Шогенцукова в глазах его современников – не весь Северный Кавказ был в восторге от идеологической, культурной среды новой Советской России. К тому же А. Шогенцуков выступал одним из активных деятелей, формировавших этот незнакомый, насыщенный внутренними конфликтами контент. По сути дела, противоречивое духовное пространство, актуализированное жёсткими границами идеологических норм, в которых жила и функционировала мысль адыгского художественного (культурного) сознания, официальная востребованность концептуалистики кабардинского поэта на протяжении всех десятилетий существования СССР явились причиной того очевидного обстоятельства, что и в недавнем прошлом, и по сию пору фигура Али Шогенцукова представляет собой некий непостижимый бинарно-виртуальный образ. В первой и уже привычной своей ипостаси – это некая умозрительная фигура, относящаяся, скорее, к ряду многочисленных идеологов советского общества и положений теории социалистического реализма; во второй – творческая личность, мотивацию, уровень одаренности, систему ценностных

критериев и эстетических стандартов которой попросту обходят фигурой традиционно почтительного умолчания.

Национальное своеобразие писателя и, тем более, его индивидуальность человека и творца оказались подменены его функциями провозвестника нового мира, проводника новой идеологии, иногда реализованными в обличениях этнического прошлого, причем, не всегда правомерными.

Тем не менее, сейчас уже ясно, что фигура А. Шогенцукова не может расцениваться как своеобразная форманта, ангажированная на уровне советской культурно-генерационной тенденции. Десятилетия живого читательского интереса к его произведениям, сохранение суггестивного потенциала его текстов даже в пространстве современной адыгской культуры и художественной словесности – свидетельство его индивидуальной значимости, его масштабного мышления и глубокой интегрированности в структуры адыгского этноментального сознания и национально-языковой стихии.

Основатель и главная действующая фигура советской кабардинской литературы начальных этапов ее становления и развития, ученик баксанских просветителей, вне всякого сомнения, сохраняет свою эстетическую актуальность именно ввиду органической связи со значимыми структурами мифоэпического сознания, «религиозно-бессознательного» мышления, национальной специфики художественной рефлексии. И важно, что Али Шогенцуков в новых условиях демифологизирует адыгский этикет – «духовную конструкцию бытия», с его цикличностью и полнотой восприятия национального бытия, распавшегося под натиском «чужой» истории. Отсюда его этико-эстетическая рефлексия и «своя» оппозиция к национальной истории, определившая для поэта «эсхатологическое» направление его творческой эволюции в контексте противоречивой всемирной цивилизации. Али Шогенцуков понимал, что столь сложная задача – вписаться в «красные тридцатые» – может быть решена только в том случае, если, создавая новую для этноса картину мира и осваивая литературные традиции русской и европейской литературы, он сумеет, тем не менее, остаться национальным поэтом.

Али Шогенцуков вбирает в свой художественный мир представления и структуры развитых литератур и выстраивает его по координатам непреходящих этико-эстетических традиций и ценностей, верность которым он переводит, как и национальную литературу, не в «идеальное» эпически-циклическое, а историческое измерение.

Но в утверждённой Али Шогенцуковым национальной поэтике все же ощущается некоторая «разорванность» художественного сознания и восприятия эпической полноты бытия народа. И эту тенденцию в кабардинской литературе, развивая традиции эпопеи

«Камбот и Ляца», преодолевает А. Кешоков на следующем этапе развития литературы – в дилогии «Вершины не спят», где автор «возвращает» национальной культуре эпически целостное мировосприятие, в которой по-новому озвучиваются все звенья национальной традиции.

Плодотворным путём осмысления-переосмысления наметившейся идеологизации литературы первой половины XX века была трансформация поэтической рефлексии А. Кешоковым в пределах конфликтной модели: именно в его произведениях наметился, а затем и оформился переход от обобщенного коллективного «мы» к условно-индивидуальному «я».

Условно-индивидуальное «я», как опосредованная форма «мы», обязательная «высокая» тематика, проблематика, пафос и обращение к рефлексии коллективного характера превалировала в кабардинской литературе вплоть до начала творческой деятельности Зубера Тхагазитова.

Подчеркнём, что мировоззренческое состояние кабардинской литературы зафиксировано ещё в творчестве А. Шогенцукова; взгляды первого кабардинского советского поэта, будучи в высокой степени инкорпорированы в общие модели социалистической витальности, всё же полностью определялись диалектикой «линейной» и обратной эволюции соотношения *миф – эпос – этика: этика – эпос – миф*. Поэтому проблема теоретического освоения институциональных основ национальной специфики, взаимообусловленности долитературных и литературных традиций продолжает оставаться основополагающей для адыгской гуманитарной мысли.

Дело в том, что к середине-концу XVIII века, как героический эпос, так и феодальная адыгская соционормативная культура достигают пика структурного развития, а это, естественно, предполагает и начало процессов их угасания. Последние, как следствие социального кризиса, порождают два равнозначных, равновеликих в контексте национального художественного сознания устремления: личностное сознание, в поисках идеологического фундамента осмысливающее эпическую историю народа (Ш. Ногмов), и индивидуализации эпического сознания с его закрепившимися в фольклорно-религиозном мышлении самодостаточными центростремительными тенденциями (цикл сказаний о Жабаги).

Национальная литература, во многом, условно, конечно же, но вполне очевидно разветвляется на две основные художественно-стилевые тенденции развития, каждая из которых сформировалась под несомненным влиянием основоположника кабардинской советской литературы: а) *миф – эпос – этика*: героический эпос «Нарты» – Шора Ногмов – Али Шогенцуков – Алим Кешоков – Руслан

Ацканов («эпическое мифологизирование»), б) *этика – эпос – миф*: цикл сказаний о Жабаци Казанок – Бекмурза Пачев – Али Шогенцуков – Зубер Тхагазитов – Сафарби Бейтуганов – Хабас Бештоков – Афлик Оразаев, где творческая индивидуальность переосмысливает мифоэпическую традицию культуры на уровне «индивидуального мифологизирования». Синтез обозначенных художественно-стилевых тенденций реализуется в произведениях «первых среди равных» творческих индивидуальностей, однако при неоспоримом и активном участии писателей «второго ряда». При этом выделенный, дифференцированный анализ национальной этики позволит нам более аргументировано обосновать направление развития творчества Али Шогенцукова и инициированных им эволюционных линий современной кабардинской литературы.

Важно проанализировать еще одну сторону соотношения *миф – эпос – этикет*, имевшую для новописьменных литератур немаловажный характер – это миф творимый сознательно. Сложное соотношение мифа народного и мифа творимого является характерным не только для новейшей западной прозы, но и для многонациональной литературы Советского Союза, правда, не столько в творческом плане, сколько в плане социальной и политической адаптации. И не всегда интеграция различных генерационных эстетических начал интенсифицировала литературный процесс. Так, взаимодействие двух типов мифологизирования («эпическое» и «индивидуальное мифологизирование») в кабардинской литературе часто ограничивало диапазон восприятия действительности, подчеркивая несоответствие движения национальной истории изображенному национальному миру, замыкая последний в конвенциональных границах псевдогармонии природного и социального. Сегодня такие негативные тенденции в новописьменных литературах преодолеваются различными способами, но в первую очередь – полемикой с устоявшейся в 60-80 годы XX века литературной традицией. Движение литературы от идеологически целостного восприятия к его «разрушению» не является целью дискуссии эстетических стандартов, в прямой и опосредованной форме ведущейся вот уже более четверти века, но даже в контексте буквального восприятия «ускоренного развития литературы» появление в кабардинской литературе такого произведения, как «Каменный век» (1985), казалось далекой перспективой.

Однако уже к началу 80-х годов прошлого века в кабардинской поэзии сложилась сколь парадоксальная, столь же, по всей видимости, типичная для новописьменных литератур ситуация. Национальные авторы, пытаясь вырваться из оков эстетических доктрин «развитого социализма» основным средством видели фольклор, обращение к

формантам устного народного творчества, справедливо полагая, что наиболее архаичные из них лишены не только идеологического, но и социального содержания.

Тем не менее, опыт социалистических литератур свидетельствует – прессинг государства обусловил проникновение в тексты советского периода (явление, чётко наблюдаемое, по меньшей мере, до начала 80-х) именно идеологически переосмысленных элементов, начиная от сюжетных схем и заканчивая точечными характеристиками героев. В произведения проникали, прежде всего, структуры, выступавшие аргументами идеологических деклараций: образы героев-борцов за социальную справедливость, секуляризированные в соответствии с официальной эстетикой символы, идеоматика крестьянской среды.

Система художественных ценностей (не только их – в равной степени это касалось и исторических представлений народа, и его этнораритетов), фактически, пришла к тому положению, при котором существенной становилась лишь оценка используемого образа, его соответствие-несоответствие стандартам идеологического плана. Сами принципы модальной идентификации описываемого при этом не менялись. Использование фольклорных элементов становилось компонентой идеологии – традиционной советской в большинстве случаев – либо оппозиционной идеологии осознанного этницизма. И в том, и в другом случае структуры народной словесности функционировали на концептуально-понятийном уровне, практически не влияя на суггестивный потенциал и художественную достоверность текстов, фольклорные апеллятивы, превратились, по сути дела, в разноплановую, но, по существу, идеологическую атрибутику. Необходимость отказа от понятийной – социально и национально значимой – интерпретации прямых и косвенных заимствований из фондов устного народного творчества стала очевидной уже к концу 70-х годов.

Важность преодоления инерции деидеологизации национальной литературы и творческой полемики Х. Бештокова, начатой в «Ракетодромах» и нашедшей законченное воплощение в «Каменном веке», в этом смысле очевидна и однозначна. Автор намеренно и осознанно дистанцировался от национального обозначенного и, одновременно, от социального подхода, уведя событийное и объектное поле произведения в доэтническое и, разумеется, досоциальное бытие человека.

Как справедливо заметила Ф. Урусбиева, «Каменный век» – это «борьба двух доисторических племен, дореев и эминеев, которые существуют в поэме не в исторической и национальной определенности, а как архетипы будущих народностей».

Поэтическое своеобразие романа-мифа «Каменный век», как этапного для национальной литературы явления, есть результат органичного синтеза анимистической языковой стихии, по сути своей явившейся первоэлементом новой художественности, с западным опытом «индивидуального мифологизирования». Творческая полемика с национальной классикой, поначалу являвшаяся необычной формой связи с традицией, по несчастью или к счастью, вылилась в дальнейшем творчестве Х. Бештокова (уже в далеко нешогенцуковско-кешоковские времена) в затянувшееся раздражение видом пизанской башни соцреализма.

Ещё одним вектором развития кабардинской поэтической мысли, заложенным Али Шогенцуковым и оказавшим решающее влияние на формирование новой художественности, оказался процесс «стяжения» пространственных поэтических и повествовательных жанров в национальной литературе. Наиболее показательные его образцы сконцентрированы в лучших афоризмах и миниатюрах С. Бейтуганова, преодолевшего «фольклорный реализм» в русле традиционных аксиологических ориентиров ярче и значимее, чем целая когорта авторов жанрово несостоявшихся многостраничных романов и поэм. Самое удивительное – его тексты нельзя расценивать как чисто литературное явление новой генерации, они полностью сохраняют свой этический, дидактический и рекреативно-жизненный потенциал, являя собой концентрированные резюме, сделанные по реальным наблюдениям за сегодняшней действительностью. Подтверждением сказанному может служить удивительное соответствие миниатюр тем или иным моментам современного общежития. Например, афоризм «Написанное им (писателем. – Ю. Т.) уже давно на том свете, а он продолжает влачить свое существование на этой грешной земле», можно оценить, как едва ли не самое действенное замещение живой критики, отсутствием которой литература КБР страдает практически четверть века. И при всей, порой кричащей, противоречивости некоторых публикаций С. Бейтуганова на самые различные темы, они отмечены главным – «духом сомнения», преодолением зависимости от однозначной фольклорной логики. Его лучшие эссе и афоризмы – это творческая полемика с идеализацией «светлого» прошлого, индивидуализации традиционного общественного сознания, но в абсолютно определённых и жёстких формальных и этико-эстетических границах этого самого прошлого и традиционного. По большому счёту, С. Бейтуганов реализовал одну из ресурсных возможностей национального эстетического мышления, и причудливый синтез новационного смысла его миниатюр и их этической дидактики в высшей степени ожидаем. Ожидаем, ибо в кабардинской литературе соотношение *миф – эпос – этикет*

зримо определяет её эволюционный мейнстрим, и, закономерно, не исключается возможность совпадения и неразрывного переплетения различных типов художественного сознания и различных художественно-стилевых тенденций, которые могут взаимодействовать как в художественном мире одного писателя, так и в структуре одного литературного произведения.

К ряду пиковых достижений кабардинской лирики в полной мере должно отнести и поэзию Р. Ацканова, с ее нетривиальными визуальными трактовками национальных образов. Его колористика, равно как и ощущения от описываемых объектов, отмечены странной и совершенно неожиданной тягой к единению, казалось бы, взаимоисключающих качеств – контрастное противопоставление цветов, предельный кларизм в их употреблении с доминирующим предпочтением очевидных спектрально-чистых тонов и, одновременно – текучесть, пластичность и размытость восприятия в процессуальных режимах. Взгляд Ацканова, в этом плане, одинаково чуток и к жёсткой линии горизонта, видимой им в полной однозначности соотношения «светлый-тёмный», и к переливающейся пастели цветов, мимо которых протекает взор поэта на пути к месту соединения земли и неба.

В определённом смысле слова можно утверждать, что лирика Р. Ацканова замыкает одну из упомянутых эволюционных линий кабардинской поэзии, и весьма показательным видится то обстоятельство, что в некоторых базовых чертах она весьма близка текстам Афлика Оразаева – столь же очевидного носителя характеристик альтернативного вектора развития национального художественного слова. Ему так же свойственны сочетания колористических контрастов с зыбкостью и переменчивостью цветовых картин. Оба поэта болезненно равнодушны к ключевым пространственным концептам, переходящим в бесспорные сензитивно-маркированные образы, природа которых синтетически объединяет не только устоявшиеся в художественном сознании материальные атрибуты национального Универсума, но и осуществляют нетривиальный переход от представления-объекта к представлению-процессу – с соответствующими, естественно, нюансами возникающих при этом переходе смыслов. И с этой точки зрения стабильные ориентиры Вселенной в текстах обоих авторов рефлекторно равнозначны эфемерным сущностям, передающим своё непостоянство окружающему миру, Космосу, в целом. И посему, семантически неоднозначные концепты Ацканова и Оразаева, как и феноменологические «текущие» объекты («дождь», «снег», «свет», «ветер» и др.) – не просто индивидуальные слепки с реалий бытия. Их зыбкость – по крайней мере, в одной из ипостасей – тревога поэтов о будущем.

Это, прежде всего, ощущение неустойчивости и хрупкости национального бытия, аутентичного этнического существования, и уязвимость такового ощущается Ацкановым и Оразаевым как незащищённость мироздания в целом. Именно в произведениях этой плеяды – во многом завершающих целую череду трансформаций кабардинского эстетического мышления, появляются выраженные апокалиптические мотивы, столь редкие для авторов новописьменных литератур. Можно долго рассуждать на тему тематической универсальности развитых и неразвитых литературных систем, но отрицать очевидный и бесспорный философский посыл некоторых поэтических текстов не приходится:

*«Ни закатов, ни ярких восходов,
Ни назад, ни вперед – ни следа,
Лишь стенает теперь непогода
На тропе, что ведет в никуда».*

Глобализационные процессы, столь противоречивые для традиционных культур – явление объективное. На этапе очевидного кризиса традиционной кабардинской культуры возвращение к опыту литературной классики, творчеству Али Шогенцукова, конечно же, является необходимым шагом. Ведь именно он сумел интегрировать национальные этические и эстетические модели в систему унификации и нивелировки идеологической и политической реальности первых лет Советской власти – в сущности, встроился в современный ему глобализационный процесс и открыл национальной культуре новую парадигму её функционирования. Именно поэтому логику развития национально-художественного мышления в кабардинской литературе следует рассматривать как эволюционный процесс, тотально соотнесённый с творчеством Али Шогенцукова и мировой литературой «полями соответствия» различной временной протяжённости, эстетического и идеологического качества.

Адам ГУТОВ,
доктор филологических наук, профессор

ВЫСОКАЯ ЧЕСТЬ

Х. И. Баков

Признано, что достаточно полную информацию о человеке может дать официальная справка, называемая в обиходе объективкой. Но не всегда это так. Вот, например, данные из одной такой справки.

Баков Хангери Ильясович – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный деятель науки КБР И КЧР, член Союза писателей России.

Родился в 1940 году в ауле Жако Карачаево-Черкесии.

В 1942 году в боях за Сталинград погиб отец. Мать, рядовая крестьянка, осталась с тремя малышами на руках.

Младшие классы окончил в сельской школе, а в 1956 г. был определен в областную школу-интернат – как сын погибшего участника Великой Отечественной войны. По окончании школы 2 года работал в строительной бригаде совхоза.

1961–1964 – служба в Советской Армии.

1964–1969 – учеба в КБГУ – Историко-филологический факультет, специальность – филолог, преподаватель кабардино-черкесского и русского языков и литературы.

1969–1973 аспирантура Института мировой литературы Академии наук СССР, написание кандидатской диссертации и успешная защита.

1973–2004 – ассистент, преподаватель, далее последовательно – доцент, профессор, заведующий кафедрой, декан факультета, директор Института филологии Карачаево-Черкесского государственного педагогического института (позднее – Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Алиева).

С 2004 г. по настоящее время – ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

Автор пяти монографий, сборника избранных статей по литературе, более сотни других научных трудов, в их числе участие в фундаментальных коллективных работах «Адыгская энциклопедия», «История кабардино-черкесской литературы» в двух томах, доклады

на многих региональных, всероссийских, всесоюзных, международных научных форумах в нашей стране и за ее пределами, публикации в солидных отечественных и зарубежных научных изданиях.

Подробно не упоминаю о таких видах деятельности, как создание многочисленных учебных пособий и программ, участие в составлении школьной программы по кабардино-черкесской литературе, а также членство в межвузовских комиссиях и квалификационных советах всероссийского масштаба. Вклад юбиляра в каждую названную область неординарен. Даже и самого подробного перечисления было бы недостаточно для того, чтобы создать портрет человека, дать полное представление о том, что сделано им за несколько десятилетий плодотворного труда. Для этого нужно самому увидеть тот след, который человек проводит по целинному полю под названием жизнь.

Еще в студенческие годы Хангери выделялся из нашей общей среды масштабностью и оригинальностью мышления, а это, как считают психологи, явные признаки таланта. Он уже тогда целенаправленно изучал не просто общий курс литературы, а ее природу и отличительные особенности каждого автора. «Ему повезло с удачно выбранной темой», – говорят иногда о человеке, если он успел все вовремя выполнить и получить соответствующую высокую оценку своего труда. Но выбор темы это не лотерейный билет – ее актуальность и перспективность требуется увидеть, даже логически бесстрастно вычислить. Для этого нужно уповать не на слепую фортуна, а на ясность собственного ума, глубину знания проблематики, широту общего кругозора. Перспективность того или иного направления в науке умеет почувствовать только тот, кто в ней хорошо разбирается изначально. Вот и Хангери Ильясович, попав в аспирантуру, не гадал на кофейной гуще, какая тема выпадет, а сразу же принялся за решение очень интересной и очень мало изученной проблемы – роли творческой индивидуальности в становлении и развитии новописьменной литературы адыгов. На примере анализа творчества нескольких поколений адыгских поэтов и писателей он блестяще исследовал основные закономерности влияния яркой творческой личности на процесс фактического возникновения и развития литератур, которые именуются новописьменными, а вернее – начали формироваться и интенсивно развиваться только в конце XIX начале XX столетий.

Сказать по правде, отечественное литературоведение, как и вся официально признанная эстетическая теория, несколько десятилетий находилось в состоянии вялотекущего кризиса, обусловленного без всякой меры жесткой привязкой его теоретических постулатов к так называемой формационной теории. Предложенный Баковым

ракурс исследования вписывался в русло довольно корректных, но продуктивных попыток преодоления этого кризиса. Не скажу, что мой коллега и старый товарищ был первым, кто обратил внимание на данное явление, но он оказался одним из первых, кто с дотошностью настоящего ученого исследовал индивидуальные феномены в контексте всей истории национальной литературы. Суть его концепции начиналась с признания объективных законов развития искусства и литературы, общих и для народов с многовековыми письменными традициями, и для тех народов, которые волею судеб обрели письменность сравнительно недавно. Но при этом особое внимание акцентировалось на следующем суждении: не только время выдвигает достойных его личностей, но и сами личности играют важную, а иногда и решающую роль в выборе путей эволюции словесного искусства, всей совокупности его видов вообще и даже всего общества на определенном историческом этапе. Избранный ракурс изучения оказался настолько интересным и перспективным, что в его русле можно сделать не одно и не два конкретных исследования. Неудивительно, что Хангери Баков написал на эту тему не только первую большую квалификационную работу, он и докторскую свою посвятил дальнейшим и более глубоким разработкам проблемы личности и объективных законов эволюции адыгских литератур. Площадь небольшой статьи не позволяет развернуть обстоятельный анализ оригинальной концепции ученого, хотя литературоведение относится к таким научным дисциплинам, которые должны быть доступны широкому кругу читателей. Да и большой необходимости в том здесь может и не быть, достаточно отметить главное – что теоретико-методологические принципы, выработанные профессором Х. И. Баковым, признаны актуальными и состоятельными во всей отечественной гуманитаристике. Свидетельством тому служат не просто комплиментарные, а сугубо научно-оценочные отзывы многих ведущих литературоведов страны и высокая частотность ссылок на его труды.

В наше время редко какой уважающий себя исследователь истории литературы народов Северного Кавказа обходится без опоры на те обобщения и выводы, которые сделаны в статьях и монографиях профессора Х. И. Бакова. Естественно, без учета его трудов и его основополагающих выводов невозможно написать обобщающее научное исследование в области истории и теории нашей национальной литературы. Невозможно также без апелляции к его статьям и книгам представить себе исследование творчества таких корифеев, какими являются Бекмурза Пачев, Тембот Керашев, Алим Кешоков, Алим Ханфенов, Исхак Машбаш, Хабас Бештоков,

*Черкесск, 1996 г. После съемок на телевидении.
Впереди слева: Х. М. Хапсироков, А. Х. Загаштоков, Х. И. Баков,
М. К. Добагов; сзади справа налево: Х. Шебзухов, Х. Готов, З. Жерештов,
Ф. Шебзухова*

Борис Утижев и целый ряд других знаковых фигур адыгской национальной словесности.

Довершая характеристику заслуг юбиляра в области научных изысканий, никак нельзя отдельно не упомянуть сделанного им вклада в литературоведение за последние полтора десятилетия с небольшим, с той поры, как он перешел в исследовательское учреждение из вуза, где подготовке новых кадров было отдано более трех десятилетий. За это относительно короткое время им написано три монографические работы, порою совершенно разные по тематике, но близкие по духу – исследование многогранного художественного дарования одного из самых ярких представителей национальной литературы второй половины XX века Бориса Утижева, исследование творческого своеобразия крупнейшего адыгского поэта и писателя Исхака Машбаша, а также историко-литературный и теоретический труд, посвященный природе сатиры и юмора в адыгских литературах. И то, и другое, и третье – это значительные вклады в национальное, кавказское и в целом всё отечественное литературоведение. Кроме того, он принял самое деятельное участие в завершении ранее начатой двухтомной истории кабардино-черкесской литературы. Здесь он выступил и в качестве автора, и в качестве одного из трех членов редколлегии. Весьма лестные и, надо признать, вполне заслуженные

*Профессор Баков и президент КБР
Арсен Каноков после вручения звания
«Заслуженный деятель науки КБР».
Январь, 2013 г.*

высокие отзывы получил выпущенный им в эти же годы сборник избранных статей, посвященных актуальным проблемам истории, нынешнего состояния и перспектив развития национальных литератур в современном мире.

Однако возвратимся к годам, проведенным в Карачаевске. Только появившись в стенах вуза, он уже обратил на себя внимание как блестящий оратор и разносторонне образованный специалист. Без этого, пожалуй, было бы невозможно читать лекции по таким совершенно разным темам, как родная кабардино-черкесская литература, лите-

ратура народов страны, русский фольклор, современная зарубежная литература. Как он читал, об этом можно судить по тому, что начальство быстро заметило его и стало охотно водить приезжающие с проверкой комиссии именно на его занятия. Но заметило его и более высокое начальство: его стали включать в состав разных комиссий федерального министерства, и благодаря этому Х. И. Баков побывал во многих крупных учебных заведениях страны. Побывал не просто с ревизией, а еще и с огромной пользой для себя – в плане обмена передовым опытом. Примечательно, что однажды, было это в Ульяновске, он так блестяще провел мастер-класс по творчеству французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери, что из трех десятков конкурсантов оказался одним из трех, которые получили высший балл. Став руководителем факультета, а позднее – института в составе университета, он сумел поставить работу таким образом, что его подразделение всегда выходило на первое место среди других. Хангери Ильясовичу принадлежит также заслуга создания первого в Карачаево-Черкесском госуниверситете специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по литературе. Благодаря этому десятки молодых специалистов получили возможность писать и защищать свои диссертации, не ломая себе головы над тем, куда бы поехать и кого бы попросить о помощи. В деле подготовки национальных кадров это было бесценным подспорьем. Вот из таких и множества других дел общественного и государственного

масштаба составлялся авторитет ученого и педагога. Впоследствии знаками признания их явились те официальные награды и почетные звания, которые сами по себе не всегда способны дать полное представление о значении незаурядной личности, а могут лишь дополнить портрет очень важными штрихами. Но чем мы ближе знакомимся с такими людьми, тем больше понимаем, что и за громкими званиями, и за не очень частыми награждениями стоят годы напряженной и продуктивной работы, без которой жизнь общества так и осталась бы в черно-белом отражении.

Говорят, представители гуманитарных дисциплин достигают поры интеллектуальной зрелости в довольно преклонном возрасте, потому что здесь огромную роль играет жизненный опыт в сочетании с теоретическими познаниями. Возможно, это не совсем так, потому что история знает примеры того, как блистательные знания и глубокие научные обобщения делались людьми довольно молодыми. Но что касается Хангери Ильясовича, то в свои восемьдесят он полон и новых идей, и энергии, достаточной для их воплощения.

Умный читатель, конечно же, с полным на то основанием волен упрекнуть меня в чрезмерной идеализации своего друга и коллеги. Признаюсь, я сознательно пишу только о достоинствах, хотя никто из нас не ангел небесный. Но мне думается, мы нередко и сами готовы представлять себя меньше, чем мы есть, и товарищей своих боимся перехвалить. На самом деле каждый крупный ученый в ответе перед обществом, в особенности за те области деятельности, которые он

*Международная конференция, г. Майкоп. 11 октября 2014 г.
С л е в а н а п р а в о: Б. М. Берсиров (РА), А. К. Тхакушинов (президент РА),
Т. Б. Джамбекова (ЧР), К. Г. Шаззо (Майкоп), Р. А. Ибрагимов (Дагестан),
Х. И. Баков (Нальчик)*

сам избрал сферой своей компетенции, потому что всё, что он в этой сфере сделает – хорошо или плохо, – будет маркировано его именем, а что не сумеет, никто другой, возможно, не сумеет никогда. Хангери Ильясович один из таких специалистов, которые живут с чувством ответственности за накопление знаний. Поэтому при оценке личности его человеческие слабости не главное. Многолетняя дружба с ним позволяет мне признать его, пусть и со всеми слабостями, надежным и верным товарищем, готовым при надобности отдать другу последнее, не задумываясь над тем, с чем он сам останется и как будет жить. За свою жизнь я сталкивался со многими людьми. Одни остались в моей благодарной памяти, многих я без сожаления сам вычеркнул из своей жизни, с некоторыми остался в приятельских, но не дружеских отношениях. Хангери за долгие годы – с середины 60-х годов и до наших дней – ни разу не дал повода усомниться в своей высокой порядочности, и поэтому я горд, что сумел быть достойным его дружбы.

Незаметно для себя мы из молодых начинающих превратились в среднее, а затем и в старшее поколение. Это превращение обозначено для него не просто прибавлением в возрасте, но также монографиями, статьями, докладами на научных конференциях разных уровней, диссертациями, которые даются только упорным галерным трудом. И только вдогонку за этим следуют научные и почетные звания, награды, иногда и общественное признание. Также этот труд вознаграждается множеством учеников, самые одаренные из которых пошли по стопам своего наставника и сами уже защитили кандидатские и докторские диссертации. Никому не дано знать, сколько нам отмерено жить на этой земле, и здесь последнее слово, увы, не за нами. Наш юбиляр принадлежит к быстро редющей, быть может исчезающей, когорте интеллектуалов, которые всю жизнь учатся, постигая мудрость жизни не только из книг и интернета, но и из живой действительности. К настоящему времени у него накопился огромный потенциал знаний и опыта, который ничем заменить невозможно, и ни в одной иной голове его не может быть. Не может, потому что каждый человек индивидуален, каждый копил свои знания и свой опыт всю свою жизнь. А накопленное такими людьми во все века было уникальным багажом всего общества. Поэтому и хочется, чтобы знания моего друга, его умение, его доброта, обаяние и высокая порядочность еще многие годы были активно действующей силой.

*Людмила ХАВЖОКОВА,
к.ф.н., старший научный сотрудник
сектора литературы КБИГИ*

ГРАНИ ТАЛАНТА

Известный ученый-литературовед, педагог, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшей школы России, заслуженный деятель науки КЧР и КБР Хангери Ильясович Баков является представителем поколения «детей войны», которому принадлежат многие известные личности: писатели, ученые, артисты, общественные и политические деятели, спортсмены. Парадоксально, но факт – люди, чье детство и становление пришлось на голодные и трудные послевоенные годы, достигли больших успехов в жизни. Если взять только представителей адыгов, то эту мысль подтверждает целый ряд значимых имен: Исхак Машбаш, Нальби Куек, Казбек Шаззо, Абу Схаляхо, Батырбий Берсиров, Рашид Хунагов, Аслан Джаримов и Асланчерий Тхакушинов, Борис Утижев, Хабас Бештоков, Заур Налоев, Андрей Хакуашев, Адам Гутов, Мухадин Кумахов, Валерий Коков, Лейла Бекизова, Хизир Хапсироков, Умар Темиров и др.

Тяга к родному языку и литературе у Хангери Бакова врожденная – от матери, которая обладала редкостным чувством красоты и выразительности речи, знала бесчисленное множество народных песен, стихов, сказок, пословиц и поговорок. Все же профессиональный интерес к филологии пробудился у него уже в университете, где Хангери активно участвовал в работе научно-студенческого общества. Его дипломная работа «Лирика Алима Ханфенова» после защиты была рекомендована в качестве учебного пособия. По окончании КБГУ автора рекомендовали в аспирантуру на совместном заседании двух кафедр – кафедры кабардинского языка и литературы и кафедры русской литературы. Это доверие выпускник КБГУ в дальнейшем оправдал с лихвой. Трудно определить, в каком качестве (в какой ипостаси) Хангери Ильясович достиг наиболее значительных успехов – как преподаватель и организатор учебного процесса в Карачаево-Черкесском Государственном университете, которому он посвятил больше тридцати лет, занимая последовательно должности старшего преподавателя, доцента и профессора, заведующего двух кафедр, декана филологического факультета и директора впервые созданного на базе университета Института филологии, или в академической филологической науке, которой он плодотворно занимался и в КЧГУ и в КБИГИ, где он работает в должности главного научного сотрудника отдела адыгской филологии.

*Международная конференция, Стамбул, 2003 г.
С л е в а н а п р а в о: Мухамед Хафицэ, гл. редактор газеты
«Адыгэ псалъэ»; представитель принимающей стороны;
доктор фил. наук Борис Бижоев (Нальчик), Х. И. Баков*

Несмотря на то, что Х. И. Баков признан одним из ведущих научных сотрудников Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, он ведет активную научную жизнь, за что удостоен звания «Заслуженный деятель науки КБР», он все же тоскует по кафедре, за которой читал лекции по русской и зарубежной литературе, по теории литературы и иным дисциплинам.

Многие студенты Х. И. Бакова стали докторами и кандидатами наук, профессорами, заведующими кафедрами, проректорами, главными редакторами республиканских газет (среди них профессора С. У. Пазов – проректор по науке КЧГУ, Батчаев А. Х., Ионов З. Х. – зав. кафедрами; Х. Капушев – поэт, гл. редактор республиканской газеты «Карачай», А. Атуова – гл. редактор газеты «Ногай Давысы» и многие другие). В 1998 году одна из бывших студенток КЧГУ, доцент Джанибекова С. С. в республиканской газете «День Республики» опубликовала очерк о декане филологического факультета под названием «Профессор», в котором процитировала многих его коллег, посчитавших своим долгом сказать теплое слово о профессоре Бакове. К этому названию можно добавить лишь эпитет «настоящий», которого достоин известный педагог.

Уже в самом начале работы в Карачаево-Черкесском Государственном педагогическом институте в начале 70-х годов, куда он пришел после окончания аспирантуры Института Мировой литературы молодым кандидатом наук, Баков Х. И. проявил свои

педагогические и организаторские качества. Будучи куратором студенческой группы национального отделения филологического факультета, он за четыре года вывел ее на первое место в вузе, в качестве поощрения организовал поездку с ними на экскурсию в г. Нальчик, затем в г. Ленинград, где студенты посетили музеи, достопримечательные места, в том числе Эрмитаж. Несомненно, такое отношение пробуждало в студентах стремление к знаниям, любовь к искусству, к литературе.

Умение выводить вверенный ему коллектив на первое место – одна из бесспорных заслуг Х. И. Бакова. Он избирался два срока подряд деканом филологического факультета, и коллектив под его руководством непременно становился первым в вузе. Когда же факультет был преобразован в Институт филологии, его директором был назначен профессор Х. И. Баков. Усилиями ректора – профессора Койчуева А. Д., проректора – профессора Пазова С. У., директора института – профессора Бакова Х. И. впервые в Карачаево-Черкесском госуниверситете на базе института создается диссертационный совет по специальности 10.01.02 – «Литература народов России», и его первым председателем утверждается Баков Х. И. Совет внес значительный вклад в дело подготовки литературоведов высшей квалификации. К его работе были привлечены известные ученые: К. Г. Шаззо (Адыгея), А. Х. Хакуашев и З. Х. Толгуров (КБР) и др.

Относительно педагогических заслуг, необходимо добавить к вышесказанному, что Х. И. Баков разрабатывал лекции и практические занятия как по литературе, так и по языку (несколько лет преподавал кабардино-черкесский язык, будучи заведующим кафедрой черкесской и абазинской филологии) и вводил их в учебный процесс. Он ежегодно организовывал и проводил семинары учителей родного языка. Надо отметить, что Х. Баков ряд лет был заместителем председателя комиссии РСФСР по работе кафедр и факультетов национальных филологий в вузах субъектов республики, обобщал опыт многих кафедр, участвовал в комиссиях по контролю уровня преподавания родных языков.

Большую пользу в становлении педагога и ученого принесло то, что Бакову Х. И. пришлось перечитать и переосмыслить множество произведений русской и зарубежной литературы, не говоря уже о публикациях местных писателей. Каждые пять лет он проходил курсы повышения квалификации по русской и зарубежной литературе в Ленинграде и Москве. Много лет Х. И. Баков вел разработанный им семинар «Русско-зарубежные литературные связи», к которому студенты проявили большой интерес, поскольку в советское время, когда много информации скрывалось, им посчастливилось узнать много интересных фактов из жизни зарубежных, русских и северо-

11 октября 2014 г., г. Майкоп. Международная научная конференция «Кросс-культурное пространство», посвященная 75-летию Казбека Шаззо. Слева направо: Х. И. Баков, д. ф. н., профессор, гл. научн. сотр. КБИГИ; А. К. Тхакушинов – президент Республики Адыгея, доктор социологии, профессор; Л. А. Бекизова, профессор, гл. научн. сотр. КЧИГИ (Черкесск); К. Г. Шаззо, д. ф. н., профессор, зав. каф. литературы Адыг. госуниверситета; Шаззо (Ергук), д. ф. н., профессор (Майкоп)

кавказских писателей на его занятиях. Так студенты вовлекались в исследовательский процесс, им прививалась подлинная любовь к чтению.

Результатом студенческих изысканий явилась дипломная работа «Лирика Алима Ханфенова», за ней последовала более широкая тема, охватывающая весь адыгский литературный процесс, о чем свидетельствует исследование. «Адыгские литературы и проблемы развития младописьменных литератур», защищенная в ИМЛИ как кандидатская диссертация. Для ее написания автор приезжал из Москвы в командировку в Черкесск, Нальчик, Майкоп. В Майкопе несколько раз беседовал с выдающимся адыгским прозаиком Темботом Керашевым. В результате добрую половину диссертации Баков Х. И. посвятил ему, хотя к тому времени о Керашеве были написаны книги, диссертации, огромное количество статей, проведены научные конференции. Тем не менее, Х. Баков нашел собственное видение его творчества. Когда он представил диссертацию на обсуждение ведущему научному учреждению – в Адыгейский научно-исследовательский институт, заведующий отделом фольклора и литературы А. М. Гадагатль не только дал положительный отзыв, но в письме обратился к соискателю: «Если Вы разрешите, то мы опубликуем всю главу о Темботе Керашеве». Диссертант не ожидал, что 3,5 п.л. опубликуют в уважаемом научном учреждении.

После аспирантуры главными научными направлениями для Х. И. Бакова стали литература адыгского зарубежья, проблема национального своеобразия литературы, особенности и закономерности адыгской (кабардинской, адыгской, черкесской) поэзии. По ним он опубликовал десятки статей, проштудировал огромное количество текстов и литературоведческих трудов, выступал с научными докладами на конференциях. Над своей докторской диссертацией он работал долго, ее завершению мешало несколько обстоятельств: продолжительная административная работа в должности декана (более 12 лет), заведующего кафедрой (13 лет), разработка лекций по многим курсам (11 дисциплин). Несмотря на это, защита докторской диссертации «Национальное своеобразие адыгской поэзии и проблемы творческой индивидуальности» и монография, ставшая основой диссертации, принесли ему еще более широкую известность в литературоведении Северного Кавказа. Монография была удостоена Международной Кандуровской премии.

В чем причина успеха ученого? Во-первых, автор объединил в своем квалификационном труде две актуальные проблемы, за которые берутся не многие ученые. Вопросы национального своеобразия и самобытности – один из самых сложных в теории литературы. Этой проблемой в далеком прошлом занимались лишь единицы: И. Гердер, Г. Белинский, Д. Сикейрос, В. Брюсов, ближе к нашему времени – М. Храпченко, Ч. Гусейнов. Ее затронули из адыгских исследователей только Х. Теунов и Х. Хапсироков. Х. Баков сумел найти мост между национальным своеобразием литературы и творческой самобытностью отдельных крупных писателей, обладающих яркой творческой индивидуальностью, между «видением мира вещей» народа и его конкретного представителя, создающего художественную литературу. Во-вторых, в диссертации значительное место отведено анализу творчества адыгских писателей, живущих в зарубежных черкесских диаспорах. Ко времени защиты диссертации Х. Баковым были опубликованы значительные работы о поэзии и биографии зарубежных адыгов (М. Хафицэ, А. Схалехо и др.), но научный анализ литературы диаспоры впервые был осуществлен Х. Баковым. После выхода монографии ученого литературоведа народов Северного Кавказа активно включились в исследование литературы своих зарубежных диаспор. (На защите докторской диссертации Х. Бакова в Махачкале в 1995 г. по проблеме литературы диаспоры было задано более десяти вопросов, что говорит об актуальности данной темы для литературоведения Северного Кавказа.)

Надо отметить, что монография «Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии» – одно из самых цитируемых исследований в регионе, что ценится в современной науке.

Научно-исследовательская работа Х. Бакова активизировалась после его перехода на работу гл. научным сотрудником в Кабардино-Балкарский Институт гуманитарных исследований. И здесь он взялся за неисследованную, но значительную тему: о творчестве Б. К. Утижева. Борис Утижев – талантливый драматург и публицист, но недооценивалась его поэзия, даже из числа ученых КБИГИ не все понимали масштабы его огромного таланта. Не рассчитал объема предстоявшей работы и сам Х. И. Баков: для завершения монографии понадобилось дополнительное время. И хотя очевидны были и степень новизны, и высокий уровень анализа, нашлись в самом секторе литературы люди, которые голосовали против, но большинство настояло на продлении срока работы над темой, посчитав ее важной для науки. После завершения и опубликования монография получила высокую оценку в периодике: «Литературная Россия» (Москва), «Адыгэ псалъэ», «Кабардино-Балкарская правда», «Голос Кабарды» (Нальчик), «Черкес хэку» (Черкесск), «Литературная Кабардино-Балкария». Эта книга стала предметом внимания телевидения и радио республики.

Именно в КБИГИ Х. Баков написал и издал другую монографию «Юмор и сатира в адыгской литературе» («Адыгэ литературэ. ГушыӀэмрэ ауанымрэ»). И по данной теме в адыгском литературоведении до этого не было ни одного значительного исследования, хотя в теории литературы и искусства она признается одной из важных. В монографии эволюция рассматриваемого явления исследуется на широком материале поэзии, прозы и драматургии, привлечены произведения многих кабардинских и черкесских художников слова, внесших весомый вклад в развитие данных жанров.

Заметным явлением стал также сборник избранных научных статей «Национально-эстетические аспекты изучения адыгской словесности» (2010). Отличительной чертой Х. Бакова является то, что он в своих исследованиях исходит из анализа конкретных текстов художественных произведений, избегая общих суждений, не подкрепленных фактами литературного процесса, чем грешат многие современные ученые, имеющие звания и степени. Вместе с тем, Х. Баков умеет находить актуальные темы и проблемы, типичные для всего литературоведения Северного Кавказа. Об этом свидетельствуют статьи в ВАКовских журналах о проблемах критики, истории и теории литературы (они указаны в перечне публикаций автора), а также доклады на научных конференциях: региональных, всероссийских и международных (часть из них также указана в перечне публикаций).

В многолетней работе в вузе и академическом научном институте профессора Х. Бакова значительное место занимает пропаганда научных знаний, консультации докторантов и руководство аспирантами,

участие в советах по защите докторских и кандидатских диссертаций (АГУ, Майкоп, КБГУ, Нальчик), сотрудничество в работе Адыгской (Черкесской) Академии наук (он академик-секретарь историко-филологического отделения АМАН, действительный член АМАН с 1995 года). Он часто выступает в роли оппонента на защитах, пишет отзывы и рецензии на труды ученых. По актуальным вопросам сохранения и развития родного языка, проблемам литературного процесса Х. Баков часто выступает на телевидении, по радио и в периодической печати.

Обширна и многообразна публицистика ученого, им опубликовано множество статей в газетах КБР, КЧР, Адыгеи, в журналах. Они посвящены творчеству писателей, их юбилейным датам, общекультурным проблемам, вопросам сохранения и эволюции национальных языков, литератур, культур.

На актуальные темы литературоведения, жизни общества, вопросы истории, культуры, сохранения и развития родного языка Баков Х. И. часто выступает по радио и телевидению, и его выступления вызывают интерес у зрителей. С содержательными научными докладами уже много лет он выступает на международных, всероссийских и региональных конференциях в стране и зарубежом. Их география обширна: Москва, Петербург, Нальчик, Владикавказ, Майкоп, Карачаевск, Черкесск, Грозный, Магас, Ставрополь, Цхинвал, Турция (Анкара), Иордания (Амман) и др.

Х. И. Баков принимает на сегодняшний день активное участие во всех мероприятиях и научных проектах, осуществляемых сектором кабардинской литературы. Он – один из редакторов и авторов академического издания «История адыгской (кабардино-черкесской) литературы» (два тома изданы, третий готовится к печати). Плодотворно работает и над коллективным трудом сектора – «Биобиблиографический словарь адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских и адыгского зарубежья) писателей». В рамках этого исследования им написаны статьи по 46-ти персоналиям, которые обсуждены и одобрены сектором.

Он – один из активных исследователей проблем адыгской словесности, публикующих свои труды в рецензируемых изданиях, ВАКовских журналах и в периодической печати.

Ученый награжден почетными званиями, многими почетными грамотами КЧР, Адыгеи, КБР. О его научно-педагогической деятельности написаны десятки статей. Х. И. Баков их заслужил своим усердием и талантом.

*Хангери БАКОВ,
доктор филологических наук,
профессор, заслуженный работник высшей школы РФ,
заслуженный деятель науки КБР И КЧР,
член Союза писателей России*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Литературы народов Северного Кавказа в XX веке развивались бурно, удивляя читателей больших народов, чьи литературы имеют многовековые традиции. Молодые литературы вышли на всесоюзную, а некоторые – и на мировую арену, благодаря ярким творческим индивидуальностям таких представителей, как Расул Гамзатов, Тембот Керашев, Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, Али Шогенцуков и др. Все они выросли на почве культурной революции, успешно проведенной в 20–30-е годы новым государством. Для каждого народа Советского Союза стали выходить газеты на родном языке. В 1934 году, например, в Осетии издавалось 18 газет, из них 14 – на осетинском языке [4:С. 166]. Создавались издательства, строились театры, открывались школы и т.д. Все это привело к духовному возрождению некогда отсталых окраин Российской империи. Эти завоевания общеизвестны, как и трагедии, сопровождавшие народы из-за крайностей идеологии большевиков.

В 90-е годы в нашей стране опять резко меняется экономическая система, когда сознание людей от созидания переключается к морали наживы и потребления. Эти «детские болезни» капитализма, связанные с «обществом потребления», Запад пережил в середине прошлого века, они широко отражены в зарубежной литературе того периода. Но эти негативные явления, как и многие другие факторы, к нам приходят с Запада с запозданием, и они преодолеваются также спустя определенное количество лет. Происходящие в постсоветский период резкие перемены в экономике и политике в той или иной мере отражаются в культуре, искусстве, литературе и науке, исследующей ее. Серьезная литература вытесняется «развлекательной», снижаясь до уровня массовой культуры, падает интерес к литературе, на нет сводится работа по художественным переводам, потеряны связи писателей разных регионов, писательские союзы существуют формально. А что происходит с наукой о литературе, то есть с литературоведением?

Целью данной статьи является не только анализ состояния литературоведения Северного Кавказа. Мы хотим обратить внимание литературоведения на отстающие от литературного процесса вопросы

региона, которые типичны в постсоветский период, а также сделать попытку найти некоторые пути выхода из создавшегося положения в науке о словесности. Оговоримся, что мы приводим больше фактов из литератур адыгов (кабардинцев, черкесов, адыгейцев), но поднятые проблемы типичны для Северного Кавказа.

Наука о литературе состоит из трех разделов: история литературы, теория и литературная критика. Каждый из них имеет известную самостоятельность, но и они присутствуют одновременно во многих исследованиях, часто дополняя друг друга. Рассмотрим эти разделы по порядку, указав на некоторые нерешенные проблемы.

История литературы – самая большая часть литературоведения. Она призвана создать картину развития отдельной литературы на протяжении определенного периода.

К настоящему времени по многим народам региона нет обобщающих работ по истории литературы, созданных в последние десятилетия. В лучшем положении оказались ученые Адыгеи, которые создали и издали «Историю адыгейской литературы» в трех томах (последний том издан в 2006 году; руководитель проекта – д.ф.н. К. Г. Шаззо). Здесь обобщен огромный материал с учетом явлений XX в. и постсоветского периода. По этому пути идут кабардинские филологи, издавшие два тома «Истории адыгской (кабардино-черкесской) литературы» в 2010 году (автор проекта – д.ф.н. А. М. Гуттов, редактор – доктор фил. наук Х. Т. Тимижев).

Надо отметить, что до этого «История кабардинской литературы» была написана еще в 1968 году. Проблема истории балкарской литературы решается в последние годы, в 2010 году вышли «Очерки истории балкарской литературы» на русском языке в Нальчике, готов в рукописи двухтомник истории балкарской литературы (автор проекта – Т. Ш. Биттирова, редактор – З. Х. Толгуров). Гораздо сложнее в этом отношении дела в карачаевской литературе («Очерки истории карачаевской литературы», автор – А. И. Караева, вышли в Москве в 1966 г.), абазинской («Очерки абазинской литературы», автор – В. Б. Тугов, опубликованы в 1970 году).

Самыми «древними» являются «Очерки чечено-ингушской литературы», изданные еще в 1963 году. В осетинском литературоведении Нафи Джусойты создал два тома истории литературы до-октябрьского периода (1980, 1985), но «Очерки советской осетинской литературы» (1967) не нашли продолжения, хотя имеются десятки монографий о разных писателях. Исследованы также почти все жанры. обстоятельно изучено творчество К. Хетагурова. Огромный библиографический указатель «Коста Хетагурова» объемом около 50 п.л. вышел в 2009 году. Данный пример приведен не для того, чтобы принизить значение великого Косты Хетагурова, а для того,

чтобы показать диспропорцию в исследованиях творчества одного писателя и целой национальной литературы. Мы не раз отмечали значение ярких творческих индивидуальностей для разных литератур народов Северного Кавказа, таких как К. Хетагуров, Т. Керашев, А. Кешоков, К. Кулиев и других. Вместе с тем нельзя лишать наши школы и университеты своевременно изданных очерков и историй национальных литератур, отражающих верную картину их существования и развития. За деревьями необходимо видеть лес.

В самом сложном положении находится ногойская литература, которая создается в нескольких субъектах живущими там ногойцами – в Астраханской области, КЧР, Дагестане, Чечне, Ставропольском крае. Ногойская словесность имеет давние корни, тем не менее, до сих пор нет ни одной значительной работы, обобщающей историю ногойской литературы.

Несмотря на падающий интерес к художественной литературе в постсоветский период, ослабление работы союзов писателей, потерю связей региональных научно-исследовательских институтов, занимающихся проблемами филологии (не только они, но почти все провинциальные институты гуманитарных исследований неподконтрольны головным институтам РАН), есть настоятельная необходимость восстановить систему функционирования филологической науки, которая объединяла усилия ученых, занимавшихся теорией, историей и литературной критикой. В настоящее время появилась явная диспропорция в исследованиях.

Литературное строительство в 20-е годы прошлого века начиналось весьма успешно. Почти все литературы народов Северного Кавказа вступили в пору профессионального развития после Октябрьской революции 1917 года. На уровне огромной страны они становились объектом внимания науки по мере их развития. В системе Академии наук СССР был создан Институт Мировой литературы, который стал обобщать опыт развития младописьменных литератур наряду с русской и другими литературами, имевшими вековые традиции.

Самый значительный труд ИМЛИ того периода – «История советской многонациональной литературы» в шести томах, вышедший в 1970–1974 годы. Если в первом томе была охвачена история чуть более 20-ти литератур (1917–1930 гг.), то в пятом томе их стало более 50-ти. Важным является шестой том, где указаны почти все значительные события, касающиеся литературного строительства и публикации по каждой национальной литературе. В данном институте стекались статьи и очерки из многих субъектов страны, в которых уже функционировали научно-исследовательские институты языка, литературы, истории многих народов. Параллельно на местах создавались очерки или истории своих национальных литератур.

К сожалению, «такая вертикаль» разрушилась в 90-е годы в связи с распадом страны, когда за рубежом оказались литературы Прибалтики, Закавказья, Белоруссии, Украины. Ослабли связи русской литературы и литератур регионов Поволжья, Севера, Северного Кавказа и Дагестана. В этих условиях менее плодотворными стали и вопросы создания историй каждой из национальных литератур. Внутри регионов с последней четверти прошлого века наблюдается явная диспропорция в исследованиях данного жанра.

Одной из причин недооценки труда ученых, создающих очерки и истории литератур (они, как правило, доступны в основном коллективам авторов) является то, что основные усилия ученых-литературоведов много десятилетий направлены на написание кандидатских и докторских диссертаций, издание монографий и статей по их тематике. Эта работа стала престижной, мерилом не только материального благополучия, но и условием для получения степеней, званий и других наград. К чему привело такое «соцсоревнование» по работе над диссертациями стало известно всей стране из недавних сообщений, в которых разоблачаются многие работы, не имеющие отношения к настоящей науке, в которой не должно быть места для плагиата и отсутствия здравого смысла. Есть и другие причины вытеснения из тематики работ по истории литературы, связанные с недоработкой теоретиков, а также бездействием литературной критики. Художественная критика в литературоведении северокавказского региона – особая статья. Здесь она стала «сопутствующим товаром» к юбилеям писателей, частью вступительных статей к отдельным изданиям. Зачастую критикой «попутно» занимаются сами поэты и писатели. Вопрос о критике для другого серьезного разговора, ее недостатки стали типичными в рамках литературы страны в целом.

Вопросы истории литературы фрагментарно встречаются и в диссертациях, но они в основном связаны с проблемой становления литературных жанров в молодых литературах. В региональном литературоведении в советский период уже исследованы вопросы становления и эволюции всех жанров поэзии, прозы и драматургии в многочисленных диссертационных работах. Что касается этого вида исследования, то нужно заметить, что в диссертациях последних лет очевиден отход от анализа конкретных художественных текстов. Зато растет количество диссертаций однотипных по тематике, в которых поставлены слишком масштабные и не всегда конкретные проблемы («Художественный образ мира», «Художественная концепция мира», «Художественный мир» чего-то и т. д.). Некоторые диссертанты умудряются рассматривать проблемы национального своеобразия, не владея языком, на котором созданы анализируемые произведения, хотя данная проблема тесно связана с особенностями языка,

его фразеологией и т. д. В диссертационных работах современного периода есть и положительные новации. Некоторые авторы вводят в научный оборот опыт западноевропейских школ, который в советский период игнорировался по идеологическим соображениям. Многие направления тогда считались «вредными и буржуазными». Исправление этих ошибок – явление позитивное, но и здесь есть огрехи: слишком много терминов заимствуется у этих школ без особой необходимости, увлечение сложной терминологией взамен понятной и простой из традиционной отечественной науки становится барьером восприятия текста исследования. В некоторых современных исследованиях авторы отходят от текста, увлекаясь смежными науками. Уместно вспомнить слова европейского ученого В. Кайзера, который писал: «Главный предмет науки о литературе – сами произведения, а остальное (психология, взгляды и биография автора, генезис литературного творчества и воздействие произведения на читателя) вспомогательно и вторично» [1:С. 17, 18].

В бывшем СССР русская литература и ее история в нашей науке занимала достойное место. В настоящее время, хотя и в иных масштабах, она представлена на приемлемом уровне, чего нельзя сказать о литературах других народов РФ. В советский период в школьных учебниках по русской литературе в известной мере были представлены наиболее крупные писатели других народов страны. В аналогичных учебниках для 7–11 классов из 14 книг, изданных в 2005 году, из нерусских писателей РФ значится только одна фамилия Расула Гамзатова, которому посвящены три страницы. Что касается очерков или историй, обобщающих литературный процесс народов РФ последней четверти XX века и постсоветского периода, то они отсутствуют. Здесь можно отметить лишь «Словарь литературы народов России» XX века, изданный в 2005 году под грифом РАН и ИМЛИ [3]. Все это свидетельствует о том, что оборвались связи научно-исследовательских институтов субъектов России с головными институтами РАН.

Не лучше обстоят дела с обобщением литературного процесса на региональном уровне. О значении этого направления известный ученый-филолог, академик Г. Гамзатов писал: «Региональная история литературы – нечто большее, высшее, чем множество историй литератур, в ней – общий путь развития художественного сознания и словесного искусства народов региона в их типологическом и контактном схождении, в генетическом родстве» [2:С. 11]. Сам ученый сделал многое, чтобы прояснить вопросы общих закономерностей и особенностей литератур Северного Кавказа и Дагестана. В литературоведческом плане комплексное направление ввел в науку на основе адыгских литератур Х. Х. Хапсироков. По этому пути

значительные исследования провели известные ученые К. Г. Шаззо, У. М. Панеш, Р. Г. Мамий, Т. Н. Чамоков, Ю. М. Тхагазитов и др. Формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур на большом материале проследил У. М. Панеш, который в своей монографии [6] находит общность и с другими северокавказскими литературами. Важное значение для работы над историей литератур народов Северного Кавказа имеет новая периодизация, данная У. М. Панешем в его статье [5:С. 258].

К сожалению, в диссертационных работах последних десятилетий авторы часто заявляют актуальную тему, обязуясь рассмотреть ее на материале литератур всего Северокавказского региона, а на самом деле ограничиваются произведениями двух или трех, часто родственных литератур. В этом повинны не только диссертанты, но и отсутствие очерков и историй литератур региона. Имеющиеся же истории отдельных национальных литератур давно устарели, отстали от самого литературного процесса. Как видно, проблема истории и литературы до сих пор не стала предметом внимания науки, хотя создание очерков и историй отдельных литератур, а на их основе – истории литературы региона, а далее – и в масштабе Российской Федерации, имеет не только теоретическое, но в большей степени практическое значение. Без таких работ не могут полноценно функционировать образовательные учреждения, в которых преподаются родной язык и литература.

В теории литературы в постсоветский период произошли некоторые перемены. Пересмотрены такие категории, как «народность» литературы, «классовость» и «партийность» (последние ушли из всех исследований), в литературный процесс возвращены писатели, творчество которых было выброшено по идеологическим соображениям.

К позитивным явлениям последних десятилетий можно отнести то, что в нашей теории «прописались» так называемые «буржуазные школы», созданные на Западе. Это надо приветствовать, но здесь появилась одна опасность: некоторые современные исследователи стали «упаковывать» известные термины литературоведения в европейскую одежду («архетип», «этноментальность» и многое другое). Эти новообразования кочуют из диссертации в диссертацию. В литературоведение вторгаются «общие места» из философии, культурологии, физиологии, педагогики, психологии. Все это допустимо в известной степени, но не в ущерб конкретному анализу текста. Считаем также недопустимым исследование национального своеобразия учеными, не владеющими языком, на котором создано произведение, ибо в этой проблеме особенности, фразеология языка являются доминирующими.

Процесс переосмысления некоторых частей теории литературы в постсоветский период еще не завершен, поэтому предстоит приложить немало усилий для того, чтобы литературу освободить от несвойственных идеологических, педагогических и иных задач, которые ставились советским строем.

Самая проблемная часть литературоведения народов Северного Кавказа – это литературная критика. Еще Н. М. Карамзин говорил: «Хорошая критика есть роскошь литературы: она рождается от великого богатства» [7:С.5]. С тех пор много воды утекло, у нас есть хорошая литература, но до сих пор нет настоящей критики. Так повелось, но критикой в основном занимаются поэты и писатели. Во все времена были и есть люди, проявляющие талант в разных областях жизни, науки и творчества. Литература не исключение. Именно кабардинский писатель Хачим Теунов одновременно писал рассказы, повести, романы, критические статьи. Ему же принадлежит один из первых трудов по истории кабардинской литературы («Кабардинская литература и писатели», 1958).

С 20-х годов XX века, с зарождения литературы интеллигенция Северного Кавказа совмещала работу журналиста (литература печаталась в первые десятилетия в основном на страницах национальных газет), писателя, ученого-литературоведа, историка литературы, критика. На начальных этапах это диктовалось временем и необходимостью. В современную эпоху разделение труда достигло других высот, даже в физике или химии ученые разделились на многочисленные отрасли и направления. Такая «всеохватность» не может быть полезной в развитии нашей словесности в целом. Надо учесть, что творческому человеку – поэту, писателю, драматургу – приходится иметь дело с образным мышлением, а ученые, в том числе литературоведы и критики, мыслят несколько иначе, там больше аналитики.

К сожалению, до сих пор нет настоящего разделения труда в литературоведческой науке, не обрела самостоятельности критика. Роль критики в настоящее время весьма высока. Она не только посредник между писателем и читателем – задача, которая за ней числилась во все времена. Критика должна обобщать литературный процесс и находить для каждого писателя его место в нем. Глобализация наносит все новые и новые удары новописьменным и другим языкам, кроме английского. В мире ширится круг художников слова, создающих свои произведения не народном языке. Это происходит и в Северокавказском регионе. Больше становится русскоязычных писателей у народов Северного Кавказа. В то же время переводческая работа, которой уделялось много внимания в советский период, в настоящее время свелась на нет. В этой обстановке до широкого круга читателей

многонациональной России не доходят произведения талантливых писателей, представителей народов Северного Кавказа, создающих свои творения на родном языке.

О литературе региона в центре в последние два десятилетия судят в основном по творчеству русскоязычных поэтов и писателей, хотя оригинальная национальная литература составляет большую и лучшую часть художественной культуры богатого талантами Северного Кавказа. И в этом вина ложится на критиков на местах. На наш взгляд, критика не заняла в литературном обществе достойное место не только по объективным причинам. Действительно, в обществе сейчас ослаб интерес к литературе, профессионально занимаясь писательским трудом, тем более критикой, человек не может в наше время прокормить себя и семью. К этому необходимо добавить отчасти психологическую особенность малочисленных народов, у которых развито чувство родства, знакомства, землячества и пр., что в известной степени мешает быть до конца объективным к творчеству собратьев по перу. Критика того или иного произведения зачастую сводится к перечислению удач писателя с маленьким вкраплением под клише «вместе с тем», за которым следует аккордная похвала.

Подводя некоторые итоги размышлений над проблемами современного состояния литературоведения, хотим выделить следующие задачи:

1. Есть настоятельная необходимость создания современной истории каждой национальной литературы с учетом новых обстоятельств постсоветского периода. В этом нуждаются наши школы, университеты и педколледжи, в которых преподаются родной язык и литература.

2. Возобновить работу переводчиков на русский язык через союзы писателей и национальные кафедры вузов республик региона.

3. Использовать возможности Литературного института им. А. М. Горького и вузов Северного Кавказа для подготовки профессиональных критиков.

Есть и другие возможности для консолидации литераторов Северного Кавказа, чтобы создать историю литературы всего региона, который дал стране выдающихся писателей Т. Керашева, Р. Гамзатова, А. Кешокова, К. Кулиева, И. Машбаша и др.

Еще одно существенное пожелание ученым-литературоведам: художественная культура нуждается в создании и обобщающей истории литератур народов Северного Кавказа.

Такое исследование можно претворить в жизнь только после появления историй всех литератур региона. Такая работа позволит восстановить прежние связи писателей. Она будет полезна в практике школ и вузов. Как верно отмечал известный дагестанский ученый

Г. Гамзатов, «региональная история литературы – нечто большее, высшее, чем множество историй литератур, в ней – общий путь развития художественного сознания и словесного искусства народов региона в их типологическом и контактном суждениях, в генетическом родстве [2:С. 48].

Без этих исследовательских работ и мероприятий дальнейшего языкового и литературного строительства, учитывающих существенные изменения в обществе в постсоветский период, литературы народов Северного Кавказа станут первыми жертвами глобализации, наступающей широким фронтом на все национальные художественные культуры и нивелирующей их самобытность и оригинальность.

Примечания

1. *Kauser W.* Datsprachliche Kunstwerk. Bern, 1948. S. 17, 18.
2. *Гамзатов Г. Г.* Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М.: Наследие, 1996.
3. Литература народов России. XX век: словарь / отв. ред. Н. С. Надъярных. М.: Наука, 2005.
4. Осетинская литература // История советской многонациональной литературы. М.: Наука. Т. 2. Кн. 2. С. 166.
5. *Панеш У. М.* К вопросу о периодизации отечественной литературы XX века // Актуальные проблемы общей и адыгейской филологии: материалы VII международной конференции. Майкоп, 2013. С. 268.
6. *Панеш У. М.* Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур. Майкоп, 1990.
7. Прислушаемся // Литературная газета от 02.02.2011. С. 5.

*Тахиржан ХАЙРУЛЛАЕВ,
зам. главного редактора газеты
«Жалал-Абад тонги»*

СУДЬБА

Есть люди, которые очень рано формируются и мужают. При этом они могут проявлять такую выдержку и жизненную стойкость, что каждый прожитый ими день может стать уроком, образцом подражания для других. Человек, о котором мы хотим рассказать, относится именно к этому типу личностей – Эфендиев Салих Ибрагимович. Самой судьбой ему было предначертано с самого юного возраста быть настоящим мужчиной, тем, кто взрослеет, на десятилетия опережая сверстников.

С. И. Эфендиев

В 2016 году, объявленным годом истории и культуры Кыргызстана, один из учителей сузакской гимназии им. Бабура, одновременно активно занимавшийся журналистикой, – Камариддин-Ака – представил для материалов к юбилейным публикациям несколько интереснейших документов, в том числе – целый ряд фотографий, сделанных в первые послевоенные десятилетия. В старом пожелтевшем альбоме Камариддина-Ака, готовившего статью о первых выпускниках школы, и находилась коллективная фотография педагогов, среди которых взгляд сразу выделял одного парня – обладателя типичной для Киргизии фамилии и удивительных, грустных глаз, исполненных заботой и какой-то тревогой. Это и был Эфендиев Салих Ибрагимович – один из первых выпускников средней школы, уроженец Северного Кавказа, по национальности балкарец.

В 1944 году, в одиннадцатилетнем возрасте, вместе с матерью и сестрой, он был принудительно выслан в наш край, так же, как и весь его народ. Первоначально это было единственным, что удалось выяснить, но после рассказов нынешних учителей гимназии о своих наставниках, после их тёплых воспоминаний я заинтересовался личностью Салиха Ибрагимовича, последними годами, проведёнными им в Киргизии. Захотелось узнать о его дальнейшей судьбе, о жизни после возвращения на родину. И вот, после долгих поисков

в Интернете, в «Фэйсбуке» я столкнулся с Фуадом Салиховичем Эфендиевым – сыном учителя – и написал ему письмо о бывших коллегах его родителей, о той доброй памяти, которую педагоги оставили в нашем селе: мама Фуада – Тамара Емельяновна Афанасьева, в 50-х годах окончившая университет Ростова-на-Дону – тоже работала в школе Сузака, приехав сюда совсем молодой девушкой по распределению.

Ответное письмо не заставило себя ждать. Он передавал односельчанам отца и матери пламенный привет, а после короткого обмена корреспонденцией прислал опубликованные в печати материалы об отце и матери. Жизнь людей, судьбы которых соединились в далёкой от Кавказа Джалалабадской области, оказалась щедрой на события и благодарность за упорство, талант и трудолюбие.

Ныне Салих Эфендиев – зав. кафедрой, доктор философских наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета; член-корреспондент РАЕН; академик Международной Тюркской академии; академик Адыгской Международной академии наук; заслуженный деятель культуры КБР; заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской и Калмыцкой Республик; автор 10 монографий, посвященных международным отношениям и этнической культуре народов СССР и РФ; соавтор множества трудов, написанных с Тамарой Емельяновной и сыном Фуадом Салиховичем, посвящённых жизни и творчеству Кайсына Кулиева и других поэтов Северного Кавказа. Он – глава дома, который по праву зовётся домом людей науки, ибо все члены семьи Эфендиевых – отец, мать, сын, дочь, невестка, зять – все заняты наукой.

Покорение вершин науки требует многого. Салих Ибрагимович преодолел все трудности этого нелёгкого пути, и его биография может служить эталоном мужества и упорства. Он родился 6 декабря 1933 года в селении Кенделен в КБАССР. По его воспоминаниям их семья жила, как и многие другие, очень тяжело. Отец ушёл из жизни ещё до рождения Салиха – шестого и последнего ребёнка. Он хорошо помнит своё детство. Когда началась Великая Отечественная война, в Кенделене открылся призывной пункт, и профессор Эфендиев по сей день помнит, как люди поднимались на наспех сколоченную трибуну, клялись, что отомстят фашистам. Помнит, как многие плакали, как одна женщина, громко рыдая, рвала на себе волосы, словно на поминках – она до сих пор стоит перед глазами, а её жалобные стоны до сих пор звенят в его ушах. Салих Ибрагимович никогда не забудет, как пожилые люди, седобородые старики, после бритья бороды в парикмахерской отправлялись на фронт.

Четверо старших братьев Салиха тоже воевали, двоим из них не было суждено вернуться домой. Именно тогда, в эти небывало

тяжёлые годы восьмилетний Салих, оставшись единственным мужчиной в семье, взвалил на свою ещё хрупкую спину тяжёлую ношу ответственности за родных.

Навсегда врезалось в память и 8 марта 1994 года. Было ещё рано, но уже сеяли. Старики в Кенделене на волах вспахивали землю под кукурузу, дети помогали им. На поверхности свежевспаханной земли лежали семена, вокруг вились дикие голуби, сверстники Салиха свистом разгоняли их. Погода была тёплая, дети работали в рубашках.

Ночью в ворота постучали несколько солдат, вооружённых автоматами. В доме были только мама, он сам и сестра. Солдаты приказали, чтобы семья до рассвета собрала все необходимые вещи и вышла на сельскую площадь. Все собрались ещё затемно, люди рыдали, даже у животных из глаз текли слезы. Тогда в Кенделене жили представители разных национальностей: кроме балкарцев – кабардинцы, русские, дагестанцы, цыгане и татары. Они тоже вышли, чтобы попрощаться с балкарскими друзьями. Салих сдружился с мальчиком Чаклием Ахмедовым, у которого мать была балкарка, а отец – дагестанец. Двое ещё маленьких друзей расстались со слезами на глазах. Тогда Салих сказал: «Чакли, я оставляю тебе своего осла, от него будет много пользы». Стоявший рядом отец Чакли снял бухарскую шапку с головы сына и надел её на голову Салиха со словами: «Это на память, чтобы не забывал друга Чакли».

Солдаты загнали людей в машины, и вскоре колонна была в Нальчике. Людей распихали по товарным вагонам, продовольствия было разрешено взять на трое суток для каждого человека, но дорога растянулась на восемнадцать суток и стала самым страшным испытанием, которого многие не выдержали. От теплушек отходить не разрешали, пополнить запасы еды не было никакой возможности, люди – в основном, старики и дети – начали умирать от голода и тифа, очень быстро распространившегося по эшелону.

На каждой остановке тела умерших, как дрова, выбрасывали вдоль железной дороги и, как ни в чем не бывало, продолжали путь. Уже в Казахстане на какой-то станции, чтобы все поголовно не вымерли, дали жидкую теплую пищу. Салих впервые за свою жизнь увидел живого верблюда, заглядевшись, чуть не отстал от поезда. Тогда будущий известный балкарский писатель – Жанаканит Залиханов подхватил Салиха с тронувшегося поезда, помог ему подняться в вагон.

Не зря на Востоке говорят: «Мучение в дороге – это мучение в могиле». Окончательно уставших, обессиленных балкарцев поселили в Сузакском отделе колхоза им. Кирова, в посёлке Еркишлак. Вначале местные жители недоброжелательно приняли незваных гостей. Населению внушалось только негативное, абсолютно отрицательные

сведения о выселенных, кроме того со стороны партийного руководства приходили многочисленные рекомендации быть с выселенцами очень осторожными. Но узнав при первых же личных контактах о том, что депортированные – во всяком случае, большинство из них – мусульмане, Ёркишлак изменил отношение, в сердцах селян проснулись сочувствие и интерес, а уже совсем скоро с приехавшими делили пополам даже последние куски хлеба.

Салих учился и работал. Особого внимания на возможности учёбы депортированных детей власти не обращали, но и работы для девятилетнего Салиха в колхозе не было. Между тем, здоровье матери после пережитого сильно пошатнулось, сестра была слишком слаба... Эфендиевых поддержал Жанаканит Залиханов, добившись у руководства села разрешения на работу. Его поручительства оказалось достаточно, и мальчика допустили к сбору хлопка.

Салих трудился наравне со взрослыми. Температура 40–45 градусов, по ощущениям – все 50. Длина каждого ряда больше одного километра. Он работал вместе со взрослыми крестьянами (деханами), с помощью лошади или вола, которые тянули за собой плуг, разрыхляя почву между рядами хлопчатника. После первого обильного полива кустов и поверхностного высыхания почвы необходимо было ещё раз окучить растения. В месяцах подготовки к сбору и, непосредственно, сбора урожая – в августе и сентябре – оставались ночевать прямо на поле, под наспех поставленными навесами. Днём работали с хлопком, ночью поливали кусты. Салих хорошо помнит, как в один из самых тяжёлых дней его поддержали слова старого крестьянина: «Сынок, смотри на заход солнца, как огонь, красный, красный! Бог даст восход солнца будет ещё красивее, чем сегодня. Проклятая война тоже кончится, вернёшься на свою Родину». Они почему-то запали в душу, и, действительно, сбылись раньше, чем этого можно было ожидать.

В один из таких же дней, когда и старые, и молодые с кетменями окучивали стебли хлопчатника на широких плантациях, из села прискакал старик. Он сидел на коне, размахивая то ли белым платочком, то ли бумагой и громко кричал: «Эй, люди! Подарок мне за хорошую весть! Война кончилась!» Все, обнимая друг друга, и плакали, и смеялись. Даже старые-старые аксакалы не смогли прятать своих слез. Плакали от радости даже те, кто получил «чёрное письмо» от ушедших на фронт сына, друга жизни, любимого брата или отца; война кончилась, и они все равно надеялись, что близкие вернуться живыми. Прошло столько лет... Но по сию пору Салих Ибрагимович живёт с желанием ещё раз поехать и увидеть места, где услышал радостную весть об окончании войны, вдохнуть запах пропитанной потом почвы, прижать комья пахучей земли к глазам.

Правительство оценило труд Салиха. В один прекрасный день в колхоз приехали руководители района и провели собрание. Целью приезда было награждение группы передовиков медалями. Секретарь райкома закрепил медали на груди нескольких седобородых и выразил благодарность от имени партии и правительства. Когда вызвали Салиха, назвали его фамилию, он, не обращая внимания ни на что, наблюдал за происходящими событиями. Только после слов бригадира: «Салих, тебя зовут», пришёл в себя и приблизился к секретарю райкома. Но, несмотря на все старания, закрепить медаль на груди у мальчика не получилось – настолько ветха и изношена была его рубашка. Не найдя выхода, секретарь отдал медаль в руки ребёнка, поцеловал его в лоб со словами: «Молодчина, сынок, спасибо твоему отцу», и тут же распорядился, чтоб Салиху выделили три метра ситца и одели в новое. Но самым запомнившимся моментом этого дня для маленького Эфендиева было его изумление и волнение по поводу того, что находившийся в далёкой Москве Сталин откуда-то знает его.

Только после победы, в 1946 году, государство занялось учёбой высланных детей. В зависимости от времени и условий (отсутствия-наличия образования, количество законченных классов у взрослых юношей), они были распределены по годам обучения и часто оказывались в одних классах со своими младшими или старшими братьями. Учительский состав, за редкими исключениями, был представлен женщинами.

Непосредственно из молодёжи села в школе работали несколько её выпускниц, заменивших ушедших на фронт мужчин, но в основном коллектив составили специалисты, приехавшие из Джалалабада, Андижана, Коканда. Педагоги военного времени – совершенно особый разговор. Как можно забыть тех, кто, не доедая, страдая от истощения, отдавали скромный учительский хлеб истощённым детям. Разве можно забыть, как учительница младших классов Зульфияхан Файзулаева носила зимой и в межсезонную распутицу детей, не имевших обуви, на своей спине?

С 1945 года в село начали возвращаться демобилизованные фронтовики – кавалеры боевых наград, воины, прошедшие всю войну, вызывали огромный интерес у учащихся, готовых часами слушать вернувшихся с победой односельчан – Чумабая Абдрахманова, Ташмамата Миркаримова, Иннамжана Акбарова, Иллужана Моминова...

Уже при них, в 1947 году, Салих Эфендиев окончил школу имени Кирова в Ёркишлаке и получил свидетельство о семилетнем образовании. Практически втайне от руководителей колхоза он уехал в Джалалабад для продолжения учёбы – такие юноши, как Салих, считались основными силами хозяйства, и подобных передовиков и трудящихся легко из рук не выпускали.

Салиху удалось поступить в единственное педагогическое училище по подготовке учителей для школ области.

Впоследствии, в поисках знаний и науки, он окончил два высших учебных заведения, однако педагогическое училище для него стало первой любовью, истинной *alma mater*. После успешного завершения учёбы в педагогическом училище Эфендиев, как выходец из Сузака, был направлен в свою первую школу и стал, таким образом, одним из первых, если не первым балкарским учителем новой, послевоенной формации. Были случаи, когда он преподавал своим сверстникам. Впоследствии, с целью повышения квалификации, Салих приехал в город Фрунзе (ныне Бишкек), где окончив факультет физической географии и факультет биологической географии двухлетнего учительского института при Киргизском государственном университете, вернулся обратно. В это время школа им. Кирова переехала в новое здание и превратилась в среднюю школу.

Таким образом, с 1 сентября 1954 года учебные занятия начались в новой средней школе. Тогда в Ёркишлаке жили принудительно высланные из Кавказа чеченцы и балкарцы, работавшие в колхозе, и их дети составляли значительную долю учащихся. Из первого класса, курировавшегося Эфендиевым, многие после отмены режима спецпоселения вернулись на родину – сёстры-балкарки Ахмедовы, чеченские юноши И. Мускаев, Х. Ахмедов и другие.

Это было время – невзирая на все трудности и жёсткость государства – небывалого энтузиазма и подъёма самосознания советского человека. Интернационализм, всемерная поддержка и братское отношение друг другу были нормой повседневного общения. Коллектив педагогов школы Ёркишлака был отражением всего многонационального социума Советского Союза. Удостоенный почетного звания «Заслуженный учитель Киргизстана», Сагдулла Акбаров стал директором школы, а учитель Абдуллаев – зав. учебной частью. Участник Великой Отечественной войны Ташмамат Миркаримов вёл математику, Муллажан Моминов – историю. Нехватку местных кадров компенсировали учителя, приезжавшие с разных концов огромной страны: Т. Е. Афанасьева, Н. В. Клочкова, Ф. Н. Мячкова, Ш. Ибрагимов, Ф. Нуритдинов – все они были направлены в школу из других регионов.

Вскоре после возвращения из училища Эфендиев, как специалист с законченным высшим образованием, назначается завучем с одновременным ведением таких предметов, как география и биология. Как вспоминают его бывшие ученики, ныне 76-летние пенсионеры Турсунали-Хаджи Сулайманов и Абдулатиф-Хаджи Халбеков, «тему урока по биологии учитель объяснял, конечно, на опытном участке школы или в саду на практике. Когда сажали саженцы в школьном

саду, старательно рассказывал и показывал ученикам, как применять квадратный способ. Саженцы, которые мы сажали в школьном саду под руководством учителя в середине 50-х годов, уже стали большими и своими плодами радуют нынешние поколения. Посаженные нами тогда десять корней груш, несмотря на то, что уже прошло более шестидесяти лет, не переставая, дают свои плоды».

В 50-х годах любимый наставник Салих Эфендиев выступает с инициативой по организации подсобных хозяйств при школе и принимает активное участие в их создании. Один из бывших его учеников, А. Халбеков вспоминает: «Школьники, учившиеся классом ниже нас, Халдарбай Исаков и Хайкул Бакиров, за хорошую работу на ферме по кролиководству стали участниками ВДНХ в Москве». После этого – за хорошую организацию производственного обучения в школе и реализацию передовых опытов в процессе трудового воспитания детей – школе была передана грузовая автомашина марки ГАЗ-51. Также по плану и инициативе Салиха Ибрагимовича при учебном заведении построили стеклянный парник, удививший специалистов-аграриев высочайшим уровнем технологического оснащения – передовым для своего времени. Группы детей занимались здесь после уроков; учились сажать и выращивать различные растения. Парник без всякого ремонта служил до середины 60-х годов в качестве опытной сельскохозяйственной площадки.

Его бывший коллега, здравствующий и ныне восьмидесятилетний Юсуф-ака Юнусов рассказывает: «Салих Эфендиев придавал особое значение разностороннему развитию детей. Рекомендовал детям занятия спортом. Сам тоже был хорошим волейболистом, всегда старался распространить этот вид спорта среди учеников, учителей и молодежи села. Часто проводил соревнования с соседними школами, но победа оставалось чаще за нами».

В эти годы сложилась и личная жизнь Салиха Эфендиева – он сдружился с Тамарой Емельяновной Афанасьевой, которая после окончания университета в Ростове-на-Дону работала по направлению в Ёркишлаке учительницей русского языка и литературы. Сегодня молодёжь этого не знает, но в Советском Союзе дипломированные выпускники в обязательном порядке должны были два года отработать там, куда их направил вуз, а власти на местах были обязаны создать им все условия для работы и проживания. Специалист по своему желанию мог остаться работать дальше. Тамара Емельяновна, в течение двух лет завоевавшая уважение и авторитет среди коллег, учеников и их родителей, наверное, ещё не приняла решения о своей дальнейшей судьбе, и её путь определили – в самом прямом смысле этого слова – внутривосточные изменения в жизни государства.

В 1957 году депортированные народы были реабилитированы, с них были сняты ограничения по месту проживания. В начале 1958 года Салих вместе со всей семьёй уехал на родину, а Тамара – к своим, в Волгоград (Сталинград). В этом же году, обустроившись в Кёнделене, Салих приехал в Волгоград, за Тамарой. После бракосочетания они перебрались в Кёнделен и начали совместную жизнь.

Работая завучем в школе родного села, Салих Ибрагимович также уделял огромное внимание трудовому воспитанию детей. Его стараниями была организована школьная производственная бригада, и, надо сказать, что будучи сам с детства закалённым тяжёлым трудом, он смог привить любовь к крестьянской работе и школьникам. Кстати, даже работая завучем, Эфендиев не чурался земли – одна из молодёжных бригад, членом которой он был, в своё время поставила рекорд урожайности, собрав по 90 центнеров картофеля с гектара. По тем временам это было серьёзное достижение для республики.

Тамара вела себя, как и полагалось балкарской невестке. Быстро освоив все обычаи и традиции горцев, она не чувствовала себя чужакой. В интервью, данном журналистке Марине Кардановой, Салих Ибрагимович вспоминал: «Тамара больше похожа на балкарца, чем я. Она, двадцать два года проживая с моей любимой и высокопочитаемой мамой, заслужила её любовь, многожды благословлялась свекровью. Сестра тоже уважала Тамару. Всегда видел самые добрые и сердечные отношения между свекровью и невесткой».

И, прежде чем продолжить разговор о герое нашего очерка, хотелось бы сказать несколько слов о его спутнице жизни. Прочность и благополучие семьи во многом зависит от женщины. Как говорят: «Муж и жена – два вола». В достижениях Салиха Эфендиева, конечно, есть и большая заслуга Тамары Емельяновны Эфендиевой-Афанасьевой – его преданной подруги и коллеги. По милости Аллаха судьбы их сплелись воедино. Тамара Емельяновна родилась на казачьем хуторе в зажиточной крестьянской семье, которая в 30-х годах, в эпоху всеобщей коллективизации, была несправедливо репрессирована, вынужденно переехала на другую сторону реки Дон. Семья Салиха, как мы подчёркивали выше, тоже была принудительно выслана в Киргизию. Судьбы Салиха и Тамары пересеклись в Ёркишлаке.

В интервью корреспондентке газеты «Горянка» Марзият Байсиевой Тамара Эфендиева-Афанасьева вспоминает годы детства, студенчества и молодости. Все трудности военных лет она испытала ещё девочкой. Отец на фронте, брат-лётчик погиб в небе Белоруссии. Вместе с мамой и сестрой они каким-то образом существовали. Когда закончилась война, отец вернулся с фронта живым и здоровым, но радость оказалась короткой: ушла из жизни мама. Отец женился

во второй раз, Тамару забрала на воспитание бездетная тётушка. О сестре заботились и другие родственники. Когда дядя уехал на работу в Саратов, в течение двух лет Тамара жила совсем одиноко, и счастье, что её окружали хорошие люди. Затем, по совету дяди и тёти, она уехала учиться в Ростов-на-Дону.

По окончании вуза её направили в Киргизстан. По словам Тамары Емельяновны, некоторые ростовчанки, не желавшие далеко ехать от своего дома, скоропостижно повыходили замуж, но ей такой шаг претил. «И вот, в кармане двухмесячная стипендия, в руке чемодан, приехала в Ёркишлак, – так вспоминает Тамара Емельяновна, – школа старая, расположена в низком здании. Во дворе мужчины играли в волейбол. Одним из них и был завуч Салих Эфендиев. Он познакомился со мной, моей спутницей – учительницей физкультуры Фаиной, и показал нам общежитие, где будем жить. Отпущенных дров и угля до весны не хватило. Были дни, когда мы топили печку сухими стеблями хлопчатника. В моем 10-м классе была единственная девушка. После окончания седьмого класса родители девочек запрещали им учиться дальше».

А потом завязалась дружба с Салихом, она постепенно переросла в нечто большее. И далее, как мы уже и говорили, сама судьба распорядилась так, что двум молодым людям выпало быть вместе. И, несмотря на то, что на долю Тамары Емельяновны выпало свершить сотни трудных дел (она является автором десятка монографий и руководителем двадцати успешно защитившихся кандидатов наук), одной из главных своих заслуг профессор Эфендиева считает уровень своих взаимоотношений со свекровью, ушедшей из жизни в 103-летнем возрасте.

Итак, возвращаясь к главной линии нашего очерка – после нескольких лет жизни в Кёнделене семья молодых учителей переехала в Нальчик; супруги серьёзно занялись наукой. Оба они защитили и кандидатские, и докторские диссертации, причём Салих Ибрагимович сделал это в 36 лет, став одним из самых молодых докторов наук в целом по стране. Тема диссертации – «Формирование и развитие советского патриотизма и социалистического интернационализма среди народов Северного Кавказа» – в своё время была очень востребована. А по мнению доктора философских наук, профессора Салиха Эфендиева, она актуальна и сейчас – в последнее время у людей, кажется, атрофирован не только патриотизм, но и сам инстинкт восприятия такого понятия, как Родина.

Увеличивается количество игнорирующих нашу историю, сформированную в течение десятков лет, наши ценности, даже завоеванные наши великие победы. «Как подчёркивал Жан Жорес, – говорит профессор, – от прошлого мы должны взять не золу, а пламя. Я до-

волен тем, как прожил свою жизнь. Я видел много хорошего. И ещё я счастлив от того, что каждый день вижу горы».

Профессор Салих Эфендиев – автор более 10 монографий, посвящённых межнациональным отношениям, более чем 300 статей, освещающих историю и теорию культуры. Совершенно недавно была издана его новая книга «Святые имена» – сборник статей о жизни и творчестве признанных во всем мире писателей и поэтов: Кязима Мечиева, Алима Кешокова, Кайсына Кулиева, Давида Кугультинова, Инны Кашежевой и Чингиза Айтматова.

Салих Эфендиев подчёркивает: «Я бесконечно благодарен живущим в Кыргызстане киргизам, узбекам, казахам и представителям других народов, которые не жалея, делились с нами куском хлеба и от души, в силу её природной широты, подарили нам кров. Эти народы, как воплощение уважения, щедрости, мира, уверенности, остаются в нашей исторической памяти и сохраняются в наших сердцах навсегда».

Размышляя о прошлом, о Великой Отечественной войне, о депортации, профессор Эфендиев всегда утверждает, что все трудности, выпавшие на долю многострадального балкарского народа и каждого балкарца в отдельности, не были пустыми и бесследными испытаниями. Это те события, которые вошли в судьбы нации, повлияли на её облик, стали частью ее истории и этнического духа. Салих Ибрагимович считает, что эти годы – часть жизненного пути балкарцев, их жизненная доля и, признавая это, необходимо помнить то хорошее, что было на этом этапе. Профессор Эфендиев утверждает, что никогда, как сотни и тысячи других балкарцев, не забудет Киргизию: «Можно сказать, моя душа осталась в тех странах»; вспоминает знакомство с великим прозаиком нашего времени: «Переписывались с Чингизом Айтматовым. Когда я был студентом, он работал главным зоотехником. Несколько лет тому назад узнал, что в Нальчик приехала делегация из Международного института им. Чингиза Айтматова. В это время я читал лекцию студентам в институте искусств. Здесь я узнал, что они приехали. Встретились с делегацией и расплакались от души. Скоро я отправил из своей библиотеки несколько книг в Международный институт и в Государственную Национальную библиотеку Кыргызстана, они очень обрадовались».

Семью Эфендиевых можно назвать империей учёных. Салих Ибрагимович и его сын, Фуад Салихович, – доктора философских наук, к тому же, сын – проректор Северо-Кавказского государственного института искусств, Тамара Емельяновна – доктор филологических наук, дочь Ирина – доцент Кабардино-Балкарского государственного университета, кандидат медицинских наук. Зять – Рашид Жетишев – доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой университета.

Если их дети в будущем тоже овладеют вершинами науки, как их отец, мать, бабушка и дедушка, то, разумеется, это не будет удивительным.

Отвечая на вопросы корреспондентки газеты «Нальчик» Юлии Бекузаровой о молодом поколении и минувших временах, учёный сказал: «Современная молодёжь не прошла такую тяжёлую школу жизни, которую мы испытали в свое время. Сейчас они испытывают духовный голод, неоправданно высока их тяга к комфорту и развлечениям, при этом они зачастую не знают своих писателей и поэтов, не говоря уже об авторах соседних народов. В этом виноваты и мы – так, более 70 процентов текстов Керима Отарова, около половины литературного наследия Кязима Мечиева не переведены на русский язык. Между тем незнание и косность порождают национализм, который не приводит к добру никогда. Мы должны научно исследовать свой язык, национальную культуру, языки и культуру других народов, их творческое наследие, а главное, понять, что каждый народ является составной частью дома мировой геокультуры. Как говорил Демокрит: «Земля – общий дом человечества».

Сегодня Салих Эфендиев основное своё время посвящает написанию книг и их публикации. В первую очередь, это исследования по биографии и творчеству Кайсына Кулиева. Профессор изыскал и ввёл в научный оборот тысячи материалов из архивов КБР, Москвы, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, в настоящее время он является инициатором и организатором Эльбрусских чтений – мероприятия, уже ставшего традиционным и посвящённого творчеству великого балкарского поэта.

И, подводя краткие итоги сказанному, можно констатировать, что Салих Ибрагимович и Тамара Емельяновна посвятили свои жизни балкарскому народу и любимой стране. Это их жизнь, это их судьбы – неразрывно сросшиеся, переплетённые прихотливыми изгибами жизненного пути и приведшие их, в конце концов, на малую родину Салиха Ибрагимовича. Тамара Емельяновна, кстати, рассказывает, что её преданный друг часто напоминает: «После ухода из жизни меня похороните в Кёнделене».

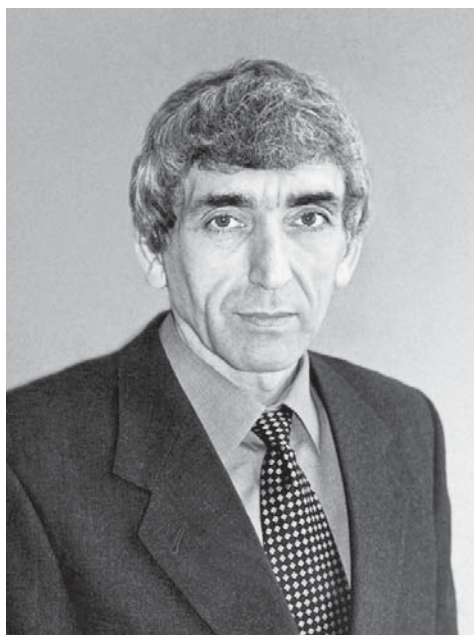
Тамара-апа тоже мечтает: «После ухода из жизни уйти на вечный покой рядом с любимой свекровью и верным супругом».

Благородная Тамара-апа!

Пусть Ваша мечта лежит в далёком будущем. Пусть до её исполнения Вам предстоят новые свершения, радость Ваших близких, победы Ваших детей, внуков и правнуков. А уйти на покой... Если судьбой вам было предначертано быть вместе с Салихом Ибрагимовичем – то этого уже ничто не изменит.

Перевел с узбекского Х. Насыров

МУЗЫКА АДЫГСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Р. Х. Ацканов

... «И вышла в свет книга!» Звучит несколько тривиально... не правда ли? Однако в подобной модуляции принято заявлять обо всех книжных новинках. А книга-то на этот раз вышла и вовсе *не* обычная... Внушительный сборник избранных произведений Народного поэта КБР Руслана Хасбиевича Ацканова «Пшэм хэт унэ» («Дом в облаках») на кабардинском языке и в эстетичном дизайне. Название книги не просто символично «воздушно» (согласитесь, что лира Р. Ацканова невозможна без придыханий эоловых...), оно интригует ностальгической эlegantностью, оно же завораживает изяществом благозвучия.

Эфемерный «Дом...» опочил в облаках. Он увлекает читателя в бесконечные анфилады покоев (стихи, поэмы, сонеты, новеллы, стихи в прозе), под сводами которых веют ветра нездешние, звучат напевы пасторальные. В отчетливой яви где-то пронзительно кычет сова. В незапамятном далеке поскрипывают деревянные спицы колес ветхой арбы. И дворняга под низким крыльцом... Сколько невыразимой тоски в долгом завывании пса! А как чудно благоухает поздний цвет лескенской крапивы под волглым бременем августовских рос... Впрочем, нет надобности «перепевать» судьбу и весть ацкановской музыки. Она сбылась в необратимом своеобразии.

... В то же время, не чуждый светлых муз читатель, должно быть, помнит, что камни любят чередующееся пение, и потому наш слух нынче жаждет... сонетов. Мы поговорим о сонетах, созданных на родном наречье Певца Лескена.

Сонеты, на наш взгляд, стали ядром настоящего сборника его избранных произведений. В книгу вошло 310 сонетов и сонетоидов. Для пущей убедительности следует обозначить: сонеты – вообще – одна из «форм» бытия ацкановского творчества. Собственно, слово восходит к итальянскому sonetto (son) звук; это ямбическое четырнадцатистишие из четырех законченных строф. Классическая «итальянская» схема предполагает два четверостишия (катрена) со сквозными рифмами и два трехстишия (терцины); («шекспировская» – английская – три четверостишия и двустишие.

Более трех сотен сонетов, включенных в настоящий сборник говорят за себя: автор великолепно управляет как «шекспировской», так и «итальянской» формами. Впрочем, названия обеих несколько условны, ибо сонетная подача стиха не является исключительной принадлежностью отдельной или нескольких языковых культур.

Объективности ради необходимо помнить, что в Италии сонет существовал и до Петрарки. Каким образом?

Первый известный литературоведам сонет написан в 1230-е годы юристом из Сицилии Джакомо да Лентини. В XVI–XVII вв. сонет распространился по Европе. А возник он в Италии не случайно: в средневековой форме и числу придавалось особенное символическое и мистическое значение. (Вспомним монументальную «Божественную комедию» Данте Алигьери и его роковую цифру 3.) В общем, каноническими считаются два варианта рифмовки в четверостишии. Наиболее совершенными являются АВВА – АВВА; а наименее – АВАВ – АВАВ. В трехстишиях рифмы располагаются по нескольким схемам: СДС – ДСД; СДЕ – СДЕ; ССД – ЕЕД.

Распространяясь в мировой поэзии, сонет постепенно обретал неотъемлемые национальные черты, а в творчестве отдельного поэта – индивидуальную неповторимость.

Адыгский сонет в лучших своих образцах стал яркой и выразительной частью сборника избранных произведений «Пшэм хэт унэ» («Дом в облаках») Р. Ацканова. Собственная форма ацкановского стиха строга и лаконична: в его сонетах и сонетоидах нет ничего чрезмерно сложного. Поэт лишен изощренно-формалистических приемов. Он виртуозно владеет техникой. Если другие многочисленные творения поэта носят зримый отпечаток оригинальности, то в сонетах он очаровательно неповторим: мощь глагола, ширь интонации, высота полета мысли. Образный рисунок Ацканова выразительно отчетлив; слово не только убедительно, оно пронзительно звонко. Стих дышит на грани физического ощущения:

33 сонет

*Зы гугъэ хьэңцэгъуащэу кьызошэкI,
уэгу лъащIэм сыгурыIуэ си гугъэжу,
арицхьэкIэ слъагъукъым уэшх кьысхуригъэшхыу,
къеишхыну зищIрэ сыкъыгъащIэ фIэкI.*

Никак нереально освободиться от мысли, что ты не сам *мытарствуешь по треснувшей от засухи земле об руку с неуклюжей обрядовой куклой (хьэңцэгъуащэ)*. [здесь и далее пер. смысл. – наш].

По поверью она должна бы зазывать дождь, и она же, в данном контексте, есть образ Надежды... Но почему кукла – хьэңцэгъуащэ так упорно выступает на передний план, когда поэт на самом деле

вещает о некоем светлом (одном «зы») помысле? Безусловно, тут задействован ассоциативный механизм нашего мышления, в котором безраздельно сублимировались и образ и изначальный замысел поэта. Да, *хьэнцэгуацэ* – сравнительный образ, но настолько осязаемый!

Поразительна та избирательная способность, которой наделено языковое сознание человека, творящего на родном для него языке. Он нигде не оступится. Он ни при каких обстоятельствах не спутает речевых оборотов. Таким очевидным образом теза, мастерски выведенная в первом катрене, динамично возводится к грядущей антитезе, заложенной во втором:

*Сесащи, хьэнцэгуацэр схуэмыутЫици,
кьысфЮщЫр сыгьуэцэн ар си мыгьусэм.
Си хьэнцэгуацэм ещлэкIа гупсысэм
зы тэлай закьуи псэр имыгьэтыни.*

Насколько же витиевато сложно должно быть устройство бездн человеческой души, управляющей жанровой стихией словесной передачи, чтобы мгновенно оживить действо: *рой мыслей непроглядных, страх расставания с собственными иллюзиями. У путника с куклой нет выбора (как и покоя). Их (его) путь устремлен в вечность:*

*Си гьусэм сэрэ ди гьуэгуанэр кIыхьщ.
Ар зым ильагьукьым – гугьэр нэм кьиубыдрэ.
УкIуэнри гугьуц зэрамыгугьэу куэдым.*

В этом трехстишии (терцете) совершается синтез замысла... *Путь взывающих к дождю (путь надежды) неизмерим. Он долог. Путник (поэт) сетует: «Никто не ведает, как тягостно идти»; или «Возможно ли узреть край (границу) надежды?..»*

В заключительном терцете происходит снятие противостояния:

*Си хьэнцэгуацэм дэрэ кьыдокIухь,
уэших хуабэ гьащIэм щхьэкIэ кьедгьэихьыну,
хьэзыриц мы дунеижьыр дыхьэихьыну...*

... Путник со своей «хьэнцэгуацэ» держат путь... Они обречены: *им не узнать пристанища: им вряд ли удастся вымолить теплого дождя (читай: сбывшихся надежд) у небес.*

Во всяком случае, поэт способен увидеть себя со стороны, а значит – понять тщетность своих стремлений, иначе как объяснить горечь неподражаемой самоиронии, просквозившей в заключительной части: *«Вселенная готова разразиться приступом хохота (смеха) ...»*

Любопытно – какого? Не гомерического ли? Пожалуй... Тем более, что стих словно *ненароком* обронил мысль о том, что небеса равнодушны к увещаниям земли, изнывающей от засухи. Стало

быть, ни идущий, ни (подавно) его «хьэнцэгуащэ» не могут уповать на милость «кубка ветреной Гебы».

В заключительной строке 33 сонета таится заколдованная на века кладезь адыгской мысли.

...Сонеты не всегда проговариваются поэзией. В замысле и в исполнении устройство сонета должно совпасть с личностью художника. Да, совпасть: слиться – сойтись, пусть и не целиком, но – соединиться с многомысленностью поэтического слова.

Все возможности языка кристаллизованы в сонетах и сонетоидах. Язык здесь и выражает, и заволакивает. Язык же и хранит, и таит. В ацкановских сонетах сосредоточено множество языковых начал. Поэт, мыслящий и творящий на родном языке, способен разомкнуть внутренний узел любой словоформы, причем – разомкнуть искусно. Такой процесс особенно наглядно наблюдается в сонетах: именно в них ацкановский стих высвобождает множество узловатых под-смыслов лексических сочетаний. Поэту дано невероятное, через слово он входит в тесный контакт с прапамятью. По сути, 33 сонет есть грустная песнь о тщете земных помыслов. *Человек внемлет обману. Он живет в иллюзорном.*

Особенность сонетов заключается в подлинной диалектичности вибрирующего драматизма. Кстати, своей внутренней драматичностью они превосходят баллады и поэмы. Что же является источником подобного? По всей вероятности, это – схема. Да, схема содержательного характера, прослеживаемая во всех без исключения сонетах, и есть ключ искомого. Недаром сонет является единственной канонической строфической формой, (верлибр – наименее) в которой словно бы уже заложен драматизм поэтической мысли. Для наглядности проследим эту динамику в 49-м сонете:

*Хьхьэжу и гум бзум уэрэдыр жеІэ,
и макъыр зэрольэльыр гухэль уэру.
Езым иусыжа абы къришыр
е иуса нэгъуэщІ гумащІэ гуэрым?*

...В песне небесной птахи заключена тоска возвышенная, печаль невыразимая. Поэт задается вопросом: сама ли птица сложила эту песнь, или она вещает чужую тоску?

Неторопливый этот катрен сменится другим, нерасторжимо с ним связанным, и ему же (!) противостоящим:

*Тум щыгъуэми уэрэдыр щоІу уэгу щІагъым,
Псэм хэшыпсыхьрэ уэри игъэхъужу.
Уэрэдыр сэ апхуэдэу зыхэщІами,
зыхуаусар сэрауэ къысщыхъужкъым.*

...А песня льется, исцеляя небо. В заоблачные ее звуки погружается душа (тонет)...

Поэт болезненно чуток к птичьей сонате. Чуток настолько, что ведаёт: *не про него сия мелодия...*

Далее, сжимаясь в чеканных словоформах терцета, укорачивается звучание поэтической речи. Напряжение стремительно нагнетается, крещендо – к аскетическому смирению:

*Сыт сщІэн апхуэдэуц зэрелуэкІыр гъащІэр,
Зым ейр болъагъур нэгъуэщІ гуэрым лъысу.
Пиэ гуартэ фІэкІ къызыхэмыц уэгу лъащІэм
бзу цІыкІум къыщельыхъуэ зыхуэусэр.*

Непреложный вердикт вселенной: кому – терять, а кому – обретать.

...Под взывающую (ищущую) мелодию одинокой птицы покоится небо; покоится в барашиковых облаках.

И тут разворачивается действие невероятное, стремительно краткое. Происходит «высвобождение» замысла, неожиданно завершающееся упругой строкой всеосвещающего сонетного ключа:

*Хухеш уэрэдыр уафэм игу къэмыкІу
ар псом хуэмыдэу цІым щызэхащІыкІу.*

...Птица, голосащая в небеса (безответные), не знает (не подзревает) что ее мелодией растревожено земное.

В движении живой души кроется поэзия. В контексте 49-го сонета – живое адыгское слово, матрицированное в устах поэта. Он не просто глаголит по-иному, он зрит намного иначе. Когда в сонетах вроде бы «рисует» пейзаж, это не есть застывшая картинка в заданной жанровой интерпретации, это – живое, магическим словом стреноженное, адыгским духом запечатленное – мгновенье.

Некогда А. С. Пушкин писал о сонете: «Размер его стесненный...» Наверняка так оно и есть. В строгих канонах четырнадцатистишия непросто спеть «в полное горло», выразиться вольготно. Однако эта «стесненность» в некоторой степени условна, ибо она не может сказываться на архитектонике исконно адыгского стихосложения. Почему? Да хотя бы потому, что потенциал адыгского лексического сознания, выпестованный фольклором древнего этноса, исключает аналогичного рода «тесноты». Адыгский лингвистический код непостижимо гибок. Велеречивые словоформы неуловимо мягко трансформируются в афористичные обороты. Адыгская поэзия вообще тяготеет к лаконичным формам. При этом наисложнейшие парадигмы легко расплетаются посредством самобытных лексем. В рассматриваемом конкретном случае ацкановское слово – живой

сосуд, вобравший музыку адыгской Вселенной. Что же касается собственно сонета, тут наблюдается настоящий прорыв ликующего слова в лоно света, лазури и воздуха.

В этом ключе нельзя не вспомнить и про избирательность языка. В разных речевых вариациях язык проявляет свою идиоматичность, национальную окраску, фольклорную тональность и неподражаемую самобытность. Эти способности адыгского наречья формировались в тысячелетиях. Процесс длительного употребления фразеологических лексем (еще от нартских сказаний) поспособствовал гибкости семантики. Впрочем, именно эти уникальные составляющие отличают адыгский от других (не только иберийско-кавказских) языков, заключая серьезную преграду при овладении им.

К выражению вышеупомянутой вселенской гармонии адыгского слова причастна и музыкальность сонетной схемы, в которую укладывается философский стих. Интонационно-звуковая выразительность проявляется в ритмико-мелодической организации речи (особенно в сонетах «шекспировской» формы, которые у Ацканова развиваются гораздо интенсивнее, чем в «итальянских»), а в звуковой насыщенности синтагмы вибрирует звонкая экспрессия. У автора наблюдается необычный набор *внеязыковой информации*:

*Уи гугъэр псоми щыхэпхыжым деж,
шыгъажэм уи шы закъуэр къыщытож.
Къыщыщледзэж абдеж аргуэру гъащлэм.*

В этом, озаряющем все стихотворение заключительном трехстишии 223 сонета поэт таинственно просветлен: *...И даже когда угасают сполохи последних надежд, стоит твоему коню (одному) оказаться впереди всех гонцов, как жизнь начинается сызнова...*

Подобное заключение явилось апогеем чрезмерной напряженности.

Следует отметить *энергию* беспощадного размышления в ацкановских сонетах. Усиливаясь, она завершается насыщенным выплеском, противостоящим гнету вулканизирующей души.

Духовное одиночество поэта, его мирская неприкаянность, его (чуть ли не гамлетовские) сомнения не только выражаются в стихах... В строфике сонета это отражается во-первых: нарастанием аналитических элементов; во-вторых – все более интенсивным взаимодействием в художественном целом. В данном аспекте особенно красноречив 225 сонет. В его заключительном двустишии (сонетном ключе) звучит:

*Щалэгъуэр щызыхъар блэкIа лIэщIыгъуэм
пхуэщIыну мы лIэщIыгъуэм щыщ къысщыхъукъым.*

...И тому, чья юность осталась в веке минувшем, не суждено стать частью (органичной) века нынешнего...

Здесь самоанализ поэта происходит с непрерывной оглядкой в прошлое. Он, не задумываясь, обвенчал свой дух с минувшим, убедив свое физическое «я» оставаться всего лишь свидетелем оного. Согласитесь, что подобная сложная комбинация поэтического мирского восприятия не просто удивляет, она восхищает потрясающе-трогательным откровением.

Примечательно, что большинство сонетов Р. Ацканова относится к числу его наилучших творений. Афористичны и значительны, к примеру, сонеты 263 и 267...

В идиллическом сонме многоголосья родной земли чудится эхо неведомых миров. Поэт творит не во времени. Он обречен быть (и будет) во *Временах*. Чудодейственное поэтическое слово автора «Дома в облаках» («Пшэм хэт унэ») вибрирует в унисон с атлетической изобразительностью. Обратите внимание: это происходит не по причине лингвистического обилия, не от «книжности»... Не при чем тут и своеволие одержимого художника. Недаром говорится: «Все сложное – просто». У поэта небывалый источник вдохновения: прапамять опыта души. Возможно сам «психотип» и не осознает, что подобное ясновидение есть таинство сокровенное, карма – неделимая. Кто знает... Поэт «высшего порядка», венчаный небесами, как правило, и не должен бы «знать» или «ведать». У Поэта иное – он *чувет*... С большой долей вероятности можно предположить, что зыбкий ореол печали ацкановских стихов и есть тончайшая завеса этого нездешнего чутья:

*Къытригъэзэж зэпыту сэ сонцыхь
уэнжакъым къриху Iугъуэ щымыIэжым...
Сольгагъу ар зэм мыпIащIэу пшэм хыхъэжу,
зэм щыIэщ си Iум иту къыщысщыхъу.*

...Во снах (он) снова видит медлительный дым, уносящийся из дымохода в облака. И в гортани свербит от дымной горечи (глотка)...

Перед вами смысловая передача (наша) первого катрена (тезы) 276 сонета. Далее, в антитезе, дым ассоциативно навеивает на нас причудливые тени: домашнего очага; пламени в очаге; золы от бывшего огня...

Концепт золы прослеживается и в других творениях Ацканова. Кстати, примечательна сама триединая формула «очаг – огонь – зола», восходящая к адыгскому мифологическому мотиву. Нет, мы не к тому, что 276 сонет есть переосмысление фольклорных преданий посредством отдельного экзотического рисунка. Более того: это не медитативное блуждание поэтической природы. На самом деле, настоящий изобразительный пасьянс «очаг – огонь – зола» есть ностальгическое

видение нетленного древнеадыгского сознания, высеченное из тьмы веков некоей мистической десницей. Видение ослепительно яркое, осмысленное поэтом с присущей ему прозорливостью и ... грустью. Словом – воспроизведенная вивисекция.

Художнический взгляд автора 276-го сонета философично заключает:

*Си хамэу кьыщІокІыж сьзыпІа гугьэр
си нэгу кьыщІыхьэу щытмэ нэщІ хьуа жьэгу.*

...Пустой очаг¹ перед взором внушает мысль о чуждости надежды, возрастившей меня...

При таком разоблачении кажущейся радуги, сонет начисто лишен поэтической вялости. Он светится. Не изменяя традиционным правилам «молнии и зигзага», он – предметно конкретен. Именно в подобных перипетиях интонации, полной недвойственного своеобразия, формируется сонетный ключ:

*Ар жысІэ щхьэкІэ хэт нэхьыфІыр зыщІэр.
Ар зэрыдмыщІэриц гьащІэм кьыпызыщэр.*

...Хотя, кто ведает: что в жизни – наилучшее? В таком неведении – грядущее бытие.

Старая сентенция «счастлив в неведении» всегда актуальна, а здесь она толкуется неожиданным сонетным разрешением.

Поэт напряженно вслушивается в «глушизны» мироздания. Он, как бы затаившись, пытается нащупать пульс отягощенной вселенной. Поэт ищет некую твердую, неделимую, *вещую* строку во всех широтах временных и пространственных измерений. Неудивительно, что география подобных поисков частенько размывается стытью осенних туманов родного Лескена. Ведь наивещая строка – эта та, которая выплеснулась из перекатных волн *твоей* реки; Исконно *твоей*; Единственной; Той, что тебя вспоила. И Поэт чует это. (Снова «чуёт» вместо «знает»!) И творит в неразрывной связи *с ней*.

Среди множества изобразительных средств автора «Дома в облаках» (*дерево; птица; дом; камень; река*) доминирует *облако*. Большинство сонетов пребывает «в облаках». Облака всегда разные, как и монологи, обращенные к ним, или «по ним». Тезы таких сонетов красочно-пластичны, а в мягком говорке антитез разнуждываются чуть

¹ Устойчивое идиоматическое выражение «нэщІ хьуа жьэгу» (или «упщІыІужа жьэгу», «бгынэжа жьэгу») восходит к глубокой древности; к дешифрованным рисуночным текстам хеттской культуры. Мы не случайно прибегли к этой ссылке: активный словарь автора «Дома в облаках» есть материал для исследователей, занятых в области восстановления языковых соответствий. Приведенный пример – один из многих.

ли не все метафизические начала адыгского слова. Интонационные, эмоциональные, экспрессивные перешептывания, и еще множество несформулированных вздохов мистической ворожбы Слова аукаются в глухонемых диалогах междустрочий.

Духовно щедрый, даровитый автор «Дома в облаках» («Пшэм хэт унэ») на редкость проницателен. Поэта – отпрыска века минувшего – угнетает равнодушная недолжность нынешнего миропорядка. Драгоценные свойства человеческой души с замечательной живостью проступают в сонетных творениях.

В стихах сказываются национальные родовые черты: драматический симбиоз родного и вселенского; сострадание живому и сорадование земному; всеотзывчивость духа окружающему миру. Во всем – печать адыгства. Но верность адыгской лирике никак не противоречит выраженной склонности поэта к сонетным формам.

Будучи мастером раскованного стиха, являясь носителем адыгских традиций песенного слога, он легко и органично укладывает эту самую *адыгскую* мысль в строфическую нормативность «космополитного» сонета.

Подобная грация стиховой архитектоники свойственна не каждому лирику. Казалось бы, внутренний интонационный рисунок слова способен «сломать» сонетную строфу. Но ничего подобного не наблюдается. Как же это происходит?

Очевидно, что диалектика развития адыгской поэтической мысли (пусть и не везде соблюдающей неуловимые границы катренов и терцетов) делает безудержно «вольные» сонеты подлинными. Отталкиваясь от классических форм родного стихосложения, Ацканову удается войти в динамику современности. Параллельно он наполняет обновленные (им же) формы оригинальным содержанием.

Сонеты Р. Ацканова строги и классически прозрачны, но за строгостью и внутренней сдержанностью рокошет неизбывный трагизм. Смерть и бессмертие – непреходящие темы высокой поэзии, а в сонетах они не просто символы; они – конкретные реалии духовного мира, неотделимого от окружающей стихии, нареченной «жизнью», как это наблюдается в 155-м сонете:

*Псэуат жыг тхьэмпэр, гьунуи игьуэ хьуат,
итIани зыхащIыкIмэ сьт щIэмыхьур?*

...Лист (дерева) отжил свой век, теперь пора увянуть; Но почему его никто так и не почувствовал (не понял)?»

Сонет завершается философским двустишием:

*ЩыхэкIым уи псэр гугьэ уэзыгьэщIым
нэхь гьэщIэгьуэн мы гьащIэм хэль кьысфIэщIкьым.*

...Загадочная прелесть этой жизни заключается в единственном кратком миге надежды перед промельком отлетающей души.

Непрост сонет, но мастер стиха, владеющий секретом *свободного в своей гармонии* поэтического слова, управляет звуком легко и воздушно. Четкие контуры сонета и его адыгский «чекан» требуют объемности мысли, емкости образа, некоторого внутреннего противодействия заданной выверенности. И только действительная поэтическая мощь адыгского слова способна сохранить этот воздух – не разреженным, а мысль – целостной, чтобы классическая схема «теза – антитеза – синтез» не превратилась в зарифмованный силлогизм.

«Дом в облаках» («Пшэм хэт унэ») – обитель чудесных сонетов, поэм, стихотворений и новелл – есть вечное пепелище бесприютного ацкановского «я». Удержав в сознании символическую идею неподлинности здешнего мира, сохранив условности его декораций, Поэт волей-неволей (не имея доступа в «наивысшие покои») должен театрализовать этот мир декораций. В подобной театрализации содержится момент преодоления или освобождения, даже больше: возвращения из неподлинного мира к собственному «я». Причем «Дом...» оказывается видимостью, призраком, и наконец – песней! Стало быть, логичен следующий вывод: главенствующий мотив сборника стихов заключается в монологах вселенского «я», обращенных в эфемерное пространство декораций, и в поиски этим «я» состояния стабильного мироустройства вообще.

Незыблема экзистенциальная сущность ацкановского монолога. Репродуцируясь в каждом отдельном сонете, монолог сохраняет волю и дух родного языка. Поэт предельно искренен перед Словом. Образный рисунок и интонационные переливы обусловлены беспредельностью метафизических возможностей автора, а автор «Дома в облаках» обладает некоей магией, зашифрованной в стиховой схеме сонета.

Поэзия есть гармония. Она требует безупречного языка, филигранной тонкости вкуса, значительности мысли, вдохновения. Одним словом – таланта. Но, как это ни парадоксально, Поэт творит не талантом, а обнаженным чувством жизни. Стиль? Это уже следствие.

Поэт Р. Х. Ацканов поет день сегодняшней на языке бессмертия. В сонетах ли, в лирических стихах или новеллах он трогательно славит жизнь, сострадает земному, радуется небесному. «Дом в облаках» («Пшэм хэт унэ») ни что иное, как благодарственная поэтико-«архитектурная» дань Небесам. Но самая заветная обитель поэта – до боли земная, до тверди родная – Лескенское ущелье. Там вздыхают облака необыкновенные. Там... все еще живы. Там ликует дивное эхо его рассветной Песни.

ИЗ ИСТОРИИ КАБАРДИНСКОГО ТЕАТРА

Рождение театра

Три года назад Кабардинский государственный драматический театр отметил свой юбилей. Восемьдесят лет – целый человеческий век, несколько эпох в жизни страны, кабардинского народа, самого театра с его теперь уже устоявшимися традициями, со своей сложившейся школой кабардинского сценического мастерства, с живой преемственностью поколений. К этой дате театром была подготовлена к публикации отдельная большая иллюстрированная книга. Здесь же мы решили познакомить читателя с основными вехами в становлении и развитии театра.

1 мая 1937 года начал свою работу «Кабардинский колхозно-совхозный театр», такова официальная дата начала большого пути. Первым художественным руководителем и главным режиссёром нового молодого коллектива был назначен Н. Д. Станиславский. Именно тогда, в далёком 1937-м, под руководством режиссёра новая национальная труппа открыла свой первый сезон постановкой пьесы известного советского драматурга А. Корнейчука «Платон Кречет».

Здесь надо сделать небольшое уточнение. Дело в том, что кабардинский театр как организованный и официальный институт сценического искусства возник не совсем на пустом месте. Адыго-кабардинская театральная традиция уходит своими корнями намного далее официальной даты открытия. Достаточно вспомнить явления и персонажей кабардинского народного фольклора и зрелищ. Одним из главных таких явлений были ДжэгукакIуэ – народные сказители, в репертуаре которых были героические песни, сказы и легенды. В ином, юмористическом ключе выступал мим и весельчак Ажэгъафэ, который был непременным участником событий, свадеб и игрищ. А настоящим прообразом театрализованных постановок были фольклорные традиции весеннего новогоднего обряда-приношения «МафIащхэ тыхъ», в которых уже содержались элементы драматического искусства.

Ещё надо вспомнить, что и созданию профессиональной национальной труппы и драматургии предшествовали многие годы подготовительной работы. В 1920–30-е годы по всему краю открывались клубы, культурно-просветительные учреждения. Это способствовало возникновению художественной самодеятельности. По сёлам и рабочим станам республики разъезжали агитбригады, участники которых осваивали сами и знакомили первых зрителей с началами национальной сцены.

*Драматический кружок студентов Ленинского учебного городка
Кабардино-Балкарской автономной области,
1931-32 учебные годы*

В 1933 году при Ленинском учебном городке была открыта первая областная студия национального искусства. В тот период уже назрела необходимость создания собственного национального театра, и в задачу областной студии входило воспитание кадров для будущего профессионального театра. Руководил студией режиссёр-педагог Ф. А. Шевченко, а преподавателем сценического мастерства был И. К. Шиккер.

В число первых национальных студийцев вошли Тембот Кимов, Абу Березгов, Камбулат Мзоков.

В 1934 г. по сёлам республики разъезжали специалисты и отбирали в студию наиболее талантливую молодёжь. Юноши и девушки, выдержавшие испытательный конкурс, зачислялись первыми слушателями шестимесячных курсов студии национального искусства при Ленинском учебном городке.

Однако, при всём энтузиазме руководителей и молодых студийцев, очень скоро стало понятно, что шестимесячного курса явно недостаточно для обучения профессиональному сценическому мастерству. К тому же явно не хватало квалифицированных преподавателей. Тогда и пришла помощь из Московского института театрального искусства им. А. В. Луначарского от тогдашнего директора А. Н. Фурмановой.

Она ознакомилась с работой студии и предложила организовать при институте национальную студию с полноценным сроком обучения в пять лет.

В июле-августе 1935 г. в сёла и аулы Кабардино-Балкарии в рабочую командировку отправились доцент Московского театрального института А. А. Ефремов и народный артист И. Я. Судаков. Первый отбирал своих учеников для кабардинской национальной студии, второй – для балкарской. Так в 1935 г. в Москву отправилась на учёбу первая группа кабардинских студентов театрального института.

*Здание драматического театра
в Нальчике, 1938 г.*

Однако, не дожидаясь окончания учёбы и первого выпуска московского института, в Нальчике в том же 1935 г. была укомплектована новая кабардинская студия с тем расчетом, что из её участников и из будущих выпускников театрального института им. Луначарского будет сформирован Кабардинский национальный колхозно-совхозный театр.

На своём заседании 13 июня 1936 г. Президиум Облисполкома республики постановил организовать областной Кабардинский национальный театр из групп, окончивших краевые курсы театральных работников в составе 12 человек. Благодаря этому уже в декабре 1936 года в новом здании начал свою работу первый драматический театр в Кабарде.

Колхозно-совхозный театр, 1937–1940

В числе первых актёров нового Кабардинского колхозно-совхозного театра, который начал свою работу в мае 1937 г., были: Мухамед

*Занятия драматического кружка
Ленинского учебного городка*

Тубаев, Куна Дышекова, Данитка Шортанова, А. Гоов, М. Гонибов, Т. Камбиев, С. Нартыжев, К. Сохова, А. Кабардоков. А первыми национальными режиссёрами-постановщиками стали А. Т. Шортанов и Х. Х. Мидов.

В то время как первый поток кабардинских студентов проходил обучение в Москве, в театральном институте, дома их товарищи и в теории, и на практике овладевали

Участники первой труппы художественной самодеятельности, позже преобразованной в народный театр. Слева во втором ряду Куна Дышекова – впоследствии народная артистка РСФСР, справа в первом ряду Мухамед Тубаев – впоследствии заслуженный артист РСФСР

азами сценического искусства. Именно из них, бывших воспитанников Ленинского учебного городка, составилось первое ядро национального театра, организованного под руководством талантливого режиссёра и педагога И. Е. Шевченко.

Нельзя забывать, что театр в то время, как и в целом искусство, являлся прежде всего средством пропаганды. Молодая советская страна решала грандиозные задачи, в числе которых были индустриализация экономики и перевод сельского хозяйства на новые коллективные формы работы. Нарождалось и укреплялось новое революционное мышление. И культура в целом служила прежде всего революционным новаторским целям, и вместе с тем отражала процесс невиданного сдвига в сознании народов и человеческой личности.

В этой связи символичен факт, что первой постановкой нового профессионального кабардинского театра стала не национальная драма, а пьеса русского советского драматурга А. Корнейчука «Платон Кречет». Пьеса, в которой и был отражён конфликт новаторского и революционного в лице советского интеллигента нового типа Платона Кречета со всем старым и косным, тормозящим развитие научной творческой мысли.

Однако уже с тех первых месяцев своего существования молодой театр осознавал себя неотъемлемой частью своего народа, его уклада и быта, фольклора, а также грандиозных изменений последних лет.

Куна Дышекова

Куна Дышекова – одна из тех, кто стоял у самых истоков национального театра. Будучи 14-летней девочкой, она по направлению обкома комсомола уехала в Пятигорск, на курсы по подготовке работников библиотек и изб-читален. Стала активной участницей драмкружка. В трудовой книжке Куны Хажмурзовны одна единственная запись: «Принята на работу в Кабардинский национальный театр в 1936 году», где она и проработала более 65 лет.

Куна Хажмурзовна Дышекова (1917–2003), заслуженная артистка КБАССР, заслуженная артистка РСФСР, народная артистка РСФСР

тические роли в спектаклях «Кремлёвские куранты» Н. Погодина, «Горская женщина» Р. Гамзатова, «Егор Булычѳв» М. Горького, «Материнское поле» Ч. Айтматова. Куна Хажмурзовна вырастила пятерых детей, и на вопрос, какая роль самая любимая, она неизменно отвечала – роль матери. И как только она успевала: блистать на сцене, воспитывать детей и быть прекрасной и, что немаловажно, радушной гостеприимной хозяйкой? В театре её все звали Кунэшхуэ (Большая Куна). Её знала и обожала вся республика, как и Али Тухужева, её бессменного партнёра на сцене. Куна излучала добро и теплоту, такой и осталась в памяти людей.

В интересной и насыщенной жизни Куны Хажмурзовны было много событий разного плана: были первые спектакли и первый успех. Потом началась война, но театр продолжал работать, как бы трудно ни было в те годы. Также выезжали по сѳлам, собирались с костюмами и реквизитом в чемоданчиках, грузились на телеги и часто шли рядом. Иногда в их телегу запрягали то лошадь, то корову, но бывало, что артисты на крутых подъѳмах или в бездорожье и сами впрягались в телегу.

Куна Дышекова сыграла более 250 ролей, зритель помнит комедийные образы, созданные актрисой.

Но она играла и серьёзные драматические роли в спектаклях «Кремлёвские куранты» Н. Погодина, «Горская женщина» Р. Гамзатова, «Егор Булычѳв» М. Горького, «Материнское поле» Ч. Айтматова. Куна Хажмурзовна вырастила пятерых детей, и на вопрос, какая роль самая любимая, она неизменно отвечала – роль матери. И как только она успевала: блистать на сцене, воспитывать детей и быть прекрасной и, что немаловажно, радушной гостеприимной хозяйкой? В театре её все звали Кунэшхуэ (Большая Куна). Её знала и обожала вся республика, как и Али Тухужева, её бессменного партнёра на сцене. Куна излучала добро и теплоту, такой и осталась в памяти людей.

Перечень работ Куны обширен и значим. Убедительна и неповторима она в ролях: Агафьи Тихоновны («Женитьба» Н. Гоголя), Леди Мильфорд («Коварство и любовь» Ф. Шиллера), Марят («Мажид и Марят» М. Тубаева), Рашель («Васса Железнова» М. Горького), Лиды («Платон Кречет» А. Корнейчука), Дисы («Даханаго» З. Аксирова), Лагутина («Мать своих детей» А. Афиногенова), Анны Андреевны («Ревизор» Н. Гоголя), Дарьи Куприяновны («Поднятая целина» М. Шолохова и П. Дёмина) и мн. др.

Молодая национальная драматургия

Открытие и начало работы первого профессионального театра стало толчком и стимулом к возникновению отрасли культуры, которой в кабардинском искусстве до той поры практически не было. Речь о национальной драматургии, о жанре, без которого немислим подлинно национальный театр.

В ту пору особенно остро ставились вопросы борьбы нового с так называемыми пережитками прошлого, в том числе и вопрос о положении женщины в семье, о раскрепощении её в условиях советской жизни. Молодой драматург Мухамед Тубаев первым откликнулся на волнующую тему созданием пьесы «Мажидрэ Марятрэ» (Мажид и Марьят), постановка которой была осуществлена в 1938 году. В основу пьесы Тубаева легла тема трагической любви молодых людей разных сословий, тема, которая часто обыгрывалась и передавалась в национальном фольклоре эпохи феодальной Кабарды.

Дочь князя Эльджероко Марьят и крепостной Мажид любят друг друга. Однако в условиях феодальной иерархии сословий законный брак дворянки и крепостного невозможен. Молодые решаются на отчаянный шаг, чтобы вопреки безжалостным обстоятельствам всё-таки быть счастливыми. Мажид дерзко похищает дочь князя. Но история кончается трагически – князь находит сбежавшую пару и жестоко наказывает Мажида, а Марьят, не дожидаясь наказания отца, сама наносит себе смертельную рану кинжалом.

Важно отметить, что в работе над спектаклем принимал самое активное участие сам автор – Мухамед Тубаев. Его участие и в качестве актёра, и в качестве режиссёра-лаборанта способствовало более углублённой работе и совершенствованию всего процесса спектакля – от репетиций до сценических выступлений.

*Заслуженный артист
КБАССР и РСФСР
Мухамед Тубаев*

Заслуженный деятель искусств Кабардино-Балкарской АССР, заслуженный деятель искусств РСФСР Аскерби Шортанов

Годом позже драматург Аскерби Шортанов пишет пьесу «Батыр и кьуажэ» («Аул Батыр»), рассказывающую о бурных событиях гражданской войны. После пьесы М. Тубаева «Мажид и Марьят» «Аул Батыр» стала следующей национальной пьесой, написанной специально для постановки в действующем кабардинском театре.

Действие пьесы происходит в одном из горных кабардинских селений. Здесь создан стихийный партизанский отряд под руководством наиболее авторитетного аульца Аслана. Однако в отряде поначалу царят анархия и совершенное неприятие дисциплины и порядка. Именно сюда и послан комиссар Андрей. Сельчане поначалу с недоверием, а командир Аслан даже с враждебностью встречают инородца. Но постепенно, шаг за шагом, своим личным примером и силой революционного убеждения Андрей завоевывает уважение не только к себе, но и к партии, которая послала его на Кавказ для революционной борьбы. В решительный момент партизаны аула Батыр оказывают сплочённое и решительное сопротивление отрядам белогвардейского полковника Анзорова и одерживают победу.

Спектаклем «Батыр и кьуажэ» в декабре 1939 г. был открыт театральный сезон Колхозно-совхозного театра. Причём постановщиком спектакля выступал здесь также сам автор Аскерби Шортанов.

Излишне говорить, что первые драматические произведения Мухамеда Тубаева и Аскерби Шортанова послужили мощным стимулом для развития молодой национальной драматургии. В 1939–1940 гг. появились пьесы А. Кабардокова «Партизанхэр» (Партизаны), Машукова «Гуащэхьан и гьащIэр» (Жизнь Гуашхан), Х. Эльмесова «Жамбот», Iэюб (Аюб) и др.

Сегодня имя Аскерби Тахировича Шортанова прочно рекомендуется и упоминается в качестве одного из крупнейших кабардинских писателей, классиков кабардинской литературы. Да, это бесспорно так. Однако надо вспомнить ещё одну немаловажную деталь в его творческой и жизненной биографии – что молодость его была связана со становлением кабардинского театра. Что он вместе с Мухамедом Тубаевым стоял у истоков кабардинской драматургии. Что его первая пьеса «Аул Батыр» («Батыр и кьуажэ») открывала в 1939 году театральный сезон Колхозно-совхозного театра. И что любовь к родному театру и сотрудничество с ним и крепкая дружба

с театральным коллективом сохранились у Аскерби Тахировача практически на всю его жизнь.

И даже более того, с театром он породнился, можно сказать, буквально – юная и подающая надежды актриса пленила его сердце. Вскоре состоялась свадьба Аскерби и Данитки.

Аскерби Тахирович прошёл большой и интересный жизненный и творческий путь. Родился в селении Анузоровка (ныне Лескенский район КБР) в октябре 1916 года. Там же учился в школе. Но с детства отличавшийся незаурядными способностями Аскерби выбрал путь, связанный со словом.

После школы был курсантом знаменитого Ленинского учебного городка в Нальчике, по окончании которого и начинается, собственно, его творческая биография. Он писал в области фольклористики, затем, когда в республике стали организовывать первый национальный театр, он стал пробовать себя в драматургии, уже в молодые годы он становится начинающим писателем, а в дальнейшем серьёзно займётся научной работой в области искусствоведения. Таково вкратце начало пути будущего корифея кабардинской литературы.

В своих газетных очерках, публикациях, фольклорных источниках, публицистических статьях, рассказах и сатирах А. Шортанов словно раскрывал истоки своего творчества и то, что его вдохновляло. Простота, красота и вместе с тем возвышенные души своих соплеменников, тяготы голодного детства, оставшиеся в памяти навсегда, тяжёлый быт крестьянской семьи и вместе с тем стремление к знаниям, к свету; безграничная вера в те цели, которые ставила перед собой его страна, его родная республика, сельский колхоз времён его детства и юности – всё это были формирующие факторы молодого мастера слова, которые затем воплотились в его искусстве.

Однако первая пьеса, написанная им для сцены, «Аул Батыр», посвящена грозным и бурным событиям гражданской войны на Северном Кавказе. В центре действия партизанский отряд. Здесь у драматурга сплетены и столкновения характеров, и недоверие, и постепенный рост сознания, и, наконец, осознание серьёзности и важности общего дела борьбы за будущее трудового народа.

И в разные годы позже выходили на сцене произведения Аскерби Шортанова: «В одной семье», «Навечно», «Когда загорается свет».

Не остался в стороне Аскерби Тахирович и в годы суровейших испытаний для молодой советской страны – он участник Великой Отечественной войны, кавалер четырёх орденов и многих медалей. Таким его дождалась верная супруга и талантливая актриса Данитка Шортанова.

В биографии Аскерби Тахировича основная трудовая деятельность была связана с научно-исследовательским институтом, где

свои способности он вложил в подготовку и издание академического свода «Кабардинский фольклор» (1936). Кроме того осталась масса публицистических произведений и театральных рецензий.

И, конечно, созданный им позже роман-тетралогия «Горцы» стал значительным событием в кабардинской и не только кабардинской литературе и общественной жизни.

Труд Аскерби Шортанова по праву был оценён государством. Ему были присвоены звания: «Заслуженный деятель искусств КБАССР» (1939), «Заслуженный деятель искусств РСФСР» (1971), он был награждён орденом «Знак Почёта» (1975), почётными грамотами Президиума Верховного Совета КБАССР (1954, 1960, 1966) и РСФСР.

Но в каких бы областях культуры ни работал Аскерби Тахирович, он никогда не терял самой живой связи с театральным коллективом Кабардинского театра – драматург, наставник, рецензент, благодарный зритель и просто большой друг коллектива, который знал Кабардинский театр с самого его рождения и развития.

Так проходило становление и первые шаги в развитии молодого кабардинского театра. После успешной постановки своего первого спектакля «Платон Кречет» труппа Колхозно-совхозного театра осуществила постановки трагедии Шиллера «Коварство и любовь», драмы Г. Мдивани «Честь», комедии Н. В. Гоголя «Женитьба», которые были показаны во всех районах республики.

Всего за небольшой период своей работы (май 1937 – июль 1940) Кабардинский колхозно-совхозный театр успел зарекомендовать себя как практически профессиональный коллектив, которому были по силам серьёзные постановки. Ну и, конечно, за это короткое время молодая труппа успела полюбить родному зрителю.

Спектакли театра имели неизменный успех у аудитории. Нет ни одного селения в Кабарде, где бы театр не побывал за время своей работы. Артистов встречали как самых дорогих гостей, которые часто выступали на полевых станах прямо под открытым небом, так как клубов в селениях было мало, а те, которые были, не могли вместить всех желающих.

Год за годом театр завоевывал признание и любовь зрителей.

ПРИГОВОРЁННЫЙ ОРХАН ПАМУК

Турция, весна 2008 года. В течение одного дня в столице страны Анкаре по подозрению в принадлежности к подпольной националистической организации «Эргенекон» арестованы высокие отставные чины турецкой армии. Аресты проходят также в Стамбуле и нескольких других крупных городах. Власти Турции выступают с официальным заявлением. В нём говорится, что в состав этой нелегальной организации входят бывшие командные чины турецкой армии, некоторые высокопоставленные чиновники и общественные деятели. Официальная пресса публикует материалы, в которых утверждается, что организация «Эргенекон» подозревается в подготовке государственного переворота, а также, в целях дестабилизации положения в стране, в подготовке ряда силовых акций: в частности, убийства руководителей прокурдской партии «За демократическую Турцию», ряда ведущих журналистов и конкретно писателя Орхана Памука.

Орхан Памук

«...Если не хочешь разочароваться в искусстве, не воспринимай его как своё ремесло. Какими бы замечательными ни были твоё мастерство и способности, деньги и власть следует искать в других местах, и не надо обижаться на искусство, если ты не получишь вознаграждение за свой труд» (Орхан Памук, «Меня зовут красный»).

В 2006 году, когда Нобелевский комитет сделал достоянием гласности имя очередного лауреата премии в области литературы, в Нальчике, в одной из газет, местный руководитель известной национальной общественной организации опубликовал по этому поводу короткую заметку, только вот со слишком громким заголовком: «Адыг из Турции – лауреат Нобелевской премии по литературе». Патриотизм – само по себе неплохо, но, разумеется, в разумных пределах. Да, писатель Орхан Памук имеет черкесские корни, но прежде всего он турецкий писатель. Влюблённый в турецкий язык, в турецкую культуру и историю и состоявшийся, прежде всего, как явление турецкой литературы и всей общественной, культурной и политической жизни этой замечательной страны. Вот его слова из текста лекции в МГУ 28 августа 2009 года:

«Я буду рассказывать по-турецки, это прекрасный и богатый язык, я пришел из этого языка, я сделан из этого языка, поэтому я буду вести свою лекцию на турецком. Если вы будете учить турецкий, то я вам сразу скажу, что это сокровище».

Ферит Орхан Памук родился 7 июня 1952 года в Стамбуле в семье потомков выходцев с Кавказа. В 30-х годах прошлого века дед будущего писателя нажил состояние на железных дорогах, и семья Памуков вошла в число наиболее состоятельных буржуазных семей Стамбула. Престижный городской район Нишанташи, в котором прошли детство и юность будущего писателя, впоследствии часто будет местом действия многих его произведений.

Дед умер довольно рано, и, как вспоминает сам Орхан, оставшееся после него большое наследство было вскоре неумело разбазарено его детьми. Все заботы по многочисленной семье взяла на себя вдова миллионера, бабушка маленького Орхана, о которой у него остались самые тёплые воспоминания. Отец будущего писателя был инженером – видимо, в семье стало традицией выбирать поприще деда, – и причём инженером в совершенно прогрессивной по тем временам области, в своё время он занимал должность первого исполнительного директора турецкого отделения IBM. Та же политехническая карьера «светила» и Орхану, так что по достижении им необходимого возраста его определили на учёбу в Роберт Колледж – частное американское престижное учебное заведение в Стамбуле с богатой полувековой историей. Затем, по окончании колледжа, Памук поступает в Стамбульский технический университет и выбирает специализацию по архитектуре. Разносторонность его интересов и дарований проявилась уже в юные годы, во время учёбы в Техническом университете он увлечённо занимался живописью, а вскоре параллельно поступил на факультет журналистики Стамбульского университета. Поговаривают, что выбор этот не был случайным, что таким образом молодой Памук хотел избежать призыва в армию, но как бы там ни было факт имеет место.

В возрасте 22 лет он принимает решение бросить занятия инженерными науками и уходит с третьего курса Технического университета. В запасе у него оставался факультет журналистики, но в большей степени на такой шаг повлияло его желание посвятить себя литературной работе. Его первые литературные публикации датированы 1974 годом. Спустя два года он получает диплом журналиста, а спустя ещё три года к нему приходит первое официальное признание – газета «Милийет» удостоила молодого автора престижной премии за роман «Тьма и свет» (впоследствии роман был издан под

известным ныне названием «Джевдет-бей и его сыновья»). Уже в том первом известном романе Памука местом действия стал его родной стамбульский район Нишанташи.

Восьмидесятые и девяностые годы стали для Орхана Памука богатыми на события как личной, так и литературной жизни. В 1982 году он женился на Айлин Тюрегюн, историке по профессии. К тому времени вышел его второй роман «Дом тишины», а в 1985 году к читателю пришла его третья книга «Белая крепость». Именно она принесла первую известность писателю за пределами родной Турции и была переведена на английский язык. Блестящее образование, завидная эрудиция и литературный успех способствовали тому, что Памук получил место в Колумбийском университете в Нью-Йорке, где до 1988 года преподавал турецкий язык. Тогда же в США он параллельно с преподаванием работал над своей очередной рукописью, и в 1990 году свет увидел роман «Чёрная книга».

В этой книге одновременно с героями присутствует как бы ещё один главный персонаж: если первый – это растерянный Галип, который отправляется на поиски внезапно исчезнувших своего двоюродного брата и своей жены, и который мечется в этих поисках по своему огромному и, как оказалось, до сих пор неведомому ему городу, то другой герой романа – это сам Стамбул, древний и таинственный, околдованный вековой восточной тайной и тоской, с его суфийскими легендами и мистификациями, с его вавилонским смешением культур и фантастическим переплетением истории и человеческих судеб.

Успех эта книга имела мгновенный и оглушительный. Роман сразу же попал в списки мировых бестселлеров. Во Франции она получила престижную премию Prix France Culture, а за самим писателем, после его «Белой крепости» и новой работы – «Чёрной книги», с подачи итальянского писателя Марио Бьонди прочно закрепилось звание «турецкого Умберто Эко». Именно с появлением «Чёрной книги» западный литературный мир с удивлением открыл для себя не только нового талантливое писателя, но и целый пласт до сих пор неизведанной и любопытнейшей культуры современного Востока. В своей статье, посвящённой Орхану Памуку, «New York Times» писала тогда, что «Новая звезда возшла на Востоке».

Это была слава, и без преувеличения – слава мировая. К тому же в 1991 году в семье писателя произошло счастливое событие – у них с Айлин родилась дочь, которую они назвали Рюйя, что в переводе означает Мечта. Ей, своей дочке, он посвятит свои последующие романы.

«Между 1996-м и 2000-м годом я водил по утрам дочь в школу. Доведя ее до дверей школы, я шел по переулкам к себе в рабочую квартиру, размышляя о книгах, которые мне предстояло написать в те дни, – «Меня зовут Красный» и «Снег». Я шел по улицам в

утренней прохладе, когда лавки еще только начинали открываться, из булочной доносился запах свежего хлеба, а школьники торопились на занятия. Я шел, наслаждаясь прогулкой. Может быть, я наслаждался потому, что мне предстоял прекрасный день – одна или две новые страницы. А может быть, еще и потому, что те улицы сохранили многое со времен моего детства и юности, совершенно не изменившись, не обветшав и не приобретя искусственный лоск», – рассказывает писатель.

Роман «*Меня зовут красный*» (в более поздних изданиях «*Имя мне – красный*») увидел свет в 1998 году. И окончательно укрепил позиции писателя на мировой литературной сцене. Как и предыдущие книги писателя, этот роман полон мистификаций, загадок и парадоксов, а сюжет построен в настоящем детективном ключе – убит художник Зариф-эфенди из цеха художников-каллиграфов при дворе падишаха. Владыка империи повелел им, своим придворным мастерам, создать книгу рисунков на европейский манер. Но не всем по душе это нововведение, ведь рисовать мир таким, какой он есть – на средневековом Востоке считается великим богохульством.

Поиски убийцы превращаются в настоящее, захватывающее и опасное приключение, но параллельно всё более явственно проступает основной мотив, как преступления, так и самой книги – мотив различия и противостояния культур, восточной и европейской, противостояния, но и взаимовлияния, которые пролегают в потаённых глубинах человеческих сердец. Можно сказать, что к этому времени ясно обозначилась одна из основных тем творчества Орхана Памука, тема сосуществования и столкновения цивилизаций.

«Орхан Памук – бесспорно великий писатель. “*Меня зовут красный*” – чудесный роман, сказочный, страстный и величественный, экзотический и действительно волнующий...», – писал британский журнал *The Spectator*. За эту книгу прочно занявший своё место в элите мировой литературы Памук был удостоен нескольких престижных европейских литературных премий. А в 2002 и 2003 годах поочередно выходят очередные его романы «*Снег*» и «*Стамбул: город воспоминаний*», книги, которые безоговорочно были признаны ведущими критиками и читателями шедеврами не только турецкой, но и мировой литературы.

Итак, блестящий успех, мировая слава, баснословные гонорары, обеспечившие ему и семье безбедное существование: к середине 2000-х годов в своей литературной карьере Памук добивается всего,

о чём только можно мечтать, и что только в сладких грёзах видится тысячам начинающих или менее удачливых авторов. Он буквально купается в дивидендах собственного успеха. Вся Турция (и читающая, и не читающая совсем) называет Орхана Памука своей национальной гордостью. Благодаря своему таланту, труду и упорству он, можно сказать, в одиночку выводит турецкую литературу на международный уровень. И после всего вышеперечисленного встаёт вполне резонный вопрос: зачем ему понадобилось собственноручно и в одночасье разрушить эту идиллию удавшейся жизни?

В феврале 2005 года в интервью швейцарской газете «Tages-Anzeiger» Орхан Памук в числе прочего сказал следующие слова: *«На этой земле (в Турции) были убиты 30 тысяч курдов и миллион армян, но никто кроме меня не осмеливается об этом говорить»*.

Одной этой небольшой реплики было достаточно, чтобы восстать против себя практически всю Турцию. Из гордости и славы турецкого народа он в одночасье превратился во врага нации, изгоя и клеветника. Против него ополчились и власти, и правые националисты, и левые интеллектуалы, и рядовые обыватели, в общем, практически все турки. Тема армянского геноцида и борьбы с курдским сепаратизмом в Турции являлась безоговорочным табу, и всего лишь одна эта реплика писателя подняла на его родине настоящую бурю негодования.

Более того, любой гражданин страны, открыто высказывающийся на эти темы, автоматически попадал под действие статьи 301 Уголовного кодекса Турецкой Республики. Сама эта статья уже давно была камнем преткновения в переговорах между Евросоюзом и Турцией по её вступлению в альянс. А необходимо отметить, что в те годы Турция предпринимала значительные усилия, чтобы вступить в объединённую Европу. Именно по этой статье и был в том же 2005 году подан судебный иск против писателя Орхана Памука, которому вменялась «беспочвенная клевета на турецкую нацию, турецкие вооружённые силы и Турцию в целом». Согласно статье 301 (часть 1) перед известным писателем вставала реальная перспектива тюремного срока.

Спасти его могла лишь некая третья влиятельная сила извне. Так и случилось. В конце года авторитетная неправительственная организация «Международная амнистия» выступила с требованием немедленного прекращения судебного преследования известного писателя, а также ещё нескольких человек, обвиняемых в аналогичном преступлении, и более того – убрать эту пресловутую 301-ю статью из уголовного кодекса страны.

Далее последовало коллективное выступление в поддержку коллеги, под которым подписались восемь мировых знаменитостей (стоит только вчитаться): Габриель Гарсия Маркес, Умберто Эко, Жозе Сарамагу, Гюнтер Грасс, Марио Варгас Льюса, Карлос Фуэнтес,

Хуан Гойтисоло и Джон Апдайк. Давление на турецкое правительство и судебную систему набирало обороты. И решающее слово было сказано в декабре того же года.

Буквально накануне предварительного судебного слушания по делу писателя Орхана Памука с заявлением выступил глава комиссии Европейского Союза по вопросам расширения сообщества Олли Рен, который, в частности, дал понять, что «суд над романистом... бросает тень на переговоры о присоединении между Турцией и ЕС. Принимая во внимание число предыдущих аналогичных судов, создается впечатление, что новый уголовный кодекс Турции не предполагает должного соблюдения свободы слова».

В этой политической игре были слишком высоки ставки, сделанные Турцией на вступление в Еврозону. И властям недвусмысленно дали понять, что перспектива этого вступления теперь напрямую зависит от исхода дела писателя Памука. Уголовное дело против него было сначала направлено на следствие, а в январе 2006 года иск против Памука был отозван. В том же месяце Министерством юстиции Турции дело было официально прекращено.

Стоит ли говорить о том, что для самого писателя эти дни и месяцы стали настоящим испытанием? Ведь как бы ни была сильна и действенна поддержка извне, но слишком горько осознание отторжения собственной родиной. Ведь в пылу этих разбирательств, пребывая под постоянным давлением и стрессом, Памук пытался даже как-то смягчить свои высказывания в том швейцарском интервью, утверждая, что его неправильно поняли, что его слова неверно истолковали, что он не произносил этого злосчастного слова «геноцид», а цифры по количеству жертв были произнесены им спонтанно.

В октябре 2006 года мир облетела новость о новом лауреате Нобелевской премии в области литературы. Впервые премия была присуждена этническому турку, гражданину Турецкой Республики. Пресс-релиз Шведской Королевской академии гласил, что награда присуждается Орхану Памуку как автору, «который в поисках меланхолической души родного города нашел новые знаки для обозначения столкновения и переплетения культур».

Можно ли сказать, что своё первое сражение за свою гражданскую позицию Памук выиграл? И да, и нет, потому что слишком многие соплеменники писателя так и не простили ему выходку годичной давности. Тут же посыпались обвинения в ангажированности творчества Памука и политизированности решения Нобелевского комитета. В том, что для самого писателя тема геноцида армян и преследования курдов стала просто спекуляцией в его личных амбициозных и тщеславных устремлениях. Но из того первого испытания и сам писатель вышел более окрепшим в своих убеждениях.

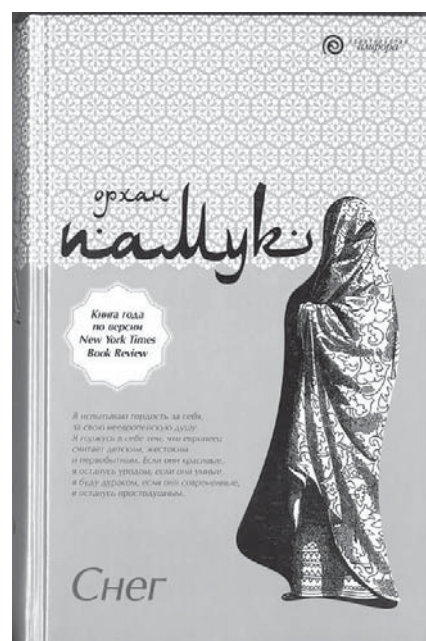
В январе 2007 года у дверей редакции своей газеты в Стамбуле был убит армянский журналист и правозащитник Грант Динк, ранее осуждённый по той самой 301-й статье. И Орхан Памук одним из первых откликнулся на это трагическое событие, с гневом обвинив в этом убийстве тех, кто всеми силами защищает эту злосчастную статью уголовного кодекса. В ответ на это заявление турецкий ультранационалист Ясин Хаяль, которого в числе прочих подозревали в совершении покушения на Гранта Динка, высказался в том духе, что Орхану Памуку следовало бы быть более благоразумным. По сути, это была угроза. Из соображений безопасности Памук был вынужден отменить запланированное турне по Германии, а позже и вовсе покинуть Турцию – спустя месяц после убийства Динка он уехал в США.

Но ведь всё это время он не переставал писать. В том же 2007 году стало известно, что Памук завершил работу над своим новым романом «Музей невинности», который появился в печати в следующем году. Нет, разумеется, Памук не политик и никогда им не был, и вряд ли станет. Но как любой высокопрофессиональный и честный писатель – разве мог он обойти такие острые вопросы современной жизни своего родного народа?

«... Я не боюсь, как ты, жизни и своих страстей, – сказал Неджип, – ...я не могу жить, страстно не любя кого-нибудь, какую-нибудь красоту. А для счастья мне нужно любить кого-нибудь другого... Ты догадался, что только несчастливые и умные люди умеют писать стихи. Ты героически решился на страдания безверия, чтобы начать писать хорошие стихи» (Орхан Памук, «Снег»).

Пожалуй, наиболее близким к определению «политический» можно назвать его роман «Снег», да и то с некоторой натяжкой, ведь события романа, как и само его построение и живописное исполнение, совершенно фантастические.

В старинный провинциальный город Карс приезжает из Стамбула известный поэт Керим Алакуш-оглу, которого большинство знает под именем Ка (у Памука игра слов: «Ка» – по-турецки означает снег). Он долго прожил в Германии и теперь его привели в этот богом забытый городок таинственные и трагические события: в городе и округе прошла волна самоубийств молодых девушек и женщин.

Непрерывный снегопад совершенно отрезает город от остальной страны и собственно мира. Его жители, приезжие, как и поэт Ка, оказываются пленниками снегопада. И в этом таинственном и мистическом белом плену разворачиваются события, невысказанные по общепринятой логике и накалу страстей.

Вдохновлённый стихотворными озарениями и вспыхнувшей любовной страстью к красавице Ипек, поэт Ка оказывается меж нескольких огней: традиционалисты считают его западником и безбожником, властям же, наоборот, слишком не нравится его общение с исламскими фундаменталистами и курдскими повстанцами. Он окружён шпионами из службы безопасности и странными местными жителями. Хотя, по сути, всё, чего он желает – это лишь быть счастливым с любимой женщиной. Но зловещие события разворачиваются в загадочном и пленённом снегопадом городе.

«Может ли поэт позволить себе не обращать внимания на происходящее, если в мире правит несчастье?» – задаётся вопросом в романе поэт Ка, а вместе с ним и автор Ферит Орхан Памук. В этих словах, по-видимому, и следует искать истоки его так называемой политизированности.

Закрытый снегом от остального мира, Карс оказывается как бы слепком всей остальной многострадальной израненной Турции, изнывающей от противоречий, вражды, яркой красоты и невыразимого трагизма человеческих судеб.

В 2008 году с подачи турецких властей становится известно, что Орхан Памук был заочно приговорён к смерти. В январе того года началась масштабная операция турецких спецслужб по разгрому подпольной ультранационалистической организации «Эргенекон». Чтобы понять масштабы произошедшего, стоит назвать всего несколько должностей и регалий членов этой группировки, которые были арестованы в январе 2008-го: бывший ректор Стамбульского университета Кемаль Алемдароглу, отставной бригадный генерал Хуршит Толон, генералы в отставке Велю Кучук и Шенер Эруйгур, лидер турецкой Партии рабочих Догу Перинчек, профессор и депутат парламента Турции Мехмет Хаберал, известный политический деятель Кемаль Керинчез, которого власти объявили главным организатором убийства армянского журналиста Гранта Динка и покушения на писателя Орхана Памука. Всего в этом списке более пятидесяти человек.

Оставим политологам поиски истинных мотивов ареста столь известных и авторитетных в стране людей. Которые в ответ на репрессии заявили, что «дело Эргенекон» было полностью спланировано и сфабриковано ЦРУ США совместно с турецкими спецслужбами, и что арестованы и подвергаются репрессиям как раз-таки истин-

ные патриоты Турции, выступающие против явного американского влияния в стране. Это дело лишний раз продемонстрировало всю серьёзность и сложность общественно-политической и культурной жизни Турции, и ещё – насколько могущественных врагов нажил себе своими высказываниями нобелевский лауреат Орхан Памук.

Возможно, он неосторожен. Возможно, как любой одарённый человек, Памук страдает неким детским комплексом наивности, не представляя себе реальной угрозы. Возможно, что отчасти он подпитывает подобными выходками интерес к себе как к писателю. И почему-то мало кто из его ярких оппонентов считает возможным, что Орхан Памук – всего-навсего настоящий патриот своего народа, потому что только истинный патриот и друг открыто указывает на недостатки и зло в собственном доме. Возможно всё, кроме того, что никто не может оспорить главного факта – что писатель он выдающийся.

Сегодня, помимо Нобелевской премии, Орхан Памук обладает многими другими отечественными и международными наградами и, кроме того, является почётным доктором Гилбургского университета, Свободного университета Берлина, Джорджтаунского университета, Университета Богазичи в Стамбуле, Американского университета в Бейруте, Мадридского университета Комплутенсе.

В последующие годы было всякое – и его новые высказывания в западной прессе, и его обвинение в адрес турецких властей в том, что они ограничивают свободу слова и оказывают давление на литераторов. Был и новый судебный иск против него, который закончился денежным штрафом. Был и развод с первой женой, а теперь пресса периодически обсуждает его новую связь с молодой индийской писательницей Киран Десаи. И было и продолжается главное дело его жизни – появляются новые книги.

Вот его слова из текста лекции в МГУ в августе 2009 года: *«Я продолжаю сравнивать свою работу с движением парусника. Бывает, мой парус раздувается порывом ветра и решает изменить направление движения рассказа. Я не противлюсь этому. А бывает, что ветер успокаивается, и я замечаю, что стою там, где царит полный штиль... Писать книгу – значит быть открытым всем желаниям, ветрам, порывам вдохновения, темным уголкам сознания и минутам туманной неясности и застоя».*

В апреле 2014 года произошло событие, которое бесспорно можно назвать беспрецедентным и историческим. Выступая в парламенте страны, премьер-министр Турецкой Республики Реджеп Эрдоган впервые на столь высоком уровне выразил соболезнование родственникам армян, погибших в результате трагических событий 1915 года.

ЧЕЛОВЕК С СОЛНЦЕМ В СЕРДЦЕ

Б. Н. Левченко

Трудно, очень трудно писать о человеке, которого никогда не видел, с которым никогда не встречался и не был знаком. Но живы его родные, друзья, соратники по работе и просто многие прохладненцы, до сих пор искренне и от всего сердца уважающие его. И тех, кто знал его долгие годы, кто не один год отработал с ним бок о бок – таких сотни и сотни.

И хотя его уже давно нет среди нас, но о нём осталась память, светлая и грустная, и многие продолжают говорить о нём слова – самые добрые и сердечные... Трудно писать о такой личности. Можно сфальшивить, где-то и в чём-то ошибиться, быть не совсем точным.

Но я решил взять на себя такую смелость и в силу своих возможностей рассказать о нём – то, что мне о нем говорили работавшие с ним, встречавшие его... Уверен, что Борис Нестерович Левченко своей жизнью, отношением к любому делу и к окружающим заслужил, чтобы мы не забыли его вклада в становление и развитие дорогого всем нам города...

Его путь гражданина и труженика начался рано. После окончания нальчикского технологического техникума начал на мотороремонтном заводе рабочим, затем стал мастером. В двадцать девять лет женился на Маргарите Юрченко, с которой провёл всю свою жизнь.

С детства он был приучен всё делать основательно и прочно, чтобы никто потом не тыкал ему в глаза пальцами и не хаял за содеянное. Весь уклад семьи Левченко, в которой отец, Нестор Савельевич, был непререкаемым авторитетом для всех, приучил Бориса уважать не только людей, стоящих рядом, но и дела, которые ему поручали.

И поэтому совсем не случайно в далёком 1949 году в газете «Сталинский путь» от 12 января в заметке М. Тычинина «Шестая годовая норма» о нем писалось: «Участвуя в соревновании за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки, токарь мотороремонтного завода Борис Левченко значительно перевыполнил своё пятилетнее задание. Сейчас он уже близок к завершению своей шестой годовой нормы. Недавно дирекция завода присвоила молодого»

му стахановцу звание токаря 6-го разряда. Вступив в соревнование в честь XIX областной партийной конференции, токарь-стахановец взял обязательство завершить выполнение месячной программы на 12 дней раньше срока».

Не счесть добрых слов, грамот, поздравлений, государственных наград, что говорились и вручались ему – сначала молодому рабочему и специалисту Борису Левченко, а потом крупному и авторитетному, и не только в Прохладном, но и во всей республике, руководителю. Но все это будет потом. А это было первое признание его заслуг, первые добрые слова, сказанные в его адрес. Поэтому и остались они в его душе и памяти до последних дней жизни.

Прохладный в 60-х годах имел вид совсем не такой, как сейчас. По существу, была это огромная степная станица. Но жизнь вносила свои коррективы, и город семимильными шагами менял свой облик. Коренная модернизация начиналась в послевоенные годы при Анатолии Сергеевиче Кожемякине – Прохладный газифицировался, его центральные улицы застраивались многоэтажными зданиями.

Борис Нестерович Левченко, сменивший в 1965 году А. С. Кожемякина на трудном и беспокойном посту председателя горисполкома, любил свой город до самозабвения. Его мечтой было сделать Прохладный цветущим и красивым, с современными зданиями, со всеми коммунальными службами и коммуникациями, широкими асфальтированными улицами, утопающими в зелени и цветах, удобным для жизни, работы и отдыха людей.

Многого он не успел. Не успел отреставрировать железнодорожный вокзал, чтобы он поистине стал воротами Центрального Кавказа. Не успел построить концертно-танцевальный зал, сделать в городе молодёжный центр. Не началось строительство ливневой канализации, хотя вся соответствующая документация была готова. Многого не успел. Но и то, что было сделано при нем и при его непосредственном участии, стало ему памятником на долгие и долгие годы.

Прохладненские старожилы ещё не забыли водоклонки, во множестве стоявшие на улицах города. Не забыли выгребные ямы, от которых, особенно в летний зной, распространялся неприятный запах и полчища мух. Жители испытывали трудности не только от отсутствия коммунальных удобств – сложно было в городе и с трудоустройством, так как он быстро рос и развивался, увеличивалось его население.

Борис Нестерович едет в столицу республики, в правительство, в обком партии. Но чаще всего он бывает в микрорайоне Нальчика Дубки, где тогда располагался цех № 4 филиала Фрязинского полупроводникового завода. Он уговаривает его начальника Бориса Ивановича Полякова переехать в Прохладный. Это было трудно,

хлопотно, много было затрачено нервов и здоровья. Но старания Б. Н. Левченко увенчались успехом. Цех № 4 переехал в Прохладный. Постепенно он расширялся, обрастал новыми производствами и вырос в Прохладненский полупроводниковый завод, давший городу не одну сотню новых рабочих мест, заметно преобразивший внешний вид его центра.

Благодаря невероятным усилиям председателя горисполкома Б. Н. Левченко на окраине города выросли новые корпуса завода «Кавказкабель», флагмана индустрии не только Прохладного, но и всей республики, продукция которого сегодня широко известна не только в России, но и далеко за её пределами.

А швейная фабрика? Скольким прохладянам дала она не только работу, но и дорогу в жизнь. А реконструкция мебельной фабрики? Районный узел связи, гостиница «Малка», кинотеатр «Маяк», здания типографии и редакции?

Борис Нестерович Левченко любил строить, и именно при нем сформировалась и структурировалась стройиндустрия города: СУ-8, РСУ, МКСУ-5, 5 генеральных подрядчиков, не считая субподрядчиков. Отряд строителей вырос почти до 2000 человек. Они были самыми уважаемыми людьми. Их трудом в Прохладном выросли целые улицы жилых многоэтажных домов, новые школы и детские сады.

Борис Нестерович уважал хозяйственных руководителей, тех, с кем работал. В тоже время жёстко требовал от них строить, строить и строить. «Если ты не строишь, ты не руководитель», – любил говорить он. И при нем, даже в условиях ограничения лимитов и на финансы, и на стройматериалы, ежегодно сдавалось до 50-ти различных объектов. При нём была практически решена жилищная проблема, ибо тогда ежегодно принималось до 20 тыс. кв. м. жилой площади.

Сегодня легко говорить, писать о нормально функционирующей в городе коммунальной сети. Но, наверное, только соратники по работе знают, как тяжело доставалась нормализация её работы Борису Нестеровичу.

Бессонные ночи, десятки и сотни совещаний, многочисленные согласования и «утряски», бесчисленные поездки не только в Нальчик, но и в другие края и области тогдашнего Советского Союза. А в итоге – в городе газ, вода, канализация. Десятки километров труб разных диаметров и сечений. Пролегают они под всем городом на глубине от 2-х до 8-и метров. И сегодня нелегко вести такое строительство, а как же это было трудно 20–25 лет назад! Но Борис Нестерович сумел. И верными помощниками ему в этом были его друзья и соратники. Среди них Хасанби Билялович Ханов – городской архитектор, его заместители – Раиса Петровна Шищенко, Римма Варсонофиевна Иванова, Игорь Михайлович Крутиков, секретарь

горисполкома Евгения Николаевна Трепалина, Николай Александрович Маслов, нынешний глава администрации города, начинавший при Б. Н. Левченко старшим инструктором, и многие другие, с кем бок о бок долгие годы трудился Борис Нестерович, и для которых он до настоящего времени остался ярким примером подражания во всём – и в работе, и в жизни. В Кабардино-Балкарии уважали трудовые коллективы города Прохладного. Часто сюда с визитами приезжали руководители не только республики, но и всего Северного Кавказа, бывали и гости из Москвы.

В трудах и заботах, бессонных ночах, когда мучил вопрос, где достать деньги, стройматериалы, людей на то или иное строительство, как запустить в производство то или иное городское предприятие, быстро пролетели годы. Борис Нестерович не успел оглянуться, а за плечами уже 50 лет жизни. Были в этот день, день его рождения, 15 февраля 1979 года, и подарки, и добрые слова уважения, признательности друзей и товарищей по работе. Были объятия и улыбки жены и дочек. А что может быть для человека дороже любви детей и уважения друзей? Судьба щедро одарила всем этим Б. Н. Левченко.

*В гостях у прохладян:
Первый ряд слева направо:
Б. Н. Левченко – председатель
Прохладненского горисполкома;
заместитель командующего войсками
СКВО – генерал-майор В. И. Кобзарев;
В. И. Мартышко*

Вот уже 15 лет с тех пор, как его не стало, супруга Бориса Нестеровича Маргарита Стефановна хранит стихотворение, которое её мужу в его золотой юбилей подарила Валентина Ивановна Мартышко – та, с которой ещё босоногим мальчишкой он бегал по улицам родного Прохладного, в котором родился 15 февраля 1929 года и в котором прожил всю жизнь.

Валентина Ивановна, землячка и соратник Бориса Нестеровича по работе (была она в то время председателем Прохладненского райисполкома), написала в своём поздравлении:

*Законы есть свои у жизни –
Сегодня юн, а завтра сед...
Но мы живём, чтобы Отчизне
Своих трудов оставить след.*

*Мы в детстве вместе бегали над Малкой,
И в школе маленькой учились,
А нынче сединою яркой
С тобою словно породнились.
Что ж, пятьдесят есть пятьдесят,
Года несут свои подарки,
Возьмём же за руки внучат,
Пойдём гулять на берег Малки.
О, наша жизнь! Спеши, трудись
И береги здоровье в меру.
Счастливых дней тебе, Борис,
И молодости, как пионеру!*

Судьба не дала Борису Нестеровичу долгой жизни. И он, словно предчувствуя это, работал неистово, не жалея ни себя, ни своего времени, ни здоровья. И ранним утром, и поздним вечером видели прохладненцы свет в его рабочем кабинете. Приходили они к нему не только в часы приёма, но и в любое время рабочего дня, когда было у них к нему дело, и он никому не отказывал во встрече.

Люди шли к нему не только как к руководителю. Приходили и как к человеку – своему, родственному по духу, могущему понять боль, тревогу или заботу. О тёплом, домашнем отношении, большом уважении к «нашему председателю», как называли его многие прохладненцы, говорит и то, что посетители, особенно пожилые казачки с «Широкого», «Дружбы», прежде чем войти к Борису Нестеровичу, снимали перед его кабинетом свою обувь.

Одним из летних июльских вечеров 1999 года я сидел в квартире у Маргариты Стефановны. Мы пили чай, а разговор шёл о городе, его людях, друзьях и соратниках, о самом Борисе Нестеровиче, прежде всего как о человеке и семьянине.

– Любила я Бориса. Полюбила с первого взгляда. А ведь он мне в любви признался не скоро. Почти десять лет надо было нам прожить, чтобы он сказал о своих ко мне чувствах.

Маргарита Стефановна чуть грустно улыбнулась.

– Добрым, душевным человеком был Борис. Любил семью, детей. Меня оберегал, как мог. Прожили мы с ним двадцать два года. Время пролетело быстро, как птица. Мелькнула на небосводе – и уже нет её. Никогда не забыть мне, что сказал однажды Борис, уже будучи тяжело больным, не встающим с постели. Как-то я подошла к нему. Села рядом. Он взял мои руки, погладил и тихо так проговорил: «Ты уж, Риточка, извини меня, оставляю тебя одну с девочками. Трудно тебе придётся. Но ты, дружок, у меня сильная, выдержишь. Обидно, не успел прийти в эту жизнь, а уже приходится уходить». Сильный он

у меня был, все понимал. Сказал он мне эти слова – и впервые за все годы нашей жизни увидела я слезы в его глазах. Замолчал он, и всё руки мне гладит. А потом снова проговорил: «Не знаю, кто, что обо мне скажет, но жить я старался по-людски. Не обижать, не оскорблять людей. Кто бы они ни были, где бы ни работали. Думаю, не стыдно тебе и детям моим будет, когда не станет меня. Верю, что те, с кем я работал, не бросят тебя в беде, не забудут, когда будет тебе трудно».

Маргарита Стефановна замолчала, глубоко вздохнула, как бы сглотнув застрявший в горле комок.

– А ещё Борис был страстный рыбак и охотник. Любил лес, речку, рыбалку до самозабвения. С любой поездки на природу всегда привозил мне какой-нибудь диковинный или просто красивый камешек. У меня их целый мешок накоплен. Храню его до сих пор. Это память о Боре. Очень он любил летнюю пору, особенно раннее утро, когда солнце встаёт. Весь он светился тогда!

– Человек с солнцем в сердце, – вдруг проговорил я.

– Кто? – вопросительно посмотрела на меня Маргарита Стефановна.

– Да вспомнилось мне одно стихотворение. По-моему, Максимилиана Волошина. Писал в нем поэт о человеке, влюблённом в жизнь, в солнце, в людей. Вы вот говорите о Борисе Нестеровиче, а я сразу вспомнил это стихотворение.

– А что, Вы правы. Прожив столько лет с Борисом и уже пятнадцать лет без него, я бы сегодня его тоже так назвала – «Человек с солнцем в сердце». Может, для кого-то он и был жёстким, официальным. А для меня, моих девочек это был чудесный, заботливый, добрый и очень внимательный человек. И забыть его я не смогу никогда.

Столько лет прошло с тех пор, как осталась я одна. Но спасибо жизни, что свела она меня с Борисом. Спасибо и его друзьям Игорю Крутикову, Коле Маслову, Славе Попову. Вот уже пятнадцать лет они рядом со мной и в радости, и в беде. Пятнадцать лет – из года в год, 7 января, когда он умер, и 15 февраля, когда родился, приходят они на Борину могилу, поминают его. Спасибо им за верность и добрую память о своём друге.

В тот вечер я долго сидел у Маргариты Стефановны. И когда уже уходил, ещё раз взглянул на большую картину, висящую на стене. Глядел с неё на меня Борис Нестерович Левченко, человек, много сделавший для Прохладного. И город ответил ему взаимностью. Его именем названа одна из городских улиц. В год своего 230-летия назвал Прохладный его своим почётным гражданином. Любил он людей, ценил и уважал. Таким он и останется в нашей памяти – «Человеком с солнцем в сердце».

*Павел СИДОРУК,
председатель Общественного
движения «За единение «Сябры»*

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВСЛУХ

Я всегда думаю: а как будет лет через 50–100, и будем ли вообще отмечать, праздновать Победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Ведь столько накипи и пены в мире вокруг этой темы. Воспитаем и вырастим ли поколения, способные оценить подвиг своих дедов и прадедов, победивших фашизм. Ведь и мы, ныне живущие, не так массово и ярко вспоминаем и отмечаем великие победы прошлого: Отечественную войну 1812 г., события Первой мировой... Да и сколько их было, побед и поражений, в нашей российской и мировой истории. К сожалению, история человечества – это история войн. Уходит поколение участников тех событий, не потускнеет ли в глазах нового слава их героических дел? Другие времена, другие идеологии. Мы знаем о желании и действиях отдельных стран и политиков изменить общественное мнение о причинах начала Второй мировой войны, принизить, исказить роль Советского Союза в достижении Победы. Но мы знаем и то, что мы победили благодаря интернациональной дружбе, подвигу коммунистов, комсомольцев (миллионы примеров за годы войны), беспартийных, политической работе, патриотическому воспитанию населения накануне войны и в ее ходе.

Это история страны, и ее надо знать, как прошлую, так и настоящую, не в угоду времени, а объективно. Я преклоняюсь перед поисковиками, исследователями, школьниками из Кабардино-Балкарии, которые по зову души ведут работу по розыску павших. Восстанавливают имена погибших. Именно благодаря их работе не забыты имена уро-

женцев Беларуси, погибших при защите Кабардино-Балкарии в 1942 году.

Подробности падения самолета и имя погибшего летчика были восстановлены благодаря поисковой работе учащихся 7 «Б» класса Александровской школы Кабардино-Балкарии под руководством учительницы Н. Саломатиной. Его боевой путь не отмечен орденами и медалями, в донесениях о потерях на сайте ОБД «Мемориал», в автоматизированном банке данных «Книга памяти Республики Беларусь», а также на сайте «Авиаторы Второй мировой» он числился пропавшим без вести. Нет, не безызвестен Абрам Заминуилович Роговин, родившийся в 1922 году в Минске. 16 августа 1942 г. сержант Роговин в воздушном бою над ст. Александровской у реки Терек был сбит, выпрыгнул с парашютом, но фашистский стервятник развернулся и расстрелял в воздухе пилота. Напоминанием об этом является мемориальная доска летчику А. З. Роговину, установленная в сквере станицы Александровской Майского района КБР. Благодаря обращению Ахмеда Нахушева и Владимира Орсаева 26.04.2019 г. в «Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь» и представленным документам в базе данных «Книга памяти Республики Беларусь» учтен Роговин Абрам Заминуилович, отдавший за Родину самое дорогое – жизнь.

Хотя в сообщениях Совинформбюро не упоминались ни селение Кызбурун-1, ни высота 910 в Кабардино-Балкарии, бойцы и командиры, сражавшиеся здесь, знали, что врага надо остановить и не дать прорваться вглубь Кавказа. Осознавал это и командир 7-й стрелковой роты 535-го полка Николай Федорович Дворак, двадцатитрехлетний белорус из селения Добринь Гомельской области. Они потеряли счет бесконечным атакам и контратакам, слившимся в один сплошной грохот ожесточенного боя на южном берегу реки Баксан. Здесь пролегал священный рубеж роты Дворака, за который враг не должен был пройти. Бои, часто переходившие в рукопашные схватки, шли за каждый метр родной земли. Наградные документы, хранящиеся в архивах Министерства обороны РФ, на воинов-гвардейцев, защищавших высоту 910, обильно политы кровью советских воинов разных национальностей. Это белорус Н. Ф. Дворак, русский Е. И. Седунов, еврей Х. Б. Вульфин, калмык Б. П. Джевалдыков, черкес Х. Харцизов, удмурт А. Д. Никифоров, украинец Г. И. Горобец, кабардинец М. Ц. Жиляев и многие другие.

Высшей наградой Родины – орденом Ленина, был отмечен ратный подвиг гвардии лейтенанта Дворака Николая Федоровича. И, что не характерно для того времени (август 1942 года), Дворак Н. Ф.

командиром полка был представлен к ордену Отечественной войны 1-й степени, командир дивизии поддержал, а Военный совет Закавказского фронта и командующий 37-й армии генерал-майор Козлов сочли, что подвиг командира роты заслуживает более высокой награды – Ордена Ленина (посмертно).

Цыганков Александр Леонидович, гвардии красноармеец, белорус, уроженец Шкловского района Могилевской области при обороне горы Хара-Хора в Кабардино-Балкарии был ранен, лично уничтожил 16 гитлеровцев, награжден медалью «За отвагу».

Примако Петр Николаевич, младший политрук, белорус, член ВКП(б). 22 августа 1942 года за пленение 16 фашистов у сел. Кишпек Кабардино-Балкарской республики был награжден медалью «За отвагу».

Шелешко Александр Андреевич, белорус, член ВКП(б), призванный в Красную Армию Весельчевским РВК БССР в 1940 г. Старший сержант, командир взвода 214 кавполка 63 кавдивизии Шелешко А. А. был участником боевых операций на высотах Кавказского хребта, бесстрашно дрался с врагом на Моздокском направлении. Был награжден медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», орденом Красной Звезды. Погиб в феврале 1944 года, когда наши войска уже были на территории стран Западной Европы.

Радевский Игнат Владимирович, лейтенант, белорус, командир батареи 76 мм. пушек 626 ст. полка, 151 ст. дивизии. В бою за Нижний Курп с фашистами, рвавшимися к Грозненской и Бакинской нефти, был ранен. В ходе боя, когда погиб весь расчет орудия, лично сам стал бить прямой наводкой по немецким танкам и вывел из строя головной танк противника и еще один. За свой подвиг награжден орденом Красной Звезды. После войны капитан запаса И. В. Радевский проживал в г. Шклове Могилевской области. Указом ПВС ССС от 06.04.1985 г. награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Нам, уроженцам Белоруссии, проживающим в Кабардино-Балкарии, важен каждый участник Великой Отечественной войны, в том числе выходцы из Белоруссии, защищавшие Кавказ. Как и уроженцы Кабардино-Балкарской Республики, освобождавшие Белоруссию в 1944 году и уже четыре раза награжденные медалью, учрежденной президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, в связи с юбилейными датами. В 2019 году – «75 лет освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков».

Одним из символов памяти о защитниках Кавказа является Братская могила на территории городского парка г. Нальчика. Здесь покоится (судя по надписи и документам) и прах младшего лейте-

нанта Вигуро Сергея Тимофеевича, белоруса, помощника командира батареи, погибшего в бою 28 августа 1942 года при защите Кабардино-Балкарии. Его же имя на обелиске в селении Атажукино. И подобные случаи не единичны. За 75 послевоенных лет мы так и не выяснили до конца правду о том, где оборвалась жизнь близких кому-то и дорогих людей. Даже в тех случаях, когда информация была и есть сейчас.

Надо ли говорить, что разобраться с именованным учетом погибших, захороненных, увековеченных, устранить путаницу в списках, исправить очевидные ошибки, дублирование, и напротив, вернуть в нашу память забытые имена – ничуть не менее важно, чем установка новых памятников и, образно говоря, перекладка бетонных плит на уже обустроенных мемориалах.

Еще 31 июля 2013 года было поручение президента Российской Федерации № ПР-1831 о повторной паспортизации воинских захоронений. Занимаясь вопросом о месте истинного захоронения Вигуро С. Т., мы получили информацию, что обновленные учетные карточки (паспорта) на воинские захоронения, находящиеся на территории г. Нальчика, по состоянию на 14 марта 2019 г. в Управление Министерства обороны по увековечению памяти погибших при защите Отечества не поступили. К ним относятся захоронения: на территории санатория «Нартан», санатория им. Б. Э. Калмыкова. На северо-западной окраине города в районе Затишья. На территории школы в с. Вольный Аул и школы № 9. На территории городского парка г. Нальчика.

КАВКАЗ В ЖИВОПИСИ. ЭТНОМЕНТАЛЬНЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Редкий русский или европейский художник, оказавшись на Кавказе, откажется запечатлеть его красоты, потому не удивительно, что живописных полотен с кавказскими видами чрезвычайно много. В них предстает многообразный облик края: эпическая мощь гор, красота девственных лесов и вечных снегов. Порой в «кадр» попадают и жители гор. Художники разных ментальностей по-разному воспринимают и изображают кавказскую природу, географический рельеф гор и саму жизнь горцев, то есть можно говорить о существовании разных художественных моделей, каждая со своей тематикой, особенностями композиции, колорита, приемов и средств выразительности.

Еще В. Г. Белинский говорил о том, что «истинный художник чувствует национальность в самом себе и потому невольно накладывает ее печать на свои произведения». Ему вторит и Н. В. Гоголь: «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами своего народа». Справедливость этих слов очень заметна при сравнении поэзии и живописи «равнинников» и горцев.

Русская «горизонтальная, плоскостная» ментальность в прямом и переносном смысле перпендикулярна вертикальной шкале горцев, то есть экзистенциальные координаты степняков, привыкших к раздолью, и горцев, наделенных «комплексом высоты», резко отличаются, потому читая стихи или глядя на живописные картины, нетрудно догадаться, является ли их автор человеком с равнины или «сыном небесных гор».

Не найдя для описания гор «равнинных» категорий, русский поэт Юрий Визбор вынужден прибегнуть к небесным: «Ну, как же тебе рассказать, что такое гора? Гора – это небо, покрытое камнем и снегом». А основатель экзистенциальной культурологии Георгий Гачев, сменив планиметрию равнины на стереометрию гор, открыл для себя, что «в Грузии горами земля вздыбилась и отняла большую часть неба», а свои ощущения передал словами: «Будто вступил на иную планету и систему отсчета, сетку координат, с которой все стало преобразовываться, в том числе сдвинуты привычные представления о мире и вещах с русской точки зрения».

Попавший в горы с земных плоскостей поэт Вячеслав Шкатов, как и многие другие путешественники, был потрясен тем, что «на

равнине до звезд – бесконечность, а с вершин до вселенной – рукой». Эта особенность высокогорья нашла отражение еще в древнем Нартском эпосе, в частности, при описании наиболее легких способов добычи огня нартами в горах: от Солнца, к которому подносили вырванное с корнем дерево, либо от звезды, сбитой с неба стрелой. По мысли современного карачаевского поэта Б. Лайпанова, устойчивость и надежность обитателям высокогорья и сегодня дают небо и звезды: «Если бы мы не ходили, держась за звезды, споткнулись бы, упали бы».

Запечатлевая кавказские виды, так называемые «равнинные» художники, как правило, выбирают нижнюю точку зрения, откуда горы кажутся выше, а люди выглядят на их фоне крошечными, и, находясь у подножия горы, с восхищением смотрят на недостижимые снежные вершины, акцентируя внимание на необычных природных видах и архитектурных объектах, что мы и видим, к примеру, на картинах Льва Лагорио «В горах Кавказа», Ивана Александровского «Вид Гуниба». Жителю степных раздолий важно показать, что «здесь вам не равнина» (В. Высоцкий), он всячески стремится подчеркнуть высоту и величественность гор, выбрав для этого соответствующий ракурс и точку обзора. Он наслаждается божественной природой, красотой и грандиозностью горных массивов, а поднимаясь выше облаков, испытывает неизведанное доселе чувство единения с космосом: кажется, что отсюда, с поднебесья, можно обращаться непосредственно к Богу. Подобное чувство испытали многие, кто побывал в этих местах, ведь горы дарят поэтам и художникам не только темы для произведений, но и вдохновение.

Живопись европейцев нередко выдает их фобии, чувствуется, что они испытывают благоговейный страх перед высокими, острыми, кажущимися агрессивными вершинами гор, узкими, как бы стремящимися раздавить человека теснинами ущелий. Заметно, что жители степных просторов постоянно мысленно фиксируют, на какой высоте над уровнем моря они находятся, что, скорее всего, является реакцией на собственное физическое самочувствие. Головокружительная высота, разреженный воздух, недостаток кислорода, стресс, порой горная болезнь, в общем, экстремальные условия заставляют художника более остро переживать увиденное (Михаил Ваннах «Конец холодной ночевки», Арсений Мещерский «Дарьяльское ущелье»). Обитатели же гор чувствуют себя комфортно на любой высоте, потому не заостряют на этом внимание. Это вовсе не значит, что горцы игнорируют опасности, исходящие от гор: о них они осведомлены, как никто другой. Просто они чтут законы природы, живут в гармонии с ней, знают, как нужно вести себя в горах, чтобы не вызвать обвал или сход лавины.

Экстремальные условия жизни в горах заставляют европейцев почувствовать себя ничтожными перед величием и мощью кавказской природы, оттого люди в их картинах нередко кажутся беззащитными перед природными опасностями. Так, в картине художника Ильи Занковского «Дарьяльское ущелье» мастерски воссозданы черты местности, чувствуется кавказский колорит. Рисунок, тщательный во всех деталях, передает впечатление весомости, незыблемости, грандиозности гор, срез вершин которых рамкой картины подчеркивает их «врастаемость» в небо. Этому принципу следуют и художники Иван Айвазовский («Дорога из Млета в Гудаури»), Михаил Лермонтов («Эльбрус на восходе солнца»), Михаил Ваннах («Эльбрус при восходе солнца») и многие другие авторы.

Кавказский пейзаж приобрел в России значение поэтической и художественной традиции в XIX веке с начала русско-кавказской войны. Поэтов и художников Севера особенно поражал контраст между однообразием, бесконечностью степных просторов и разнообразием, но замкнутостью горных пространств, поскольку в сердце гор поле обзора невелико и все охватывается одним взглядом, скалы и горы активно перекрывают одна другую, и нет здесь ни горизонта, ни дальних видов, а перспектива резко замыкается близлежащими горами и скалами.

Изначально русские поэты-романтики замечали здесь в основном «ребра страшных гор», «мрак бездны», «сердиты реки», «ужасные скалы». Это были не просто поэтические тропы, несомненно, реальные опасности подстерегали человека на каждом шагу. Путешественникам и участникам военных действий казалось необычным все, что они видели вокруг, в частности, носящие орнитоморфный характер жилища и построенные в опасных, неприступных местах аулы горцев. «И там уж и люди гнездятся в горах», – очень точно заметил Пушкин. Эта особенность поселений горцев была отмечена многими, в частности, исследователем Кавказа XIX века Е. Барановым: «Дворы расположены по скатам отлогого холма и по карнизам отрывистых скал, так что на путника они с первого взгляда производят впечатление скорее орлиных гнезд, чем человеческих жилищ».

Исследователь балкарского средневекового зодчества Эммануил Бернштейн писал в своих трудах об идеальном соответствии балкарского жилища законам архитектурной бионики, о высокой степени ландшафтной мимикрии, достигнутой горскими зодчими в самого разного рода постройках, когда невозможно визуально отличить природные формы от рукотворных объектов (Иван Айвазовский «Дарьяльское ущелье», «Аул Гуниб в Дагестане», Франц Рубо «Горный аул на Кавказе», Никанор Чернецов «Вид Сурамской крепости в Грузии»).

Наиболее наглядно знакомили с Кавказом живописные полотна европейских и русских художников. Реалистичные, выполненные с

документальной точностью, скрупулезностью в деталях «портреты» гор и сегодня можно использовать в качестве исторических, географических и этнографических источников. В монументальном ритме горных объемов с особой четкостью воспроизводилась тектоника горных массивов, воссоздавалась первозданная мощь природы Кавказа. Картины становились путевыми дневниками, в которых авторы не только запечатлевали специфику горных «пирамид», особенности климата, необычность архитектурных сооружений, но и уделяли внимание традициям, антропологическим особенностям горцев, их этническим костюмам и предметам быта. Нельзя не отметить, что именно русская литература и живопись сформировали образ Кавказа в русской ментальности.

Картины, созданные европейскими и русскими художниками в XIX–XXI веках разнообразны по духу и настроению. В основном, это классические, чистые пейзажи. (Крайне редко встречаются горные виды, дополненные индустриальными мотивами, поскольку на Кавказ приезжают не для того, чтобы фиксировать надоевшие приметы сегодняшнего дня.) Художники используют пластический язык изобразительного искусства во всем богатстве его выразительных средств для создания, в основном, романтических ландшафтов, изображающих конкретные местности, знаменитые горные вершины или идеальный гармоничный мир. Один из певцов гор Николай Рерих, побывав на Кавказе, создал ряд пейзажей. Из-под кисти выдающегося мастера вышли картины ирреальные, фантастические, полные мистики, или рождающие глубокие религиозные чувства, среди которых «Кавказ. Синие горы», «Эльбрус. Кавказ».

Европейские художники, стремясь добиться иллюзорности пространства, как правило, строго соблюдают линейную перспективу, точные масштабы и пропорции, прочие законы реалистической живописи. Впечатление глубины и пространственности достигается сопоставлением затененных и освещенных плоскостей. В горах приходится учитывать необычное в сравнении с равниной освещение, когда тени многократно накладываются, поскольку скалы как бы наслаиваются одна на другую, непредсказуемо возникая там и здесь. Встречаются абсолютно непроницаемые для света места, которые невидимы даже в самый ясный день. Горы предстают перед зрителем в разное время года и суток: зимой и летом, на восходе солнца и в ночи, в солнечную погоду или бурю, ясно видимыми или спрятавшимися за облаками (Николай Ярошенко «Эльбрус в облаках», Михаил Лермонтов «Вид крестовой горы»). Пейзажи то безлюдны, и в них царит безмолвие, либо обжиты, населены людьми. В русской живописи XIX века превалируют визуальные наблюдения, любование красотами Кавказа, современных же авторов больше

волнует проблема взаимоотношения природы и человека, но и в том и другом случае художники стремятся наполнить свои полотна глубоким философским содержанием о вечности и неизменности гор, кратковременности и переменчивости человеческого существования.

Русские живописцы ищут в горах необычное, поэзию, романтику и в природе, и в повседневной жизни «хозяев гор», а художники из числа коренных народов, наоборот, акцентируют внимание на обыденном, но овеянном традициями и обычаями. Художники-аборигены крайне редко создают чистые пейзажи, сосредоточиваясь на жанровых композициях, действие в которых разворачивается на фоне природы, играющей важную, но далеко не главную роль в картине. Причем природа – это не реальный пейзаж с географической привязкой, как это делают русские или европейцы, а вымышленный, но способствующий раскрытию темы произведения. В условном метафизическом пейзаже, в своеобразно трактуемом сюжете горские живописцы стремятся использовать такие художественные координаты, которые бы вывели формулу бытия народа, позволили отразить национальные черты этноса.

Произведения балкарских художников всегда связаны с родными горами. Тонкий художественный вкус и глубокое понимание местной специфики позволили лучшим из них передавать в своих полотнах собственное оригинальное видение мира с «балкарским акцентом». В картинах местных живописцев не найдешь изображения городской жизни, поскольку они прекрасно понимают, что город стирает национальные особенности культуры этноса. Потому они выбирают село, где еще сохраняются архетипические пласты культуры горцев и одновременно нарождается новое, заставляя вступать в диалог старинное и современное. Такие художники, как Хызыр Теппеев, Ибрагим Джанкишиев, Якуб Аккизов, Валерий Курданов, Борис Гуданаев, Леуан Ахматов и другие находят свой идеал среди простых людей, хранителей того исконного, что есть в народе. Их персонажи несут на себе следы традиционного образа жизни, занимаясь исключительно теми видами деятельности, которые были извечно характерны для балкарцев. Они всегда одеты в национальную одежду, к тому времени вышедшую из употребления, но вызывающую у авторов острую ностальгию по ее утрате. Ее форма и цвет носят символический характер и полны глубоких смыслов. Художники не хотят мириться с исчезновением из жизни и других важных элементов балкарской культуры. Это заставляет их вновь и вновь воссоздавать в своих полотнах традиционный быт балкарцев, прекрасно понимая, что именно в нем коренятся основы мироустройства, образа жизни народа. Национальные атрибуты, вкрапленные в контекст полотен, рассматриваются не в их бытовом назначении,

а как архетипы, как изобразительный знак народа. Используемые живописцами языческие и мусульманские символы из сокровищницы фольклора и сакральной культуры балкарцев добавляют новые смысловые аспекты понимания этнокультурных ценностей народа. Именно они придают произведениям вневременной характер, позволяя рассматривать сюжеты и в сиюминутном значении, и в более широком историческом измерении. Вместе с тем, можно говорить о том, что это не просто жанровые картины, а серьезная рефлексия о бытии народа, о национальном духе балкарцев (Ибрагим Джанкишиев «Хозяин гор», «Прощание с родиной», «Мать и дочь», Леуан Ахматов «Загон», «Осень», Валерий Курданов «Путь на равнину»).

Горские художники вполне осознанно стремятся уйти от современности в мир, некогда реально существовавший, но оставшийся в прошлом. Так, в их творчестве сложился величественный образ Балкарии, вызывающий ностальгию по утраченным национальным ценностям. Это воображаемый мир, в котором жизнь человека протекала в полной гармонии с вселенной и с самим собой. Балкарские художники создали собственную изобразительную систему, позволяющую им транслировать через картины свои чувства. Национальную окрашенность произведению придают не только этнические особенности изображаемого быта и характеров героев, но и психология самих авторов полотен, выражающая особенности мировосприятия, образно-пластического мышления, в общем, менталитета народа, складывавшегося веками под влиянием окружающей среды. Одним из способов передачи философской глубины и образной выразительности произведений у местных живописцев становится метафоричность, стремление к иносказательности. Через изображаемые события, природу, архетипические мотивы и образы авторы способны передать важный для них подтекст (Ибрагим Джанкишиев «Над миром», Хызыр Теппеев «Кавказский пейзаж лицом на Север»).

Если европейцев в горах привлекает прежде всего нечто экзотическое с их точки зрения, что, кстати, вовсе не кажется таковым кавказцам, то для аборигенов ценно привычное, они вообще не акцентируют внимание на том, что кажется необычным «равнинникам», поскольку горы для них – это обычная среда их обитания, дарующая средства и способ существования. Балкарские живописцы вообще не заостряют внимание на природно-ландшафтных факторах: их пейзажи, в отличие от работ европейцев, носят декоративный характер и выполнены без всякого намека на географические координаты. О том, что действие происходит в высокогорном ауле, глядя на их полотна, можно догадаться лишь по сюжету и по характерной «орлиной оптике», что вполне естественно, поскольку они живут в одном пространстве с птицами. Экзистенциальные координаты

балкарцев позволяют увидеть мир не только сверху, но и изнутри, из самого сердца Кавказа, и дают возможность почувствовать, что они являются хозяевами гор и вписаны в них онтологически, в то время как европейцы смотрят на горы как бы извне, отстраненно, воспринимая себя чужими в этих краях.

В жанровых сценах, происходящих высоко в горах, главное внимание горские художники уделяют происходящим событиям. Чтобы подчеркнуть значимость своих соплеменников, они показывают их крупным планом, равновеликими, сомасштабными горам, предельно приближая к переднему краю картины. Местных мастеров искусств вовсе не волнует тот факт, что размеры их персонажей явно превышают реальные и по европейскому канону несоразмерны окружению. В картинах же европейцев фигуры людей всегда подчиняются классическим законам европейской живописи, и даже в жанровых полотнах приоритет отдается горам, которые неизменно оказываются в фокусе зрения художника и представляют собой топографически точные изображения реальных ландшафтов, в то время как людям отводится второстепенная роль. Исключение, пожалуй, составляют батальные полотна.

С дистанции времени полотна художников, свидетелей военных действий на Кавказе (Григория Гагарина «Сражение между русскими войсками и черкесами при Ахатле 8 мая 1841 года», Франца Рубо «Штурм аула Салта» и «Штурм аула Гимры», Теодора Горшельта «Штурм укреплений Гуниба»), воспринимаются как художественно-документальные произведения, поскольку они несут богатейшую информацию о русско-кавказской истории этого периода. Не случайно они используются в качестве иллюстраций даже в научных трудах. Однако они имеют ценность не только как военно-исторический, географический или этнографический материал, но, прежде всего, как художественные произведения. Художники-баталисты, рассказывая в своих полотнах о жестоких схватках, о бедствиях, которые переживали и горцы, и русская армия, видели главной целью своего творчества объективное освещение военных событий на Кавказе середины XIX века, потому их работы дышат историзмом, достоверностью. Природа играет большую роль в раскрытии идеи произведений, не уступая в своей значимости изображению военных действий: походов, битв, кратковременных привалов. Бездонные пропасти ущелий, крутые склоны гор, стремительные реки выразительно повествуют о жизни воюющих сторон, полной тягот и опасностей.

Анализируя живопись, посвященную Кавказу, можно прийти к выводу, что ментальность художника обуславливает восприятие им картины мира через призму видения своего этноса, оттого его произведения обретают национальную окраску.

В номере:

<i>Аскерби Шортанов. Горцы. Роман</i>	2
<i>Александр Пряжников. Один месяц одной осени. Стихи; Moja uroda.</i> <i>Рассказ</i>	53
<i>Алим Алафаев. Стихи</i>	71
<i>Федор Ошевнев. Мечта десантника. Рассказ</i>	77
<i>Владимир Зарубин. Стихи</i>	87
<i>Анна Халишхова. Письмо из прошлого. Рассказ</i>	93
<i>Ксения Хохлова. Стихи</i>	95
<i>Залимгери Мирзоев. Стихи</i>	102
<i>Юрий Тхагазитов. Али Шогенцуков и национальный литературный процесс... Статья</i>	104
<i>Адам Гутов. Высокая честь. Статья</i>	112
<i>Людмила Хавжокова. Грани таланта. Статья</i>	119
<i>Хангери Баков. Актуальные проблемы... Статья</i>	126
<i>Тахиржан Хайруллаев. Судьба. Статья</i>	135
<i>Асият Кармова. Музыка адыгской вселенной. Статья</i>	146
<i>Алим Балкаров. Из истории кабардинского театра. Очерк</i>	156
<i>Алим Сабур. Приговоренный Орхан Памук. Статья</i>	165
<i>Валерий Крушельницкий. Человек с солнцем в сердце. Очерк</i>	174
<i>Павел Сидорук. Размышления вслух. Статья</i>	180
<i>Жаухар Аннаева. Кавказ в живописи... Статья</i>	184

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 02.09.2020. Подписано к печати 02.10.2020.
Выход в свет 09.11.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 740 экз. Заказ № 2208. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб., за
год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

01.09.2020 в Колонном зале Дома Правительства состоялось вручение государственных наград Кабардино-Балкарской Республики, приуроченное ко Дню государственности КБР.

В торжественной церемонии приняли участие Глава Кабардино-Балкарской Республики К. В. Коков, Председатель Парламента КБР Т. Б. Егорова, Председатель Правительства КБР А. Т. Мусуков, главный федеральный инспектор по КБР Т. Э. Макоев, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители министерств, главы муниципальных образований республики.

На фото: Казбек Валерьевич Коков поздравляет председателя правления Союза писателей КБР Муталипа Азноровича Беппаева с присвоением ему звания «Народный поэт Кабардино-Балкарской Республики».

